

ББК 76
А 38

Факультет
журналистики ВГУ
Академия наук
региональной печати

АЛЬМАНАХ

Выпуск 5-6 (180-181)
2021

Редакционная
коллегия:

В.В. Тулузов —
главный редактор
А.А. Кажикин
А.М. Шишлянникова
(Воронеж)
С.Г. Корконосенко
(Санкт-Петербург)
А.И. Акопов
(Ростов-на-Дону)
Ю.Н. Мясников
(Томск)
В.Ф. Олешко
(Екатеринбург)
Ю.В. Лучинский
(Краснодар)

ISBN 5-900955-02-8

Корректоры – Т. Коновалова,
Е. Рязских

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета.

Подписано в печать
28.09.2021. Тираж 150 экз.

Содержание

СЛОВО РЕДАКТОРА

Владимир Тулузов

СМИ – аудитория – власть: механизмы взаимодействия..... 2

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЖУРНАЛИСТИКИ

Роман Баканов, Ляйля Сабирова

Особенности интервью в печатных и online-изданиях
Республики Татарстан начала XXI века 4

Елена Пронина, Камилла Стока

«Ментальная война»: новый вызов профессиональной
журналистике 12

ОБРАЗОВАНИЕ

Галина Щербакова: «Мне интересно исследовать, откуда
берутся новые идеи и почему люди ими загораются» 21

СООБЩЕНИЯ 27

ДАЙДЖЕСТ

Николай Долгополов: «В Париж я поехал через Чернобыль» ... 29
Андрей Фурсов: «Удел тех, у кого нет идеологии, —
пикник на обочине Истории» 35

КУЛЬТУРА

Историческая встреча 38

ЛИТЕРАТУРА

«Уцелевшие ветра» в творчестве Игоря Будакова 44

НОВЫЕ КНИГИ

«Курсовая работа. Воспоминания и рассуждения
студентов шестидесятников» 46

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ КОЛЛЕГ

Виктор Лютюв

И все-таки: пациент скорее жив!
Записки бывшего районщика 48

Илья Макаров

Дом печали 69

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 75

Владимир Тулунов

СМИ – аудитория – власть: механизмы взаимодействия

Медиаэксперты констатируют, что отечественное информационное пространство является не просто раздробленным, но загрязненным «информационным шумом». В регионах субъекты информационной деятельности действуют разрозненно и не на основе общепрофессиональные и этические «правила игры» (стандарты). Отсутствие же консенсуса реально тормозит развитие регионов. Средства массовой информации, бывшие прежде первыми среди ответственных за медиадискурс, резко теряют в доверии, и тема «Власть — СМИ — общество» остается актуальной, взаимоотношения в обозначенной цепочке остаются сложными. И прежде всего потому, что необходимый общественный договор существует лишь на словах. И эта проблема, конечно, отнюдь не региональная, а общенациональная.

Что касается общества, то здесь ситуация, на наш взгляд, такова: познав свободу выбора, население уходит в социальные сети, отказываясь от профессионально подготовленной и транслируемой информации в СМИ, и прежде всего в государственных СМИ. И это если не трагедия, то серьезная проблема: ведь в интернет-пространстве много информационного шума, мусора, много фейков, много т.н. провокативного дискурса.

Что касается СМИ, то существует мнение, что они изначально должны быть в оппозиции к власти, хотя вернее и конструктивнее находиться в оппозиции к ошибкам властных структур (выступать и «разгребателями грязи», и быть «сигнальщиками»), поддерживая в то же время все интересное и полезное с общественной точки зрения.

Что касается власти, то в теории так: деньги, которыми распоряжаются учредители и которые идут на поддержку СМИ, — это деньги налогоплательщиков, и властные структуры это осознают. На практике же они зачастую преувеличивают свою посредническую роль, считая, что именно власть и только власть «заказывает музыку».

Сложность взаимоотношений определяется также тем, что власть — также часть общества, а СМИ — также

власть, хотя и «четвёртая», а общество многолико, и порой охлократия, власть толпы становятся опасными для всех.

Но вернемся к обществу, точнее — к аудитории СМИ.

Следует признать, что мы потеряли статус «самой читающей страны». Сегодня меньше вообще читают; меньше читают серьезную художественную литературу; меньше выписывают и читают прессу; меньше обращаются к качественным СМИ. Отсюда — снижение уровня и широты читательского интереса, падение общей культуры. Важно четко сформулировать и последовательно решать сложную комплексную задачу по повышению общей грамотности населения, по воспроизводству качественной аудитории в регионе (см. советский опыт: литература, кино, театр, журналистика для детей дошкольного, младшего школьного возраста, для юношества, для молодежи и т.д.). То есть необходимо развивать медиаобразование в самых различных формах: факультативы в школах и вузах, фестивали СМИ детско-юношеской прессы и т.п.

Далее — о региональных СМИ. В целом их отличает однообразный сугубо позитивный контент (тематика, проблематика, жанры) и крайне слабая обратная связь. Следует предлагать аудитории интересный (не «кабинетный») проблемный контент на различных платформах (печать, РВ, ТВ, интернет); публиковать дискуссии по актуальным проблемам, а также страницы читательских писем, следя за многоохватностью тематики и географии публикаций. Местным журналистам нужно активнее предлагать населению соучастие в создании СМИ (создавать клубы друзей СМИ, сеть добровольных корреспондентов, форпосты изданий); создавать школы юных журналистов при редакциях местных СМИ и кружки журналистики в школах, поддерживать школьные медиacentры, СМИ; осуществлять выездные редакции на местах; проводить встречи с читателями, читательские конференции с приглашением героев публикаций и работников библиотек; организовывать конкурсы читателей; растить журналистскую смену (сегодня же, к сожалению, заключить договор на прохождение практики даже в государственных СМИ проблема).

Власть в информационном плане пока достаточно закрыта. Она рассматривает местную прессу лишь как инструмент властного влияния, занимаясь излишней опекой и негласной цензурой. Что же делать?

Об авторе: Тулунов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

- Сконцентрировать усилия не столько на контролирующих, сколько на организационных функциях (создание эффективного информационного режима; создание условий для свободы самовыражения и освещения общественных дебатов; поддержка института журналистики, общественных СМИ и др.).
- Активизировать государственную информационную деятельность, повышая при этом информационную открытость, используя все современные информационные площадки и работая на опережение.
- Рассматривать СМИ на деле как важнейший социальный, а не коммерческий проект, понимая, что та же местная пресса и существует для отражения и решения социальных проблем, а не только для опубликования официальной информации и официальной точки зрения.
- Видеть в СМИ не только оппонента, но и помощника в поиске проблемных мест, в управлении районом или городом, воспринимая объективную критику как полезный конструктив.
- Возродить детско-юношескую и молодежную журналистику.
- Стимулировать работу гильдий и консультационных советов при органах власти.
- Поддерживать проекты по медиаобразованию, а также повышению профессионализма работников СМИ (проводить реально деловые и краткосрочные медиафорумы).

В заключение — о свободе слова. Она нужна? Конечно! Но **свобода правдивого слова**. И в условиях соблюдения общих правил взаимодействия всеми названными выше субъектами медиакommunikации. Могут возникнуть вопросы: а если возникают особые условия — например, пандемия, информационная война? Стоит ли нагнетать обстановку? И где та черта, по которой проходят ограничения во благо общества или настоящая цензура?.. Да, непростые вопросы, но, думается, в этом случае необходимо прежде всего доверять профессионалам и еще серьезнее заниматься массовым медиаобразованием.

Итак, региональная информационная политика вызывает как минимум вопросы, и, думается, без комплексного конкретно-социологического исследования — серьезного, профессионального — не обойтись, дабы не ограничиваться лишь предположениями, а получить конкретные ответы на трудные вопросы. Например, на такие:

— Существующий диалог власти и населения — это реальность или имитация?

— Средства массовой информации действительно влияют на общественное мнение или работают по преимуществу вхолостую?

— Так ли страшны телеграм-каналы и некоторые интернет-порталы, как их «малюют»?

Подобное исследование — не ради теории, а ради нашей насущной практики — крайне необходимо, если мы не хотим просто «латать дыры», а выстраивать долгосрочную стратегию региональной информационной политики.

Это преамбула, а теперь об общих предположениях, возможно, дискуссионных.

Роман Баканов, Ляйля Сабирова Особенности интервью в печатных и online-изданиях Республики Татарстан начала XXI века

Аннотация: авторы статьи изучили более 4100 выполненных в жанре интервью публикаций в двадцати печатных и online-изданиях Республики Татарстан на русском и татарском языках. Периоды выполнения исследования: 1999–2001 гг. и 2019 — середина 2021 гг. Применены методы сплошного мониторинга газет и журналов, а также сюжетно-композиционного, лексико-стилистического и сравнительно-сопоставительного анализа эмпирической базы исследования, авторы статьи, во-первых, выявили значительное увеличение численности интервью в «повестке дня» СМИ как в начале XXI в., так и в настоящее время. Во-вторых, нами было выявлено, что жанровые характеристики интервью изменяются в сторону упрощения и простоты восприятия аудиторией. В-третьих, все респонденты не выражали оппозиционных власти идей и мнений. В-четвертых, дальнейшее увеличение внимания корреспондентов газет и журналов к существующим в социальных сетях практикам подачи медиатекста может привести к традиционным СМИ к существенным видоизменениям их творческого стиля и почерка, потере оригинальности контента, что впоследствии может довести до утраты доверия к ним со стороны аудитории.

Ключевые слова: Республика Татарстан, интервью, жанр, медиатекст, респондент, герой, мнение, диалог, вопрос.

Темп современной жизни настолько динамичен, что вряд ли многие из нас в настоящее время смогут обойтись без объяснений или комментариев тех или иных фактов, явлений, ситуаций, процессов. Без этого наверняка невозможен процесс дальнейшей социализа-

ции индивида. Мы получаем разнообразную информацию практически ежеминутно и сразу же принимаем решения: как с ней поступить. Если считаем сведения бесполезными, то пропускаем их, а если полагаем, что они нам могут чем-то помочь, то задумываемся над тем, как отреагировать на них. Воздействующий на человека информационный поток крайне неоднороден по содержанию и заставляет его нести ответственность не только за упущенные или не принятые вовремя важные данные, но и за то, как на них могут отреагировать члены семьи. Таким образом, современное потребление информации требует от реципиента самообладания, быстроты реакции и хотя бы первоначальных навыков критического ее осмысления.

В журналистике интервью может быть рассмотрено в двух ипостасях: в-первых, как метод сбора информации. В этой связи интересно обратить внимание на авторские приемы ведения интервью: как происходит «разворот» конкретной темы, насколько глубоко собеседники «погружаются» в изучаемую проблему, как автор беседы ведет диалог, какие приемы, позволяющие разговорить человека, использует и т. д. В условиях увеличения скорости информационного потока, трансформации межличностных отношений, девальвации печатного и произнесенного в эфире слова, трансформации интереса и усиления внимания аудитории к новым (возможно, более удачливым и известным) по сравнению с окончанием предыдущего десятилетия персонам и других характеристик функционирования журналистики и медийных коммуникаций XXI в. авторам данной статьи представляется, что интервью как метод получения информации и форма ее представления аудитории за два десятилетия нового века могли претерпеть изменения. В чем они заключаются, и насколько теперь заметна разница между классическими формой и форматом организации и проведения интервью и его современным состоянием, есть один из наших исследовательских вопросов.

Он также актуален в контексте конвергенции журналистики, добавления к традиционным видам СМИ онлайн-«представительств», дальнейшим развитием медийных аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах, изменений требований к повседневной журналистской деятельности, новому пониманию профессионально успешной работы медийных авторов со стороны учредителей СМИ и владельцев медийного бизнеса.

Об авторах: Баканов Р. П., кандидат филологических наук, доцент кафедры национальных и глобальных медиа Казанского (Приволжского) федерального университета, rbakanov@yandex.ru; Сабирова Л. Р., кандидат филологических наук, доцент кафедры национальных и глобальных медиа Казанского (Приволжского) федерального университета, lysabirova@yandex.ru

Во-вторых, интервью — один из информационных жанров журналистики. Наш предварительный и поверхностный мониторинг печатных СМИ Республики Татарстан (далее РТ) позволяет говорить о том, что в настоящее время данный жанр является одним из популярных в системе жанров местных СМИ. Но наверняка и его характеристики изменились в контексте современного состояния региональной медиасистемы, а также представлений медийных учредителей, редакторов и менеджеров о необходимом и необязательном для аудитории конкретных изданий и телеканалов. Нельзя забыть и об информационных предпочтениях и приоритетах аудитории, у которой, в силу разных причин, теперь не так много времени на ознакомление с содержанием традиционных СМИ и получением информации из печати или электронных источников. В то же время, как показывают данные социологических опросов, жители России вслед за гражданами других стран мира все больше уделяют внимания и готовы тратить время на потребление контента, предлагаемого им в социальных сетях или мессенджерах [1]. Тем более что в данных средствах информирования можно найти разнообразные, противоречащие официальной, точки зрения, так называемые народные новости.

Таким образом, все указанное выше, на наш взгляд, позволяет говорить об актуальности интересующей нас исследовательской проблемы. Авторы статьи постарались комплексно изучить объект исследования, потому выявили творческо-профессиональные деформации в интервью как в методе сбора информации, так и в его жанровых характеристиках по сравнению с окончанием 1990-х гг. — началом 2000 гг.

Целью данной статьи является выявление и изучение особенностей интервью в печатных и online-изданиях РТ начала XXI века.

Объектом исследования стали печатные издания, их интернет-сайты, а также online-медиа РТ, предметом исследования — особенности интервью в печатных и online-изданиях РТ начала XXI века.

Хронологический период исследования состоит из двух частей. Первая продолжается с 1 января 1999 г. по 1 января 2002 г. Это время преобладания печатных СМИ. Несмотря на то, что многие федеральные издания к тому времени уже так или иначе освоили интернет-пространство, и в нашей стране началось развитие блоггерства («Живой Журнал»), региональные СМИ в большинстве своем еще не были онлайн. Например, первыми среди СМИ Татарстана по выходу в глобальное пространство стали редакции газет «Вечерняя Казань» и «Молодежь Татарстана», телекомпания «Эфир», среди отраслевых изданий редакция газеты «Казанский университет». Помимо этого, перед журналистами в то время еще остро не стоял вопрос универсальности, многозадачности за ограниченное время и много других, в дальнейшем привнесенных в контексте мультимедийности, требований. Таким образом, данный период, на наш взгляд, можно характеризовать как уже не классический, содержащий определенные изменения в подаче материала в зависимости от привычек и предпочтений целевой аудитории, а также желаний учредителей и владельцев конкретных СМИ, но еще

и не такой стремительно изменяющийся под властью мультимедийности, как в последующие годы.

Вторая часть — период с 1 января 2019 г. по 1 июля 2021 гг. — представляет собой время жесткой конкуренции между традиционными печатными и мультимедийными изданиями (так называемыми «новыми медиа»). Тиражи печатных СМИ продолжают сокращаться (по крайней мере, в РТ) [2, 3], online-издания ранее приобрели себе устойчивую целевую аудиторию, но в период пандемии covid-19 многим из них не удалось сохранить ее в полном объеме, вследствие чего коллективы редакций решились на различные административные и творческие эксперименты. Им непросто бороться за привлечение и удержание внимания аудитории, тем более что статистика показывает: многие татарстанские Телеграм-каналы постепенно увеличивают численность своих подписчиков [4, 5], часто используя заимствованные у традиционных СМИ методы сбора сведений, а также приемы подачи информации и удержания внимания аудитории. Несмотря на то, что некоторые медийные эксперты (А. Амзин, А. Градюшко, М. Корнев, А. Мирошниченко) [6–8] прогнозируют дальнейшее сокращение тиражей периодической печати, в регионах со стороны власти принимается ряд мер по поддержке редакций газет и журналов. О том, как с этим обстоят дела в Татарстане, мы писали в одной из предыдущих статей [9].

Интервью — один из немногих жанров, который вызывает оживленные, порой противоречивые дискуссии по поводу своей сущности. Толкование термина интервью также менялось в зависимости от самого развития жанра, политической ситуации в стране и от многих других лингвистических и экстралингвистических факторов. Неизменной в определении жанра интервью осталась следующая характеристика: беседа, представляющая общественный интерес, который определяется не только актуальностью или злободневностью обсуждаемого вопроса, но и возможностью адресата прямо или косвенно проявить отношение к затронутой проблеме.

Интервью традиционно входит в группу информационных жанров журналистики. Однако в связи с произошедшими в российской прессе изменениями (усиление авторского начала, раскованность стиля, нацеленность прессы на диалог с аудиторией, возросшая роль художественного приема в обработке материала) серьезно встает вопрос о месте интервью в жанровой системе. Место интервью определяют в группе оперативно-исследовательских текстов. Тем самым подчеркивается появление в этом жанре нового по сравнению с советским периодом качества — аналитичности. Еще одним фактором, осложняющим определение места интервью в системе газетных жанров, является появление комбинированных жанров вследствие длительного соседства интервью и статьи, интервью и комментария, информации и интервью, очерка и интервью. Например, С. О. Савчук еще в 2001 г. отмечала, что комбинированные жанры составляют около двадцати процентов текстов [10].

В сложившихся условиях существенные изменения претерпевает и система журналистских жанров.

Какие-то из них оказались полностью вытесненными с печатных страниц и из эфира, другие, наоборот, чаще используются в СМИ и так называемых авторских медиа. На наш взгляд, это можно сказать и о жанре интервью, которое широко представлено, в том числе, и в online-медиа. В данной статье мы постарались выявить, какие трансформации произошли с данным жанром в РТ — одном из самых медийно насыщенных регионов страны [11] — в первые двадцать лет XXI в.

Эмпирическую базу исследования составили двадцать региональных печатных и онлайн-изданий (радио- и телеканалы, а также публикации соцсетей и мессенджеров нами были изучены, однако результаты этого исследования в данную статью не вошли) на русском и татарском языках. В выборку были включены издания, имеющие разные показатели тиража, индекса цитирования, типологических характеристик, объема, периодичности, географии распространения и формы собственности / принадлежности к учредителю. Несмотря на то, что в РТ два государственных языка, печатные СМИ издаются еще на чувашском, удмуртском и английском языках, система русскоязычных СМИ по сравнению с иноязычными на региональном медиарынке представлена несколько большим разнообразием информационных предложений для аудитории. Этим объясняется некоторое преобладание в эмпирической базе источников на русском языке.

Мы разделили эмпирическую базу на две группы в соответствии с хронологическим периодом исследования. В выборку попали почти все наиболее цитируемые по данным компании «Медиалогия» в 2020 г. СМИ. В первую группу (с 01.01.1999 г. по 01.01.2002 г.) вошли следующие издания:

— государственные печатные СМИ: газеты «Республика Татарстан» (на русском языке) и «Ватаным Татарстан» (на татарском языке), журнал «Татарстан» (на русском и татарском языках);

— муниципальные издания г. Казани: «Казанские ведомости» (на русском языке) и «Шәһри Казан» (на татарском языке);

— негосударственная городская газета: «Вечерняя Казань» (на русском языке);

— тематические республиканские издания: газета «Молодежь Татарстана» (на русском языке), газета «Татарстан яшьләре» (на татарском языке), газета «Мәдәни җәмга» (на татарском языке), журнал «Казань» (на русском языке) и журнал «Ялкын» (на татарском языке);

— республиканское литературно-художественное издание: журнал «Сөембикә» (на татарском языке);

— районные издания: «Челнинские известия» (на русском языке) и «Нократ» (на татарском языке).

Во второй этап хронологического периода (с 01.01.2019 г. по 01.07.2021 г.) были изучены следующие печатные СМИ и их сайты:

— государственное информационное агентство: «Татар-информ» (на русском и татарском языках);

— государственные печатные СМИ: газеты «Республика Татарстан» (на русском языке) и «Ватаным Татарстан» (на татарском языке), журнал «Татарстан» (на двух языках);

— муниципальные издания г. Казани: «Казанские ведомости» (на русском языке) и «Шәһри Казан» (на татарском языке);

— негосударственные online-издания: «KazanFirst» и «InKazan» (на русском языке);

— тематические республиканские издания: газета «Мәдәни җәмга» (на татарском языке), газета «Татарстан яшьләре» (на татарском языке), журнал «Казань» (на русском языке) и журнал «Ялкын» (на татарском языке);

— негосударственное городское online-издание: «Вечерняя Казань» (на русском языке);

— деловая электронная республиканская газета: «БИЗНЕС Online» (на русском языке), «Интертат.ру» (на татарском языке);

— республиканское литературно-художественное издание: журнал «Сөембикә» (на татарском языке);

— районные издания: «Маяк» (г. Азнакаево) (на русском и татарском языках) и «Челнинские известия» (на русском языке). Выбор данных изданий обусловлен тем, что, во-первых, газета «Маяк», по данным УФПС «Татарстан почтасы», являлась лидером в регионе по показателям подписной кампании на первое полугодие 2019 г. [12]; во-вторых, газета «Челнинские известия», по данным компании «Медиалогия», на протяжении 2019–2021 гг. неизменно входит в ТОП-10 наиболее цитируемых СМИ [13].

Таким образом, всего за два этапа хронологического периода исследования авторы статьи изучили 4114 публикаций, выполненных в жанре интервью (разных его видов и подвидов).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые с 2011 г. [14] предпринята попытка системно-комплексного изучения интервью как жанра журналистики и метода сбора информации для подготовки различных журналистских публикаций, выявлены определенные трансформации как в характеристиках данного жанра, так и в форме подачи таких публикаций со стороны редакций СМИ аудитории в региональной журналистике.

Выполняя исследование, мы применяли следующие *методы*:

— *сплошной мониторинг* эмпирической базы исследования с целью выявления в каждом из СМИ медиатекстов, созданных в жанре интервью;

— *сюжетно-композиционный анализ* публикаций, выполненных в жанре интервью, с помощью которого мы выявили изменения как в жанровых характеристиках интервью, работе журналиста при подготовке к разговору и/или во время его проведения, а также при подаче медиатекстов аудитории;

— *лексико-стилистический анализ* публикаций, позволивший нам выявить изменения как в формировании и представлении аудитории так называемого лексико-стилистического и содержательного портрета героев интервью, так и его авторов (какие предпочитают задавать вопросы, как ведут себя по отношению к собеседнику, какие используют виды и подвиды заголовков и лидов, обостряют ли ход разговора или отдают его инициативу гостю, применяя при этом определенные тактики и стратегии интервью);

— сравнительно-сопоставительный анализ публикаций в жанре интервью, с помощью которого установили: во-первых, в каких из изученных нами СМИ авторы делали интересные, «живые» интервью, а где подходили к своим обязанностям формально; во-вторых, в чем отличия (и есть ли они) в подаче интервью в зависимости от характеристик того или иного СМИ.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут помочь как начинающим, так и профессиональным российским журналистам в корректировке и практическом использовании современных методик, творческо-коммуника-

тивных стратегий и приемов подготовки публикаций в жанре интервью, которые позволят таким медиатекстам оперативно стать востребованными среди аудитории и тем самым повысить индекс цитирования авторам и СМИ в региональном и общероссийском медийном пространстве и, возможно, в связи с этим обратить на себя внимание большего числа рекламодателей разного уровня и получить от них определенный бюджет для дальнейшего творческого саморазвития.

Проведенный авторами статьи мониторинг эмпирической базы показал, что внимание к жанру интервью в СМИ РТ постепенно увеличивается. Результаты наблюдения представлены в Таблице 1.

Табл. 1 Интервью в системе жанров СМИ РТ (результаты количественного анализа)

Название СМИ	Период с 01.01.1999 г. по 01.01.2002 г.	Период с 01.01.2019 г. по 01.07.2021 г.	Всего публикаций
«Казанские ведомости»	176	317	493
«Республика Татарстан»	127	349	476
«Шәһри Казан»	84	342	426
«Татарстан»	98	202	300
«Ялкын»	8	275	283
«Сөембикә»	16	266	282
«Ватаным Татарстан»	82	188	270
«Татарстан яшьләре»	63	191	254
«Интертат.ру»	–	236	236
«Мәдәни җәмга»	71	158	229
«Челнинские известия»	22	182	204
«БИЗНЕС Online»	–	154	154
«Казань»	16	122	138
«Вечерняя Казань»*	36	81	117
«Молодежь Татарстана»*	67	–	67
«Ноқрат»	14	38	52
«KazanFirst»	–	47	47
«Маяк»	–	42	42
«InKazan»	–	28	28
«Татар-информ»	–	16	16
Всего публикаций	880	3234	4114

В выборку не были включены созданные в форме монолога медиатексты, содержащие авторские комментарии событий или явлений или краткие мнения разных персон по какому-либо информационному поводу.

* Газета «Молодежь Татарстана» в 2019–2021 гг. не издавалась, газета «Вечерняя Казань» с 01.01.2019 г. издается только в online-формате.

Таким образом, проведенный авторами статьи мониторинг эмпирической базы показал, что внимание к жанру интервью в СМИ РТ постепенно увеличивается. Результаты наблюдения представлены в Таблице 1.

Интервью — один из часто встречаемых жанров в СМИ РТ на русском и татарском языке. Из Таблицы 1 видно, что за двадцать лет нового века численность созданных в данном жанре публикаций увеличилась

как минимум в два раза во всех печатных и online-изданиях, в некоторых значительно (в журнале «Ялыкын» в 34,4 раза (!), в газете «Челнинские известия» в 8,3, журнале «Казань» в 7,5 раза). Героями медиатекстов стали политические лидеры и депутаты (многие из них по несколько раз), руководители промышленных предприятий региона, деятели искусства и науки, работники сферы образования, государственные служащие верхнего и среднего звена. В государственных СМИ предпочтение отдавалось госслужащим и руководителям крупных бюджетобразующих предприятий, в негосударственных медиа слово предоставлялось скорее другим категориям граждан, чем политикам, директорам и экономистам. При этом нами не выявлено определенной персоны, чьим мнением журналисты интересовались гораздо чаще остальных. В рамках подготовки данной статьи мы не ставили задачу сделать рейтинг частоты интервью конкретных персон, однако отметили выявленный баланс между представителями всех ветвей власти и бизнеса, госслужащими разного уровня и деятелями науки и искусства.

Жанр интервью широко представлен на страницах татарских газет. Однако разные издания предпочитают публиковать определенные виды интервью и игнорируют другие. Наиболее распространенными в журналистике Республики Татарстан являются интервью на основе беседы, полилога и диалога. Не исключаются и такие модификации, как интервью-зарисовка, интервью-сообщение, интервью-портрет, анкета и другие.

Вопросы в интервью, основанном на беседе, четки и конкретны, без аналитической подоплеки. Кроме того, в центре разговора могут быть и проблемные вопросы, требующие рассмотрения, однако они лишь указывают на проблему, но не разворачивают тему. Тематический диапазон безграничен. В беседе журналист чаще всего акцентирует свое внимание на характеристике конкретной личности, не затрагивая глобальных тем. Вопросы соответственные: чем занимается в данный момент? каковы творческие планы? каковы цели? и пр. На первый взгляд, такие материалы поверхностны и маловажны. Но это не так. Интервью-беседа оживляет региональную печать. Читатели региональных, в том числе и татарских изданий, с огромным вниманием следят за новостями, успехами, достижениями, разочарованиями героев. Так, в интервью с лидером партии ЛДПР В. Жириновским психолог Р. Гарифуллин пытается своими вопросами разговорить политика. Личностный характер вопросов социализирован общественной значимостью статуса героя материала: «Сез хэзер минем белэн сөйләшсезме, әллә халык беләнме?» («Вы сейчас разговариваете со мной или с народом?»), «Сез бик юмарт кеше. Бу халык алдында гына уйнаумы, әллә чыннан да булышасызмы?» («Вы очень щедрый человек. Вы на самом деле помогаете или это игра на публику?»), «Кайвакыт кешеләр үзләрен башка һөнәр иясе итеп күрәләр. Сез үзегез өчен кем?» («Иногда люди видят себя в иной профессии, Вы кем представляете себя?») [15].

Наше исследование показало, что журналисты татароязычных изданий стараются через данный жанр раскрыть портреты известных производителей,

политиков республиканского масштаба, артистов, деятелей культуры, науки, социальной сферы. Соответственно, беседа всегда проходит в непринужденной, легкой манере. Например, в интервью с заместителем генерального директора телерадиокомпании «Новый век» Миляушой Айтугановой вопросы были очень простыми, ориентированными не на ее профессиональную деятельность, а на личные женские качества собеседницы. Мы считаем, что такой формат разговора заинтересовал аудиторию, ведь в таком случае героиня по-новому предстала перед ней. «Миләүшә Ләбибовна, тормышта күңелегезне айкаган, бәхетле мизгелләр еш буламы?» («Миляуша Лябибовна, у Вас в жизни часто бывают счастливые моменты, которые заполняют всю душу?»); «Ельий беләсезме?» («Умеете плакать? »); «Сез житәкче хатын-кыз. Өйдә лидерлык кем кулында?» («Вы женщина-руководитель, а в семье кто лидер?»); «Үзегезгә вакытыгыз каламы?» («На себя время остается?») [16]. Построение вопросов, исходя из мотивов речи, направлено на раскрытие того, что интересно аудитории, т. е. адресату речи: какая она женщина.

В отличие от интервью-беседы, в интервью-полилоге акцентируется внимание не на личностных свойствах героев, а на их социальной позиции, мироощущении, взглядах, оценке того или иного действия. На страницах татароязычных изданий полилоги принимают разные формы. В газете «Ватаным Татарстан», например, имеется постоянная рубрика «Туры элемент» («Прямая связь»). На вопросы читателей отвечают представители государственного аппарата, органов самоуправления, представители социальных служб. В интервью-полилоге от 15.02.2001 г. «на прямой линии» был министр здравоохранения РТ К. Ш. Зыятдинов. Он отвечал на вопросы ветеранов, пенсионеров, сельских тружеников, журналистов. Например:

«- Камил Шәһретдинович, 80–90- яшьлек карткарчыклар, ташламалы даруга рецепт алу өчен участка табибына 2–3 сәгатъ чират торабы, диләр, даруханәдә дә шул ук хәл. Мин үзем Даурский урамындагы 15нче даруханәгә беркетелгән. (Камиль Шахретдинович, говорят, что 80–90-летние старики вынуждены стоять по несколько часов в очереди к участковому врачу, чтобы получить рецепт, такая же история и в аптеках. Я сама отношусь к аптеке № 15 на Даурской);

— Сез участок табибларына хезмәт хакы күтәрелгәч, стационарда эшләүче табиблар саны кимер дип курыкмыйсызмы? (Вы не опасаетесь того, что увеличение зарплаты участковым врачам приведет к спаду желающих работать в стационаре?)» [17].

Авторы данной статьи считают, что роль автора диалога заключается прежде всего в том, чтобы своими вопросами задать направление анализа, который осуществляет само интервьюируемое лицо. Поэтому журналист должен тщательно формулировать свои вопросы. Наглядно это прослеживается в публикации под названием «Дача амнистиясе: милекне теркәү җиңеләя» («Дачная амнистия: регистрация имущества упрощена»). На вопросы читателей отвечал заместитель руководителя Татарстанского филиала государственного федерального унитарного предприятия «Ростехинвентаризация» Алмаз Шагиахметов. Вопросы конкретны:

«- Алмаз Альфредович, дача амнистиясе турындагы закон кабул ителгәч, милекне теркәү эшендә нинди яңалыклар гамәлгә керде? (Алмаз Альфредович, после того как приняли закон о дачной амнистии, какие произошли изменения в процедуре регистрации имущества?»);

— Халык нәрсәне сайлый, декларациянеме, әллә техник паспортнымы? (Что больше всего предпочитает народ: декларацию или технический паспорт?)» [18]

Жанр интервью в своих видовых модификациях получил широкое распространение в современной прессе, в том числе и в татароязычной, так как подходит для реализации практически всех целей журналистского творчества.

В современных татароязычных СМИ «интервью-портретов» оказалось намного больше. Например, в одном номере журнала «Ялкын» (2021 г., № 2) всего 11 интервью, из них 9 написаны в жанре интервью-портрета. Частым явлением в данном молодежном журнале является и интервью-мнение. Целевая аудитория данного журнала молодая, поэтому данная тенденция, на наш взгляд, понятна и предсказуема. Много современных элементов, заимствованных из интернета, используются в печатных журналах на татарском языке. Например, блоковая подача материала в рубрике «Тәҗрибә» («Опыт») в журнале «Ялкын», герой свои чувства описывает от первого лица и ведет личный дневник. В журнале «Сөембикә» рядом с некоторыми интервью помещены QR-коды, через которые при помощи мобильного телефона каждый желающий может посмотреть этот разговор в видеоформате [см., например: 19]. Отметим, что каждое из изученных нами в этом журнале интервью сделано качественно в студии с профессиональным оборудованием.

Среди публикаций как за первый, та и за второй хронологический период доминировали (93,2%) не аналитические, но событийные, информационные интервью по разным информационным поводам. Мы выявили также много интервью-«визиток» [см., например: 20, 21], протокольных интервью-отчетов руководителей организаций и/или объединений, в которых они рассказывали о достижениях и успехах за определенный период (часто уходящий календарный год), указывали много статистической информации [см., например: 22, 23]. Портретных интервью в русскоязычных СМИ выявлено 309, но их авторы не стремились задать направленные на самоанализ героя вопросы, ограничиваясь, на наш взгляд, обычными (биографическими и фактологическими), направленными скорее на то, чтобы дать как можно больше фактов о персонах, но не на то, чтобы помочь им раскрыться с разных сторон [см., например: 24–26].

Возможно, поэтому авторские приемы привлечения внимания к своим интервью как в первый, так и во второй хронологический периоды не отличались разнообразием и были несложными для восприятия. Наверняка авторская тактика заключалась в том, что чем проще подан материал, тем он быстрее будет понят аудиторией. Вот два случайных примера лидов:

«На фоне громких проектов Казанского федерального университета в области точных и естественных

наук как-то теряются гуманитарные направления. Между тем и в сфере наук гуманитарных в КФУ происходит немало интересного. Мы поговорили об этом с директором Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ Радифом Замалетдиновым» [27];

«Резонансным событием литературной жизни нынешней осени стал очередной “Аксёнов-фест”. Его традиционную награду, международную литературно-музыкальную премию “Звёздный билет” в номинации “проза” получил 28-летний Артемий Леонтьев из Екатеринбурга, автор романа “Варшава, Элохим!” о трагических событиях восстания в Варшавском гетто и уничтожении евреев в лагере Трешлинка во время Второй мировой войны. Писатель рассказал о работе над книгой на встрече с гостями фестиваля и ответил на вопросы нашего журнала» [28].

Исходя из того, какую цель преследует журналист, он выбирает разные типы лидов. В интервью 1999–2001 гг. лиды были более основательные, содержали больше фактов, в 2019–2021 гг. они подавались легче. Мы полагаем, что лид всегда настраивает читателя: продолжать ли чтение или перескочить к другой колонке. Если читателя разочаровал первый абзац, обычно уже не имеет значения, хороша ли остальная часть сообщения.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, значительно увеличение численности интервью в печати РТ говорит о дальнейшей персонализации медийного контента. Если двадцать лет назад авторы чаще самостоятельно пересказывали содержание той или иной беседы, осмыслили качество чего-либо, то в настоящее время роль собеседника, на наш взгляд, стала выше. Аудитория имеет возможность оперативно знакомиться с мнением разных людей, что может сформировать у нее ощущение представленности в публичном информационном поле многочисленных, оригинальных, а то и оппозиционных точек зрения или взглядов.

Во-вторых, большое внимание к жанру интервью, на наш взгляд, говорит о некотором увеличении роли журналиста как посредника в представлении информации между ньюсмейкерами и аудиторией. Исследование показало, что авторы публикаций как в русскоязычных, так и татароязычных изданиях во второй хронологический период редко во время разговора задавали собеседникам вопросы, направленные на критическое осмысление сказанного ими ранее, нечасто оппонировали им, повышая напряжение разговора. Как следствие, 84% выявленных нами в эмпирической базе интервью носили информационный характер, лишь в 16% диалогов авторы публикаций пытались вникнуть в суть обсуждаемых ситуаций, задавая вопросы «почему?» и «с какой целью так происходит?». Критического сомнения в истинности сказанного собеседниками становится в татарстанской прессе все меньше, а там, где оно еще осталось (например, в деловых изданиях), авторы интервью не заходят далеко, «вызывая огонь на себя». Думается, что такая некритичность разговора в частности и публицистического дискурса в общем вряд ли добавят авторитета журналистам в глазах

аудитории, зато, возможно, помогут быть на хорошем счету у руководства редакций.

С другой стороны, данную тенденцию можно объяснить актуальным сейчас для многих региональных изданий кадровым дефицитом. Работающие в штате редакции корреспонденты обычно перегружены освещением текущих событий, обработкой пресс-релизов, потому на подготовку к интервью, вероятно, у них может оставаться мало времени. Как следствие: предсказуемость заданных вопросов, они могут быть идентичными тем, ответы на которые уже опубликованы в других СМИ, отсутствие стремления глубоко вникнуть в суть освещаемой информации.

В-третьих, авторы интервью большинства из изученных нами СМИ старались учесть особенности восприятия информации современной целевой аудиторией изданий. Даже в государственных (не говоря уж о частных) газетах и журналах по сравнению с 199–2001 гг. объем интервью сократился, тексты стали лаконичными, разделенными на тематические части, снабженными значительным количеством фото или видеоматериала. А вот драматургии в них стало гораздо меньше, лиды упростились (из них ушли конфликт и интересная подробность), реже освещались и социальные проблемы, на представление собеседника теперь отводится не более 300–350 знаков. В некоторых изданиях (журналы «Ялкын», «Сөембикә», частично в газете «Татарстан ышьләре» и издании «БИЗНЕС Online») авторы отходили от традиционной, диалоговой, формы подачи информации (вопрос-ответ) к монологу героя от первого лица без публикации вопросов журналиста. Думается, что так сделано для придания интервью еще большей оперативности восприятия аудиторией.

Можно предположить, что на содержание и жанровые характеристики печатных СМИ РТ происходит некоторое воздействие со стороны социальных сетей, контент которых далеко не всегда содержит освещение и обсуждение социальных проблем, на форму и формат подачи современных журналистских сообщений. Мы полагаем, что копирование формата соцсетей уже приводит и в дальнейшем усилит деформацию такой функции журналистики, как социализация личности, поскольку индивид, читая журналистские произведения (в данном случае интервью), вряд ли сможет получать оттуда объективную и полную информацию о происходящих в обществе процессах.

В-четвертых, кажущееся на первый взгляд разнообразие собеседников и их мнений по тем или иным информационным поводам в прессе РТ является мнимым, поскольку никто из героев не высказывал собственных позиций, противоречащих мнению первых лиц республики. Ни в первый, ни во второй хронологический периоды исследования в изданиях РТ не давали слова носителям оппозиционных взглядов. Общий дискурс публикаций если и не был хвалебным или положительным по отношению к представителям власти, то был нейтральным: как в татаро-, так и в русскоязычных изданиях действия власти обсуждению и оценке не подлежали.

Таким образом, наше исследование показало сни-

жение уровня профессионализма авторов интервью, произошедшее за двадцать лет нового века. Корреспонденты все менее видят в собеседниках неповторимую личность (исключением являются относительно объемные интервью-портреты в официальных региональных газетах «Ватаным Татарстан» и «Республика Татарстан», но их общая доля всего 7,8% общей выявленной нами численности публикаций в жанре интервью), все более — функциональную единицу с должностью. Причем чем она выше, тем более ей внимания в СМИ. Лексико-стилистический анализ ответов респондентов позволил сделать вывод о том, что многие из них перед публикацией не редактировались, о чем свидетельствуют некоторые речевые штампы и неточности. Возможно, это было сделано сознательно для придания интервью разговорного стиля.

Перенимание опыта деятельности авторов социальных сетей, зачастую ведущих разговоры «ни о чем» или только в положительной коннотации, мы также считаем опасным для традиционной журналистики симптомом, потому что у журналистов постепенно теряется практика объективного, вдумчивого, содержательно насыщенного диалога. При этом будут трансформироваться в сторону дальнейшей девальвации и другие функции журналистики, такие как: формирование общественного мнения, культуроформирующая, социализация личности, просветительская и некоторые другие.

Итак, дальнейшее увеличение внимания сотрудников редакций СМИ РТ к существующим в социальных сетях практикам подачи медиатекстов может привести традиционные СМИ к существенным видоизменениям их творческого стиля и почерка, потере оригинальности контента, что впоследствии может довести до утраты доверия к ним со стороны аудитории. Чтобы этого не случилось, корреспондентам и руководству редакций СМИ необходимо придать своим интервью большей эксклюзивности, чего можно достичь только благодаря постоянному авторскому изучению ньюсмейкеров и формированию профессиональной необходимости регулярного знакомства с практикой организации и проведения интервью современными высокоцитируемыми и обсуждаемыми журналистами и блогерами.

г. Казань

Литература

1. Какими социальными сетями и мессенджерами пользуются россияне? // Фонд «Общественное мнение». — 2021. — 22 марта. — [Электронный ресурс]. — Доступно на: URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14555> (режим доступа — свободный).
2. Фархутдинов Л. «Нет времени на медленные танцы»: «Татмедиа» даст бой тик-токерам и фейк-ньюс / Л. Фархутдинов // БИЗНЕС Online. — 2021. — 3 февр. — [Электронный ресурс]. — Доступно на: URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/497980> (режим доступа — свободный).
3. Показатели подписных тиражей газет и журналов на второе полугодие 2021 г. (по данным УФПС «Татарстан почтасы») // Открытый Татарстан. — 2021. — 21 июля. — [Электронный ресурс]. — Доступно на: URL: <https://open.tatarstan.ru/>

reports/categories/10172195/reports/30066 (режим доступа — свободный).

4. Мониторинг Telegram-каналов по объему аудитории // Telegram-канал «Тупой татарский пиарщик». — 2021. — 2 авг. — Доступно на: URL: <https://t.me/prtatar/3591> (режим доступа — свободный).

5. Мониторинг Telegram-каналов по объему аудитории // Telegram-канал «Тупой татарский пиарщик». — 2021. — 7 июня. — Доступно на: URL: <https://t.me/prtatar/3546> (режим доступа — свободный).

6. Амзин А. А. Интернет-журналистика. Как писать хорошие тексты, привлекать аудиторию и зарабатывать на этом: учебно-методическое пособие / А. А. Амзин. — М.: АСТ, 2020. — 370 с.

7. Градюшко А. А. Основы творческой деятельности веб-журналиста: учебно-методическое пособие / А. А. Градюшко. — Минск: БГУ, 2019. — 239 с.

8. Мирошниченко А. А. Когда умрут газеты / А. А. Мирошниченко. — М.: Книжный мир, 2011. — 222 с.

9. Гарифуллин В. З. От первых советских газет до современных медиахолдингов (навстречу столетию Союза журналистов Республики Татарстан) / В. З. Гарифуллин, Р. П. Баканов, А. Ш. Бик-Булатов, Л. Р. Сабирова // Журналист. Социальные коммуникации. — 2019. — № 4 (32). — С. 32–46.

10. Савчук С. О. Об эволюции в системе жанров современной русской газеты / С. О. Савчук // Русский язык: исторические судьбы и современность. — М., 2001. — С. 266–267.

11. Угаров А. Шамиль Садыков: Пять точек роста АО «Татмедиа» и новые вызовы в 2021 году / А. Угаров // Sntat.ru. — 2021. — 12 янв. [Электронный ресурс]. — Доступно на: URL: <https://sntat.ru/news/politics/12-01-2021/shamil-sadykov-pyat-tochek-rosta-ao-tatmedia-i-novye-vyzovy-v-2021-godu-5798024> (режим доступа — свободный).

12. Показатели подписной кампании филиалов АО «Татмедиа» на второе полугодие 2021 г. (по данным УФПС «Татарстан почтасы») // Открытый Татарстан. — 2021. — 21 июля. — [Электронный ресурс]. — Доступно на: URL: <https://open.tatarstan.ru/reports/categories/10172195/reports/29034> (режим доступа — свободный).

13. Татарстан: рейтинг СМИ за 2020 год // Медиалогия. — [Электронный ресурс]. — Доступно на: URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/8124/> (режим доступа — свободный).

14. Сабирова Л. Р. Речевые особенности жанра интервью на татарском языке: монография / Л. Р. Сабирова. — Казань: Казан. ун-т, 2011. — 164 с.

15. Гарифуллин Р. Владимир Жириновский татарлар турында / Р. Гарифуллин // Татарстан яшьләре. — 2001. — 2 дек.

16. Сабирова Г. Миләүшә Айтуганова: чиста унитар хатын-кызның йөзе / Г. Сабирова // Татарстан яшьләре. — 2000. — 25 июня.

17. Ибраһимова Р. Табибларга хезмәт хақы күтәреләчәк / Р. Ибраһимова // Ватаным Татарстан. — 2001. — 15 февр.

18. Ризванов Г. Дача амнистиясе: милекне теркәү жиңеләя / Г. Ризванов // Ватаным Татарстан. — 2000. — 1 дек.

19. Закирова Г. Күлмәк — итәк белән 7 көн / Г. Закирова // Ялкын. — 2020. — № 1. — С. 36–37.

20. Калинина Ю. Кастинг: кофе, общепит, шампунь / Ю. Калинина // Казань. — 2021. — № 5. — С. 86–87.

21. Каримова А. Разные миры травматолога Галимова / А. Каримова // Казань. — 2021. — № 5. — С. 38–41.

22. Шабардин А. Новая жизнь ДОСААФ / А. Шабардин // Казань. — 2019. — № 12. — С. 5–7.

23. Попова Р., Хайрутдинов Л. Военком Погодин: «Всегда помните, что вы из Татарстана!» / Р. Попова, Л. Хайрутдинов // Казань. — 2019. — № 12. — С. 46–50.

24. Хайретдинова Н. Рустем Хасанов: «Врачам надо верить» / Н. Хайретдинова // Казань. — 2019. — № 11. — С. 24–27.

25. Сабитов Р. Виртуальное путешествие с Рашидом Калимуллиним от Амстердама до Маркеша // Р. Сабитов // Казань. — 2019. — № 11. — С. 88–93.

26. Каримова А. «Я ставлю спектакли про себя» / А. Каримова // Казань. — 2021. — № 5. — С. 48–51.

27. Борисова Е. Радиф Замалетдинов: «Мы продвигаем русский и татарский языки по всему миру» / Е. Борисова // Республика Татарстан. — 2019. — 22 окт. — С. 7.

28. Мирханова А. Артемий Леонтьев: «Каждая книга — это разговор с самим собой» / А. Мирханова // Казань. — 2019. — № 10. — С. 9–14.

Елена Пронина, Камилла Стока «Ментальная война»: новый вызов профессиональной журналистике

Аннотация: В статье поднимается вопрос об ответственности журналистов за противодействие «ментальной войне» как попытке реформирования этических основ национальной культуры. В теоретической части статьи показано, как соединение идеологического контроля с квазиэтическими категориями приводит к рождению

особо токсичной формы идеологии — так называемого неогуманизма, претендующего на роль новой этики. На примере понятий «толерантности» и «позитивной дискриминации» раскрывается вирусный характер идеологем неогуманизма, рассчитанных на эрозию системы ценностей, личной и национальной идентичности. Результаты опроса представителей аудитории и профессиональных журналистов свидетельствуют о конфликтности внедряемых квазиэтических концептов и об особой податливости их влиянию работников СМИ. Это ставит вопрос о необходимости более глубокой медиапсихологической подготовки журналистов, более серьезного отношения к защите национальной идентичности и системы ценностей¹.

Ключевые слова: политкорректность, толерантность, гибридная этика, вирусные технологии, медиапсихология, коллективная психика, ментальная война

Введение

Внимательное рассмотрение событий последних десятилетий показывает, что геополитические потрясения, которые начали формировать новое лицо мира на рубеже XX–XXI века: бомбардировки Югославии, политика мультикультурализма, миграционные потоки, активизация межрасовых и межкультурных конфлик-

1. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Об авторах: Пронина Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор, кафедра периодической печати, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Стока Камилла Батыровна, магистр журналистики, кафедра периодической печати, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

тов по всему миру, рост террористической угрозы, фальсификации на выборах в США, возрождение цензуры на базе глобальных сетевых платформ (Google, Facebook, YouTube и др.) и т. д. — не могли бы произойти без длительной психологической подготовки, без скрытого, но неотступного реформирования мышления, которое постепенно изменило общественное сознание, лишив социум способности к распознаванию опасности и возможности сопротивления. Новый вызов связан прежде всего с попыткой подмены базовых гуманистических ценностей новой идеологической доктриной, претендующей на статус усовершенствованной версии гуманизма — именуемой зачастую «новым гуманизмом» или «неогуманизмом» (Быков, 2008; Водолазов, 2018; Красин, 2017). Значительную роль в распространении этих идеологем играет журналистика, зачастую невольно, вследствие элементарного непонимания журналистами действительного содержания этих идеологем и их влияния на аудиторию. Для преодоления подобных рисков необходимо «знание основных макроэволюционных тенденций» (Смирнова, Шкондин, 2021:11), понимание закономерностей развития индивидуальной и национальной идентичности.

Неогуманизм как вирусная модификация ценностей

Тревожные признаки парадоксальной трансформации гуманистических ценностей появились уже во второй половине XX века. Примечателен в этом смысле фильм Милоша Формана 1975 года «Пролетая над гнездом кукушки», снятый по роману Кена Кизи. Герой фильма, попав (по собственному желанию, в расчете на более мягкое, чем в тюрьме, содержание) в психиатрическую клинику современного образца, отвечающую всем принципам гуманности и уважения к личности, неожиданно для себя сталкивается с отлаженной системой психологического насилия, изоциренными методами подавления личности и беспредельным лицемерием: «мы обсудим любые ваши проблемы...», «не огорчайтесь, мистер МакМерфи», «мы должны учесть мнения всех, мистер МакМерфи», «если мистер МакМерфи не хочет принимать лекарство orally, я уверена, мы найдем какой-то другой способ...». И в ответ на все протесты, просьбы и мольбы пациенты неизменно получают «сочувствующий отказ»: «Мы ничего не можем с этим поделать», — отказ, в случае необходимости подкрепляемый физическим воздействием. Больше всего героя поражает, что люди, утратив всякую инициативу и самостоятельность, даже не делают попыток к сопротивлению (хотя многие из них имеют право покинуть

клинику): «Господи, вы с утра до ночи плачете о том, как вам плохо, но боитесь встать и уйти!»².

Если в момент выхода фильма в конце 70-х XX века такая ситуация казалась сильно преувеличенной, скорее символической, чем реальной, то в начале XXI века подобная противоестественная пассивность стала уже массовой и типичной. Об этом в первую очередь говорят весьма красноречивые, симптоматичные, как сказали бы психоаналитики, выплески коллективного бессознательного. В 2016–2018 гг. в Интернете необычайную популярность приобрела странная скульптура, установленная в клинике голландского города Лейдена, изображающая беспомощное и жалкое существо, безропотно дожидается решения своей участи. Скульптура, которая по замыслу автора изображала пациента в очереди на прием, стала самой фотографируемой достопримечательностью города и самым тиражируемым мемом. В Рунете странное существо получило известность под именем Ждун³. Примечательно, что его появлению в отечественных соцсетях предшествовал очень похожий по семантике и столь же растиражированный образ — «Упоротый Лис» — неудавшееся чучело лисы с претензией на умильность. Различие между двумя мемами заключалось в основном в степени «оглушенности» или «отупения», в которой Ждун явно превзошел Лиса. Если Лис использовался для выражения полной безнадежности и часто вмонтировался в фото официальных встреч, переговоров, то Ждун добавлял к напрасному ожиданию спокойствие слабоумия.

Изменения в обществе, накапливавшиеся подспудно, привлекли внимание серьезных исследователей лишь спустя 20 лет после выхода фильма М. Формана. Искусство, как обычно, опередило науку в отражении приближающегося кризиса. В конце 90-х годов о смене и даже сломе культурной парадигмы, наконец, заговорили. Одним из тех, кто почувствовал дыхание кризиса, был философ и логик А. Зиновьев. Высланный из СССР на Запад в 70-е как диссидент, через 20 лет он сам покинул Запад вскоре после начала «мировых войн» бомбардировок Югославии. Наступившую эпоху он назвал «постчеловеческой» (Зиновьев А. А., 1997: 250), предсказав, что новый «*демократический тоталитаризм*» превзойдет все предшествующие тоталитарные режимы⁴. Примечательно, что слом цивилизационной парадигмы, по мнению философа, произошел «не в огне мировых войн XX столетия, а в оледенении “холодной войны” 1946–1986 годов, основными видами оружия в которой были коварство, подлость, клевета,

2. Цитируется по стенограмме фильма «Пролетая над гнездом кукушки» (One Flew Over the Cuckoo's Nest), кинорежиссёр Милош Форман, экранизация одноимённого романа Кена Кизи, США, 1975.

3. По словам Маргрит ван Бреворт, своей скульптурой она хотела показать, что «пациенты просто должны ждать своей участи с надеждой на лучшее. ... Мой персонаж — своего рода неудавшийся эксперимент, он ждёт и надеется, чтобы стать лучше». В 2016 году скульптура стала самой фотографируемой достопримечательностью Лейдена. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ждун>

4. Зиновьев А. А. Запад-Россия: управляемая катастрофа. Режим доступа: <https://ss69100.livejournal.com/4484580.html>

подкуп, разврат, предательство и прочие мерзости» (Зиновьев А. А., 1997: 150). Получается, что парадоксальный переход идеалов гуманизма в свою противоположность начался вскоре после того, как эти идеалы были окончательно признаны и утверждены Всеобщей декларацией прав человека в 1948 году, именно в тот момент, когда права и свободы личности были признаны фундаментальной ценностью, когда изменилось самосознание каждого индивида и начался новый этап эволюции общества (Раскин А. В., 2011).

Однако, как оказалось, начался не только новый виток эволюции, но и новая схватка за контроль над индивидом. Неслучайно именно те идеи, которые утвердились в тяжелых испытаниях Второй мировой войны, доказав свою жизнеспособность, — именно они были «утилизированы» для новых политических проектов и новых тоталитарных идеологий. Начался очередной поход за «большое реформирование социума» и «великую трансформацию человеческой цивилизации» (Красин Ю. А., 2017: 78), за отказ от «национально государственного эгоизма» (Миропорядок..., 2001: 41) и построение единого мультикультурного сообщества под знаменем «нового гуманизма» или «неогуманизма» (Водолазов, 2018).

Миссия нового гуманизма, по словам энтузиастов, «шире и сложнее» тех перспектив, которые намечали гуманисты эпохи Просвещения. Новый гуманизм, полагают его сторонники, «установит более высокие стандарты, критерии свободы и креативности человека» (Красин Ю. А., 2017), их можно будет измерить с помощью зримых единиц вроде «индекса гуманистического развития личности» или «индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)» (Шевченко Б. И., 2017: 132). Примечательно, что утверждение нового гуманизма разработчики концепции называют «злободневной глобальной проблемой» (Красин Ю. А., 2017: 78), и эта формулировка, подобно «оговорке по Фрейду», перекликается с наивно-откровенным лозунгом времен Гражданской войны: «Железной рукой загоним человечество к счастью».

Парадоксальным образом безусловная победа гуманистической парадигмы привела к тому, что разнообразные политтехнологии именно её «приняли на вооружение» для разработки новых идеологий и новых средств манипуляции обществом. Безоговорочно принятые всеми идеи равенства, духовной независимости и права на самоопределение позволили, усыпив бдительность и не вызвав сопротивления, провести идеологемы, оправдывающие нечто противоположное: неравенство («позитивная дискриминация»), цензуру (политкорректность) и преследование инакомыслящих во имя «гуманистических ценностей».

Интересно, что в целях обоснования идеологии толерантности научные институты пытались найти её корни во всех временах и языках: начиная с Древнего мира — древнеегипетского языка, иврита, древнегреческого и латинского, — до наших дней, языков бамбара и суахили (Defining Tolerance, 2014). Эти изыскания, однако, не столько убеждают в верности сегодняшнего толкования толерантности, сколько показывают, что уважение к другому человеку всегда составляло основу

этики и повседневной морали человеческого общества. Неудивительно, что зафиксированные в истории этические максимы во все времена и у всех народов почти совпадают, «словно действительно в психике всякого индивида закодирован один и тот же категорический императив коллективного бессознательного» (Пронин, Пронина, 2021):

«Не делай другим того, что нежелательно тебе самому» (Упанишады, Индия, VII в. до н.э.);

«Нужно одинаково любить себя и других людей» (Мо-цзы, Китай, V в. до н.э.);

«Следует вести себя с другими так, как хотелось бы, чтобы они вели себя с нами» (Сократ, Греция, IV в. до н.э.);

«Возлюби ближнего яко самого себя» (Новый завет, I в. н.э.);

«Действуй так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но и всегда в то же время и как к цели» (Иммануил Кант, Германия, XVIII в. н.э.) (Кант, 1912: 55).

Это имманентное свойство человеческой психики, обозначенное И. Кантом как «категорический императив», постепенно воплощалось и легитимизировалось в правовых и административных нормах общественной жизни. Но категорический императив в отличие от государственных законов и доктрин оставался *внутренним* законом, сугубо этическим регулятором, который не утверждается ни правом, ни силой, хотя так же незыблем и обязателен, как «звездное небо», по выражению И. Канта (Кант, 1997). Попытка подменить этические константы идеологическими конструктами подобна генной модификации моральных регуляторов.

Весьма показательно, что кампания по внедрению толерантности, мультикультурализма и политкорректности практически повсюду привела к «перегибам» (Быков, 2008), сыграв ключевую роль в возникновении миграционного кризиса⁵, обострении межрасовых и межэтнических столкновений в Европе и США, в возрождении цензуры и дискриминации, разрушении образования и науки. Американский социолог Владимир Шляпентох отмечает, что «политкорректность идеологизировала социологическое образование не меньше, если не больше, чем советская пропаганда после Сталина. ... Доклады многих аспирантов... равно как и их диссертации, носят жалкий характер. Аспиранты заменяют научный уровень идеологическим рвением... Критиковать аспирантские работы нельзя, ибо критика будет истолковываться как протест против их замечательных тем» (Шляпентох, 2006: 657–658).

По мнению итальянского культуролога и философа Умберто Эко, политкорректность стала «новой формой фундаментализма, которая канонизирует до степени ритуала язык повседневного общения и предпочитает букву духу» (Эко, 2003: 141). Дойдя до уровня реформирования языка, политкорректность превратилась в инструмент реформирования мышления, о чем с тревогой

говорят многие исследователи (Andrews, 1996; Chandler 1994). Технологии, внедряющиеся в этическую сферу и ориентированные на деструкцию идентичности, были известны ранее как методы контроля сознания, применяемые в тоталитарных сектах (Хассен, 2001; Lifton, 1989). Соединение техник реформирования мышления с массивным идеологическим прессингом может привести к фатальным изменениям в структуре индивидуального и коллективного сознания.

Уже в XX веке идеологии достаточно ярко проявили свою разрушительную силу. Психологическую функцию идеологии как механизма самооправдания, подмены категорического императива идеологической доктриной очень выразительно охарактеризовал А. И. Солженицын: «У Макбета слабы были оправдания — и загрызла его совесть. Да и Яго — ягнёнок. Десятком трупов обрывалась фантазия и душевные силы шекспировских злодеев. Поэтому что у них не было идеологии. Идеология! — это она даёт искомое оправдание злодейству и нужную долгую твёрдость злодею» (Соженицын, 1990). В этом XXI век не отличается от XX. Но есть и различия. Если ранее идеологи пытались создать новые ценности **взамен** традиционных («наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата» (Ленин, 1974), то идеологи XXI века стараются **внедриться** в систему существующих ценностей, трансформируя их изнутри, постепенно легитимизируя инструменты тотального контроля и принуждения. Возникла гибридная форма идеологии, запустившая процесс мутации культур-генов (Докинз, 2020; Ламсден, 1996; Рашкофф, 2003; Lumsden, Wilson, 2005).

Но используя инструменты тотального контроля и принуждения, отрицая свободу совести и право выбора индивида, идеология вступает в противоречие с самой природой нравственности и разрушает её изнутри, подвергая эрозии важнейший механизм личностной и социальной регуляции. Это приводит к общей дезориентации в обществе вплоть до нравственного помешательства⁶ и иных коллективных психических нарушений, способных вызвать реальные геополитические потрясения. Возрастание токсичности идеологического воздействия в случае манипулирования этическими категориями связано именно с тем, что человеку становится трудно отличить этические требования от идеологических. Усвоение идеологических постулатов как этических вызывает острый конфликт внутри самой психики и на индивидуальном, и на общесоциальном, коллективном уровне. О подмене нравственных ориентиров и сбое в работе естественных механизмов саморегулирования общества с тревогой писал А. Зиновьев: «Интеллектуальная среда загрязнена, отравлена, изуродована ещё больше, чем среда природная. И это не вызывает никакой тревоги ни у кого, вообще не замечается и не воспринимается как явление катастрофическое»⁷.

6. Нравственное помешательство – общее название психических болезней с глубоким нарушением морально-нравственной сферы при достаточно сохранном интеллекте (Большой медицинский словарь, 2000. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/31017>)

7. Зиновьев А. Фактор понимания // Лит. газ. 2006, № 7.

5. Меркель заявила о провале мультикультурализма // BBC News. Русская служба. 16.10.2010. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed

Однако сегодня процесс зашел так далеко, что политологи и политики заговорили о «ментальной войне». По мнению А. М. Ильницкого, советника министра обороны РФ, «ментальная война» в отличие от психологической (psychological warfare), когнитивной, социальной (societal warfare) или кибервойны — это «война за изменение мировоззрения» (Ильницкий, 2021). И «если живую силу и инфраструктуру можно восстановить, то эволюцию мировоззрения повернуть вспять невозможно — в этом и есть главная угроза ментальной войны»⁸. «Целью ментальной войны является уничтожение самосознания, цивилизационной основы противника», «последствия её будут сказываться через поколения»⁹. Но насколько опасность осознается широкой общественностью и журналистами, работающими в идеологическом поле? Как аудитория относится к ключевым понятиям «нового гуманизма»? Для того чтобы ответить на эти вопросы, мы провели исследование отношения наших современников к понятиям толерантности и позитивной дискриминации.

Методика исследования

Опрос проводился в 2020–2021 году, в нем приняли участие 166 человек, в том числе профессиональные журналисты, работающие в различных СМИ (65 чел.), студенты факультета журналистики (61 чел.) и люди, не имеющие отношения к журналистике (40 чел.). Возрастной и гендерный состав групп различался, что было учтено при статистической обработке данных. Так, в группе журналистов преобладали респонденты в возрасте 25–35 лет, соотношение по полу составило 85% женщин и 15% мужчин. Возраст студентов находился в диапазоне 18–25 лет, среди участников было 90% девушек и 10% юношей. В группе лиц, не связанных с журналистикой, наиболее часто указывалась категория 30–35 лет, соотношение женщин и мужчин составило 67,5% и 32,5% соответственно.

Опрос проводился в электронной форме с помощью онлайн-ресурса Google Form. Содержание вопросов давало возможность проследить отношение к толерантности на трех разных уровнях: понятийном (оценка идейного содержания), прагматическом (оценка применения принципов толерантности в социальной практике, в работе СМИ) и индивидуально-личностном (в ситуации ценностно-смыслового конфликта).

Общая гипотеза состояла в том, что продвигаемая СМИ идеология толерантности провоцирует внутренние конфликты, обусловленные подменой этических регуляторов идеологическими конструктами. Представители журналистской профессии как более чувствительные к идеологическому воздействию склонны избегать осознания противоречия и более позитивно оценивать идеологемы толерантности, нежели аудитория.

8. Из интервью с А. М. Ильницким. Про «ментальную войну» и не противоборство в социальном пространстве // Конт. 3 мая 2021 г. Режим доступа: <https://cont.ws/@1639105/1981028>

9. Интервью с Ильницким А. М. Против России идет ментальная война // «Прямая речь» с Анной Шафран. Телеканал «Спас» 30 марта 2021 г.

Анкета. Анкета имела две формы — одна для журналистов (а также студентов факультета журналистики), другая для аудитории. Количество вопросов в обеих формах совпадало — пятнадцать. Большинство вопросов были идентичными, лишь небольшая часть вопросов варьировалась с учетом специфики выборки. Например, если четвертый вопрос для журналистов звучал так: «приходилось ли Вам писать материал на тему дискриминации?», то аудитории предлагался другой вопрос: «приходилось ли Вам читать материалы на тему дискриминации?».

Вопросы носили закрытый или полузакрытый характер, то есть в распоряжении респондентов были готовые варианты ответов, а также в некоторых случаях возможность сформулировать собственный ответ («другое»). Готовые варианты ответов использовались в ходе частотного анализа. Кроме того, каждому варианту ответа присваивался балл в зависимости от степени выраженности (и знака) эмоциональной реакции, что давало возможность провести корреляционный и регрессионный анализ.

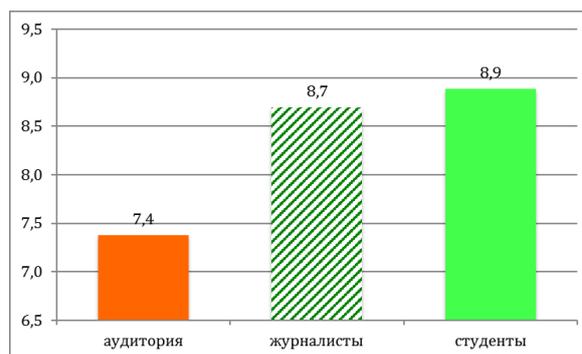
Обработка данных. Результаты опроса подвергались математической обработке с помощью статистического пакета IBM SPSS. Для сравнения показателей групп применялись критерии: хи-квадрат, U-Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента. Взаимозависимости переменных устанавливались с помощью корреляционного анализа (корреляция Спирмана, метода частной корреляции) и многофакторного дисперсионного анализа ANOVA.

Результаты опроса и их обсуждение

Далее мы рассмотрим результаты, интересные в свете выдвинутой гипотезы.

Суммарные показатели по вопросам, касающимся толерантности и позитивной дискриминации, подтвердили наше предположение о том, что журналисты более позитивно воспринимают эти понятия, нежели аудитория (см. Диаграмму 1). Различия между профессиональными журналистами и группой, представляющей аудиторию, по критерию U-Манна Уитни достоверны на уровне $p=0,026$, между студентами и аудиторией на уровне $p=0,013$. Зафиксированная вероятность ошибки $p<0,05$ свидетельствует о статистической значимости этих различий. Ответы журналистов и студентов практически не отличались.

Диаграмма 1. Уровень принятия толерантности (суммарные показатели по 4-м вопросам)

Рассмотрим подробнее ответы на ключевые вопросы. Вопрос, касающийся определения понятия «толерантность», вызвал наименьшее число разногласий.

6. Что такое толерантность сегодня?

- А) терпимость к иному мировоззрению и образу жизни
- Б) любовь к ближнему
- В) запрет на критику в адрес отдельных категорий людей
- Г) форма продвижения своих идей меньшинством
- Д) затрудняюсь ответить

Так, большинство отвечавших (74%) выбрали вариант — А «терпимость к иному мировоззрению и образу жизни». Этот вариант соответствует общепринятому определению. Таким образом, респонденты во всех группах продемонстрировали понимание современной общественно-политической лексики и, возможно, интерпретировали цель вопроса именно так. Лишь немногие выбрали другие варианты или дали свои определения. Негативно оценили толерантность 5% респондентов. Они выбрали варианты Б и В или предложили собственную формулировку: «толерантность — это исчерпавшее свои возможности слово, которое пора забыть»; «Толерантность вообще неправильный термин. Если мы говорим о терпимости к неестественным вещам, ...толерантность означает отсутствие иммунитета. На мой взгляд, сегодня толерантность означает способность закрывать глаза на всякого рода извращения, даже если они не являются нормой ни с точки зрения этики, ни биологии (гомосексуализм, педофилия и т.д.)». Различия в балльных оценках между группами имели место и соответствовали ранее подтвержденной гипотезе, но не достигли в данном случае значимых величин: наиболее позитивно оценили толерантность студенты, на втором месте журналисты, на третьем — аудитория.

Различия между группами увеличились, когда респондентам предложили ответить на следующий вопрос.

7. Каково Ваше отношение к использованию понятия и идей толерантности в СМИ?

- А) положительное. Прививая ценности толерантности, СМИ морально просвещают свою аудиторию (3 балла)
- Б) нейтральное. Толерантность — еще одна модная тема, которая приносит трафик, поэтому ничем не хуже и не лучше других (2 балла)
- В) негативное. Идеалы толерантности сегодня используются в СМИ в качестве инструмента для манипуляций и пропаганды (0 баллов)
- Г) затрудняюсь ответить (1 балл).

Для расчета уровня принятия толерантности использовались балльные оценки. Различия между группами оказались статистически достоверными (см. диаграмму 2). Выяснилось, что профессиональные журналисты, а также студенты, обучающиеся журналистике, значительно более позитивно смотрят на то, как реализуются идеи толерантности, и высоко оценивают деятельность СМИ по их продвижению. Достоверность различий между аудиторией и журналистами, ауди-

торией и студентами по критерию U-Манна-Уитни составила $p=0,014$ и $p=0,001$ соответственно. Значимых различий между группами журналистов и студентов не было зафиксировано, то есть они отвечали сходным образом.

Диаграмма 2. Уровень принятия толерантности (Вопрос 7) в разных группах

Интересно, что подготовка журналистских текстов на тему дискриминации (утвердительный ответ на вопрос: «Приходилось ли Вам писать материал на тему дискриминации?») коррелирует с позитивным отношением к толерантности у журналистов и студентов r -та журналистики (коэффициент корреляции Спирмана $r=0,34$, вероятность ошибки $p<0,05$). Этот результат обращает наше внимание на аналогичные данные, полученные в исследованиях по когнитивному диссонансу, когда оказалось, что письменные выступления в поддержку определенного мнения приводят к самоубеждению пишущего. Возможно, такова одна из причин более позитивного отношения журналистов к идеям толерантности.

А вот чтение журналистских материалов о дискриминации (утвердительный ответ на вопрос для аудитории: «Приходилось ли Вам читать материалы на тему дискриминации?»), напротив, коррелировало с более негативным отношением к толерантности ($r=0,214$, достоверность $p<0,05$). Эта взаимосвязь свидетельствует о том, что аудитория не является пассивной мишенью пропагандистского воздействия и может реагировать на идеологическое давление «бумеранг-эффектом».

Корреляционный анализ в свою очередь подтвердил, что существует взаимосвязь между специализацией в сфере журналистики, с одной стороны, и позитивным отношением к толерантности, с другой (коэффициент корреляции Спирмана $r=0,252$, $p=0,001$). Но прежде чем делать окончательные выводы, необходимо было проверить влияние пола и возраста на данную взаимосвязь, поскольку группы отличались по своему составу. Чтобы исключить влияние данных факторов, мы провели расчет частной корреляции, которая позволяет определить, насколько связь между двумя переменными (в данном случае между специализацией в журналистике и позитивным отношением к толерантности) зависит от других параметров

(таких, как пол или возраст респондентов). Оказалось, что хотя женщины и молодые люди более позитивно относятся к толерантности, чем мужчины и люди, умудренные опытом, гендерные и возрастные различия все же не являлись главной причиной большей «толерантности» людей журналистской профессии, связь сохранилась и при фиксированных значениях пола и возраста (достоверность взаимосвязи после исключения вариаций по полу $p=0,003$ и вариаций по возрасту $p=0,014$). Таким образом, именно занятия журналистикой стали определяющим фактором более лояльного отношения к толерантности. Аналогичные результаты дало применение двухфакторного ANOVA, подтвердившего, что пол и возраст не влияют на данную взаимосвязь ни по отдельности, ни вместе.

До сих пор мы рассматривали отношение к «толерантности». Такое понятие существует достаточно давно. Впервые в значении *веротерпимость* оно появилось в 17 веке в трудах философа Дж. Локка (Локк, 1988). Благодаря работам Просветителей Вольтера, Дидро и др. оно вошло в общеполитический лексикон наряду с идеями свободы совести, свободы от духовного принуждения и контроля. Долгая история этого понятия, его «культурный след» в значительной степени предопределили доверие людей к идеологии толерантности. Те трудности и конфликты, с которыми столкнулось общество при осуществлении политики мультикультурализма и политкорректности, многие отнесли, как это часто бывает, к внешним проблемам, неблагоприятной или враждебной ситуации, недостаточной просвещенности и «продвинутости» отдельных людей, групп, социальных слоев и проч., сохранив таким образом позитивное отношение к самой толерантности и видимость status quo.

Но насколько устойчива такая непроницаемость для противоречий? Какое решение примет индивид, общество, столкнувшись с идеологемой, построенной на открытом оксюморе, отрицании безусловного — таком, как «позитивная дискриминация»?

Согласно базовым ценностям гуманизма и основным принципам демократии, «дискриминация» — крайне негативное явление, противозаконное и аморальное нарушение прав человека. Понятие «хорошей» дискриминации семантически абсурдно и невозможно, если не изменить отношение к самой дискриминации. Вследствие своей внутренней противоречивости, понятие «позитивной дискриминации» провоцирует сбой мышления, подобно медиавирусу, и дает возможность внедрить в сознание «нужные» идеи, которые иначе не были бы приняты (Рашкофф, 2003). Отношение аудитории к медиавирусам можно рассматривать как индикатор иммунной реакции общества на провоцируемые изменения.

Чтобы раскрыть характер реакции аудитории на данное понятие, мы предложили респондентам два вопроса: о справедливости «позитивной дискриминации» (вопрос 9) и о её допустимости (вопрос 10). Вопрос о справедливости относился к сфере этики, принципов, а вопрос о допустимости — к сфере практики, реальной жизни. Согласно теории когнитивного диссонанса, человек стремится к внутренней согласованности,

чтобы сохранить психическое равновесие. Сфера этики и сфера практики в условиях согласованности должны соответствовать друг другу: допустимо должно быть то, что справедливо, и недопустимо то, что несправедливо. Но так ли это в данном случае? Рассмотрим ответы респондентов на вопросы 9 и 10.

9. Если «позитивная дискриминация» это (по определению) «предоставление преимущественных прав и привилегий меньшинствам, которые ранее были ущемлены в правах», то какова её цель?

А) это меры по восстановлению справедливости и достижению равенства

Б) это способ политически, морально и экономически ослабить большинство и продвинуть альтернативные идеи и группы

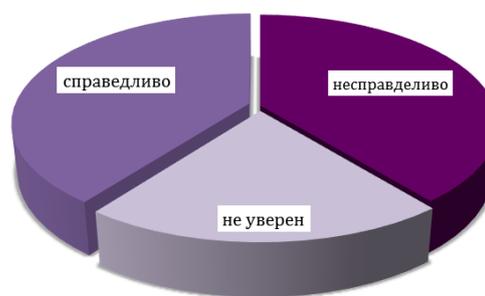
В) затрудняюсь ответить.

Определение позитивной дискриминации было дано в самой формулировке вопроса на тот случай, если респонденты не были знакомы с данным понятием. Как выяснилось в ходе анкетирования (ответ на вопрос: *Встречалось ли Вам словосочетание «позитивная дискриминация»?*), большинство отвечавших (67%) действительно ранее с этим словосочетанием не сталкивались. Однако это не повлияло на понимание и оценку позитивной дискриминации. Распределение ответов тех, кто был знаком с данным понятием, и тех, кто впервые услышал о нем, фактически не отличалось.

Не было выявлено также существенных различий между группами журналистов и нежурналистов. Поэтому в дальнейшем анализе фигурирует вся выборка в целом.

Мнения респондентов (166 чел.) разделились почти поровну между двумя альтернативами: 39,2%, сочли позитивную дискриминацию несправедливой (ответ Б), а 39,8% посчитали позитивную дискриминацию справедливой (ответ А). Остальные 20% затруднились с ответом (см. Диаграмму 3). Эти сомнения можно причислить к ответам в пользу толерантности (как и ответ А), так как колебания в данном случае выражают отход от принципов гуманизма, согласно которым жизнь каждого человека имеет безусловную ценность и не может приноситься в жертву.

Диаграмма 3. Распределение ответов на вопрос о справедливости «позитивной дискриминации»

Данная тенденция проявилась еще резче при ответе на вопрос о допустимости позитивной дискрими-

нации. За допустимость дискриминации высказались почти 70% (см. Диаграмму 4):

10. Считаете ли Вы допустимой «позитивную дискриминацию»?

- А) да, считаю это необходимым
- Б) да, считаю это допустимым
- В) считаю, что в редких случаях можно прибегнуть к такому неравенству
- Г) нет, это недопустимо
- Д) затрудняюсь ответить.

Диаграмма 4. Ответы на вопрос «Считаете ли Вы допустимой позитивную дискриминацию»

Рассмотрим соотношение ответов на вопросы 9 и 10. Как уже говорилось, в обычных обстоятельствах люди стремятся к тому, чтобы правила жизни (прак-

тика) соответствовали их нравственным принципам (этике). Дело в том, что чувство справедливости является основополагающим в картине мира человека (Janoff-Bulman, 1992), обеспечивая психологическое равновесие индивида и его уверенность в будущем. Распределение ответов на вопросы 9 и 10 (см. Таблица 1) показывает, что это условие психологического благополучия не выполняется по крайней мере для четверти респондентов (24,7%), которые фактически согласились с тем, что считали несправедливым.

То есть большая часть тех, кто считал позитивную дискриминацию несправедливой, при ответе на вопрос о её допустимости неожиданно «сдали позиции» и указали, что она допустима в той или иной форме, то есть согласились с этически неприемлемыми для себя правилами. Такая непоследовательность может быть попыткой респондентов избежать конфликта с доминирующими, по их мнению, представлениями.

Только десятая часть респондентов, 11,4% сохранили верность заявленным принципам и указали, что позитивная дискриминация недопустима. Больше всего последовательных противников дискриминации оказалось в группе аудитории — 18%, среди журналистов их было 11%, в группе студентов — 8%. Количество респондентов, отступивших от своего первоначального этического выбора или затруднившихся с ответом, составило более половины выборки — 53%. Вместе со сторонниками позитивной дискриминации это составило около 90%.

Таблица 1. Распределение ответов по вопросам 9 и 10 в процентах ко всей выборке (166 чел)

		Вопрос № 9. Справедливость «позитивной дискриминации»			
Вопрос № 10. Допустимость «позитивной дискриминации»	варианты ответов	несправедливо	не определено	справедливо	Итого
	недопустимо	11,4%	4,2%	3,6%	19,3%
	не определено	3,0%	7,8%	0,6%	11,4%
	допустимо	24,7%	9,0%	35,5%	69,3%
	итого	39,2%	21,1%	39,8%	100%

Итоговое распределение выглядит следующим образом (Диаграмма 5): более трети респондентов полностью приняли концепцию позитивной дискриминации (35,5% — «справедливо и допустимо»). 11,4% отвергли её исходя из классических гуманистических установок («несправедливо и недопустимо»). И более половины (53,1%) не смогли сделать однозначного выбора. Этот результат может служить выразительным примером того, как реагирует аудитория на запуск медиавирусных и как происходят изменения в общественном мнении. Как видно, большая часть респондентов («колеблющиеся», неуверенные) существуют в условиях ценностного конфликта, будучи не в силах ни окончательно принять, ни отвергнуть провокационный концепт.

Диаграмма 5. Отношение к позитивной дискриминации.

В ситуации идейного хаоса лишь незначительная (а точнее, десятая) часть аудитории оказывается в состоянии противостоять переформатированию ценностей, примерно треть — безоговорочно принимает новые идеологические доктрины, ну а большинство (более половины) переживают внутренний конфликт, колеблются, что делает их удобным объектом для дальнейшей идеологической «работы».

К сожалению, журналисты, подвержены идеологическому воздействию даже больше, чем аудитория, и потому не всегда могут оказать должную и своевременную поддержку своей аудитории. Оказываясь на переднем крае информационной войны, журналисты зачастую становятся распространителями медиавирусов, а также и первыми жертвами «заражения», подтверждая мнение создателя одной из самых влиятельных идеологий XX века, заметившего, что продажа идей «обманывает не только покупателя, но часто и продавца» (Маркс, 1967: 405).

Заключение

Существует и еще одна опасность в работе с идеологически «заряженным» материалом. Опасность связана со стремлением присоединиться к влиятельным в обществе трендам независимо от их идейного содержания. Столкнувшись с враждебной, но влиятельной идеологией, журналисты часто совершают распространенную ошибку, стараясь «приспособить» популярные идеологемы к своим, «хорошим» целям. Контент-анализ публикаций отечественных изданий, проведенный К. Б. Стока, показывает, что разные СМИ подкрепляют ссылками на толерантность диаметрально противоположные идейные установки (Стока, 2020), увеличивая тем самым неопределенность и создавая благоприятную среду для всякого рода спекуляций. И если в одних изданиях толерантность толкуется как уважение к коренным народам, то в других — как поддержка маргинальных сообществ и защита разного рода лоббистов. При этом журналисты забывают, что любое использование чужой идеологемы усиливает именно ту идеологическую систему, в которой она возникла.

Сегодня становится как никогда ясно, что внешней смуте с необходимостью сопутствует смута сознания, а геополитическим столкновениям неизбежно предшествуют внутриспсихические конфликты. Стихийно возникающая или искусно инспирированная смута сознания, спровоцированные внутренние конфликты неизбежно вызовут социальную смуту и неразрешимые внешние проблемы. «Но если прав Булгаков, что “разруха начинается в головах”, то нет исхода из смуты, пока не найдено адекватное состояние души» (Пронин, Пронина, 2021: 5). А значит, необходимо поддерживать те ценности и смыслы, которые отвечают свободной природе человека, национальным интересам и фундаментальным законам эволюции психики.

Библиография

1. Быков И. А. Политкорректность и толерантность как принципы современной политической коммуникации. // Ценностное содержание журналистики: культура социальных отношений и межкультурное взаимодействие в обществе. Ма-

териалы научно-практической конференции. 22 октября 2008 г. СПбГУ, ф-т журналистики. СПб, 2008. — С. 92–103; Режим доступа: http://bykov.socionet.ru/public/Bykov_PolitCorrekt.html

2. Водолазов Г. Г. Новый гуманизм (неогуманизм) как идеологическая парадигма XXI века. // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018, № 2. Режим доступа: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/689> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.17805/trudy.2018.2.2

3. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Аст, 2020.

4. Зиновьев А. Глобальный человек. М., Центрполиграф, 1997. Режим доступа: <https://politconservatism.ru/upload/iblock/2ba/2ba0523d98a2a1a579673a53a1ec519f.pdf>

5. Кант И. Критика практического разума. / Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Том III. М.: Московский философский фонд, 1997.

6. Кант И. Основоположения к метафизике нравов. — М.: тип. Вильде, 1912.

7. Красин Ю. А. Новый гуманизм: метаидеология инновационной модернизации социума. // Мировой социально-политический процесс и идеология гуманизма XXI века. Российский гос. гуманитарный ун-т. — Москва: Ru-science com, 2017. — С. 8–105. Bstudy.net 2017. Режим доступа: https://bstudy.net/674483/politika/novyy_gumanizm_metaideologiya_innovatsionnoy_modernizatsii_sotsiuma#150

8. Ламсен Ч. Нуждается ли культура в генах? // Эволюция, культура, познание. М., ИФРАН, 1996. — С. 128–137.

9. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском Съезде РКСМ 2 октября 1920 г. / Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1974. — Т. 41. Май — ноябрь 1920. — С. 298–318. Режим доступа: <https://www.politpros.com/library/13/252/>

10. Локк Д. Собрания: в 3 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988.

11. Маркс К. Капитал. Глава XIX. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 24. Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MARKS_Karl_ENGEL%27S_Fridrih_Marks_K.,_Engel's_F._Sochineniya._Izd.2._html

12. Мировой порядок XXI века: ноосфера или зоосфера? / Исследовательский проект «Россия в формирующейся глобальной системе». М.: Горбачев-Фонд, 2001.

13. Пронин Е. И., Пронина Е. Е. Experimentum crucis. Опыт креста. — М.: Икар, 2021.

14. Раскин А. В. Права человека как психологическая категория // Человек как субъект и объект медиапсихологии. — МГУ, Ин-т человека. — 2011. — С. 346–362.

15. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. — М.: Ультра-культура, 2003.

16. Смирнова О. В., Шкондин М. В. Исследования медиа и журналистики в аспекте конфликтологии: системно-теоретические аспекты. // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10. — № 1. — С. 5–21.

17. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Т. 1. — М.: Центр «Новый мир», 1990. Режим доступа: <http://book-online.com.ua/read.php?book=4604&page=66>

18. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.

19. Шевченко Б. И. Мировой социальный процесс и императивы гуманизма // Мировой социально-политический процесс и идеология гуманизма XXI века. Российский гос. гуманитарный ун-т. — М.: Ru-science com, 2017. — С. 121–183. Bstudy.net 2017. Режим доступа: https://bstudy.net/674498/politika/mirovoyu_

sotsialnyu_protssess_imperativy_gumanizma#256

20. Шляпентох В.Э. Проблема качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. — М.: Центр социального прогнозирования, 2006.

21. Эко У. Миграции, терпимость и нестерпимое // Пять эссе на темы этики. — СПб.: Симпозиум, 2003.

22. Andrews E. (1996) Cultural Sensitivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming // American Speech, Vol. 71, No. 4 (Winter): 389–404.

23. Chandler D. The Sapir-Whorf Hypothesis, 1994. Available

at: <http://www.aber.ac.uk/media/Documents/short/whorf.html>

24. Defining Tolerance (2014) Under the supervision of Katérina Stenou, Chief of Section, Division of Cultural Pluralism. Scientific Coordinator: Paul Siblot. UNESCO. Available at: <https://academia.edu/resource/work/35191381>

25. Janoff-Bulman, R. (1992) Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma. New York: Free Press.

26. Lifton R. J. (1989) Thought Reform and the Psychology of Totalism. University of North Carolina Press.

27. Lumsden, C. & Wilson, E. (2005). Genes, Mind, and Culture: The Coevolutionary Process. World Scientific Publishing Co.

Галина Щербакова: «Мне интересно исследовать, откуда берутся новые идеи и почему люди ими загораются»

Человека, которому интересен окружающий мир и небезразличны судьбы других людей, легко определить невооруженным взглядом. У него яркие искристые глаза, которые постоянно ищут что-то новое, добрая теплая улыбка и неподдельный интерес к людям. К такому типу людей можно отнести доктора филологических наук, профессора кафедры журналистики Тольяттинского государственного университета Галину Щербакову. Ее открытость миру и любовь к профессии уже несколько десятилетий увлекают юных студентов-журналистов. В этом году Галина Ивановна отпраздновала 70-летний юбилей.

От хобби до профессии

— Галина Ивановна, когда у Вас появилось желание стать журналистом? Были другие варианты будущей профессии?

— Вообще, я до 16 лет все время хотела быть врачом, потому что у меня в семье было много врачей разного профиля. Мне это очень нравилось: человек в белом халате, который несет излечение, освобождение от боли. Но я также всегда любила литературу, но она была скорее для души. При этом, наверное, класса с седьмого я начала писать маленькие заметки в районную газету. Постепенно это перевесило, мне стало интересно писать, стало приятно видеть свою фамилию в газете. Хотелось писать больше и больше. И в старших классах я уже переориентировалась.

— В детстве Вам выписывали литературные журналы. Какие журналы Вы читали? Чем они запомнились?

— В те времена все выписывали очень много периодики, и наша семья — не исключение. Я недавно во «ВКонтакте» отвечала на вопрос, какие у меня были любимые издания. Я назвала журналы «Юность», «Смена», «Огонек», «Советский экран». Это издания, которые мне нравились. Помимо этого, у нас еще было три журнала и три или четыре газеты. Я читала все,

и надо мной родные иногда посмеивались, потому что кто-то чем-то одним жил, а я плакала и очень расстраивалась из-за войны во Вьетнаме или из-за убийства Кеннеди. Меня почему-то всегда мировые масштабы привлекали. Это из-за того, что я много читала. Любой текст, который попадал к нам в дом, я прочитывала от и до. И это создало какую-то широкую картину мира.

— Когда появилось четкое понимание, что нужно заниматься журналистикой профессионально?

— В старших классах я, начитавшись, прежде всего Белинского, хотела быть литературным критиком или кинокритиком. Именно в этом амплуа я хотела печататься, потому что у людей, на мой взгляд, не хватало хорошего вкуса. Я вообще не понимала, почему замечательные фильмы, как, к примеру, «Гамлет», показываются в полупустом зале, а на индийские фильмы ходит полным-полно народу. Считала, что надо объяснять, показывать, что хорошо, что плохо. Это связало меня с тем, чем я остальную жизнь занимаюсь.

— Вы учились на филологическом факультете Саратовского государственного университета. Вам нравилось учиться?

— До второго курса мне больше не нравилось, чем нравилось. Многие предметы казались слишком академичным, слишком далеким от того, чем я собиралась заниматься в жизни. Особенно старославянский и древнерусский языки. Если еще литературу разных эпох мне было интересно читать, то все, что связано было с «мертвыми» языками, например латынью, — нет. Поэтому где-то ко второму курсу у меня появилась идея, что надо куда-то бежать и повторно поступать. Но я не успела еще придумать, куда, как к нам на третьем курсе пришла преподавательница, которая буквально с первых лекций зажгла мое сердце. Ее звали Алла Александровна Жук. Она так интересно вела занятия! Было впечатление, что люди, о которых она нам рассказывала, будто были нашими современниками, и мы могли к ним обратиться и у них найти ответ на то, что нас мучит. Вот это одухотворение истории меня очень сильно привлекло, и я поняла, что мне интересно. Благодаря ей я, по сути, от нацеленности на практическую журналистику перешла в научную деятельность, потому что она открыла мне счастье разгадывать мысли других людей, причины создания ими тех или иных произведений, причины каких-то идеологических крупных конфликтов. Мне это на-

Об авторе: Марчукова Светлана Сергеевна, студентка 4 курса Тольяттинского государственного университета (кафедра «Журналистика»).

поминало отчасти какую-то детективную историю, в которой я хочу понять, что, как и почему произошло.

— **В этот период сформировалась Ваша специализация «История отечественной журналистики» и «Профессиональная этика журналиста»?**

— Да. Мне не хотелось заниматься чистым литературоведением, где важно, почему автор выбрал одно слово или другое. А вот этот вот стык, который был свойственен и ей, и мне — взаимодействие культуры, политики, литературы, критики, общественного мнения. Мне стало интересно исследовать, что и как появляется, откуда берутся новые идеи, почему люди ими загораются и почему они в чем-то разочаровываются.

— **После знакомства с Аллой Александровной Жук Вы передумали уходить из университета. Чем Вы занимались в это время?**

— Алла Александровна приучила нас ездить по конференциям. Она приходила и говорила: «Ребята, я еду туда-то. Кто хочет, может быть, поедете со мной? Там где-нибудь найдем общежитие, где-нибудь переночуете». Она в то время исследовала Лермонтова и ездила на конференции в Москву, в Пятигорск и на Северный Кавказ. Мы, когда находили деньги, всегда ездили с ней. Там, конечно, много было интересного, потому что мы видели всю научную элиту. Это сильно мотивировало и вдохновляло больше читать и изучать.

Также Алла Александровна иногда проводила семинары у себя дома. Мы приходили с удовольствием. Во-первых, мы были студенты молодые, голодные. А она всегда нас чем-нибудь накормит. По крайней мере, московские конфеты и овсяное печенье, которое было большой редкостью, у нее были всегда. Во-вторых, у нее три стенки были уставлены книжками. Ты можешь к ним подойти, потрогать, открыть, посмотреть. В-третьих, в такой атмосфере совсем по-другому идет разговор. Она ставила пластинки с классической музыкой, до сих пор помню «Страсти по Матфею» Баха, рассказывала о своих командировках, о дирижерах и музыкантах, которых она видела и слышала, о спектаклях, на которых побывала. Это очень сильно развивало и вызывало желание больше видеть и знать.

— **Куда Вы пошли работать после университета?**

— Я, наверно, месяца четыре поработала на телевидении, но мне не повезло в том смысле, что свободное место было только в промышленной редакции, что мне не нравилось, потому что по тематике это было очень далеко от меня. И еще одно: мы же все в молодости очень большие идеалисты. Мне дали задание написать про бригаду коммунистического труда. А это уже была политика, к которой я относилась как к чему-то фальшивому и ненастоящему. Тогда я поняла, что мне придется говорить так же пафосно, как другие журналисты, что мне совсем не нравилось. Кроме того, когда мы приехали на съемку, вся бригада была с похмелья, а мне нужно было писать о них в возвышенном тоне. Я увидела колоссальную разницу между тем, как люди живут и в кого мне надо их превращать. Мне куратор-наставник тогда сказал: «Кому нужна твоя правда, ты рассказывай, что надо». Я не знаю, может быть, я стерпела бы, но в тот момент я вышла замуж, а мой муж всегда и во всем меня поддерживал, и это придало

мне смелости. Я решила, что не хочу этим заниматься. Если бы я попала в литературно-музыкальную или театральную редакцию, может быть, я бы осталась.

— **После этого Вы решили отойти от профессии?**

— От журналистики — да. Я проработала четыре года в школе, пока меня не пригласили в Саратовский государственный университет работать в его музее. Дальше я поступила в аспирантуру по кафедре русской литературы и одновременно стала преподавать в университете. Потом началась перестройка, и можно было уже по-другому писать. У меня определенная часть карьеры была сделана в университете, и какой-то период времени я с удовольствием сочетала преподавательскую и журналистскую деятельность. Писала материалы про спектакли, концерты, выставки, фильмы. Это был очень интересный период, когда было много горячего, свежего материала, о котором можно было писать, что думаешь, — и никакой цензуры. Это было замечательно.

— **Как Вам удавалось все совмещать?**

— Ночами.

— **Вообще не спали?**

— Немножко спала. Меня все время выручало то, что я — сова, и поэтому могу долго не спать. Утром вставать приходилось по будильнику на морально-волевых.

— **В 1990-х годах Вы активно совмещали педагогическую и журналистскую деятельность. Расскажите, пожалуйста, чем Вы занимались?**

— В этот период было очень много интересных проектов. Один из них был связан с тем, что поменялись условия труда журналиста, изменились законы, по которым журналист пишет. Остро встал вопрос журналистского обучения праву, ведь изменилось государство и, соответственно, его законы, как журналистам защищать свои действия, не попадать в глупые ситуации и самому не подставляться. В это время некоторым казалось, что свобода слова ведет к безответственности, но все равно ответственность была. Тогда меня судьба свела с замечательными людьми, которые подсказали, куда обратиться, чтобы выиграть грант. Этими людьми были Алексей Кириллович Симонов, президент Фонда защиты гласности, и Андрей Рихтер, директор центра права СМИ при МГУ. Я выиграла три гранта у Сороса для проведения обучающих семинаров по современному медийному праву и этике для журналистов Саратовской области. Мне в Саратове удалось провести три семинара: один по праву и два по этике. Обучение прошло больше двухсот человек. На основе этих семинаров потом — уже в Тольятти — вышел мой практикум по дисциплине «Профессиональная этика журналиста».

Из этих проектов вырос еще один. Андрей Рихтер при содействии британского фонда «Ноу-Хау» выпускал бюллетень «Закон и право СМИ». Он предложил мне возглавить региональное приложение по Саратовской области к этому бюллетеню. Я с удовольствием занималась этой работой, отыскивала случаи — когда журналисты были неправы или когда их обижали, препятствовали выполнению профессиональных обязанностей. Мы начали работать одновременно с Галиной

Араповой, только она — по Воронежской области. У нас было разное образование: у меня — базовое филологическое, а у нее — юридическое. Конечно, она намного лучше меня разбиралась в юридических вопросах. С помощью московских консультантов мы искали выход из конфликтных ситуаций. Издание выходило один раз в квартал. Я занималась этим два или три года, но потом мне по разным обстоятельствам пришлось переехать в Тольятти, а Галина Арапова стала настоящим экспертом в этом деле. Она — директор Воронежского Центра защиты прав СМИ, а я ушла в чистую науку.

Переезд в город-сад

— **Как Вы оказались в Тольятти? Какие представления о городе у Вас были?**

— В Тольятти я хотела приехать, еще когда строился завод. В то время много разговоров было об этом городе-новостройке. Однако муж со мной не согласился — редкий случай, и я смирилась. А хотелось потому, что у меня школьная подруга сюда уехала и рассказывала много интересного о городе.

Позднее здесь в Волжском университете имени Татищева открыли специализацию по журналистике. Я в это время была членом УМО (учебно-методического объединения) преподавателей-журналистов. Это общественное объединение, которое было экспертным органом при Министерстве образования РФ. В феврале в Москве проходило заседание, на котором председатель УМО обратилась ко мне: «Галина Ивановна, в Тольятти открывается журналистика, вы там рядышком по Волге, может быть, поездите туда вахтовым методом, почитать лекции, у них кадров нет совсем. Особенно по академическим курсам». Я подумала, что интересно было бы съездить и посмотреть, что получилось из этого города, в который я собиралась, но так и не смогла приехать. Таким образом, я сюда приехала, и три года, с 2000 по 2003 годы, я приезжала на неделю, ежедневно читала по четыре лекции и жила в общежитии или гостинице. Потом принимала экзамен, садилась в автобус и уезжала, забывая все на полгода. Каждый раз меня уговаривали здесь остаться.

— **Вы переехали в Тольятти в 2003 году и сначала преподавали в Волжском университете имени В. Н. Татищева. Как Вы рискнули все кардинально поменять в жизни?**

— Я уже стала взрослой женщиной. Мне хотелось самостоятельности, свободы. Хотелось стоять у начала чего-то нового, а не просто идти по проторенной дорожке. Да, наверное, сыграло свою роль и честолюбие, и тщеславие. Но очень хотелось нового, поэтому так и решилась. Традиции, которые были в Саратове, я вспоминаю с благодарностью, но мне хотелось и новизны. Тем более я занималась журналистикой, и в рамках чистой филологической школы это уже не уместилось. Назревал определенный конфликт, и надо было его как-то разрешать. Я понимала, что не могу изменить ту систему — значит, надо было искать другое место. А тут была чистая журналистика, и это было здорово!

— **Что послужило импульсом для перехода в ТГУ?**

— Судьбоносной оказалась встреча с Александром Ивановичем Акоповым. Он меня уже с зимы «сватал»

в ТГУ. Он говорил: «Вы должны поработать, потом в Саратов вернетесь — не только в качестве доктора наук, но и заведующей кафедрой». Но прежде всего, он убедил меня, ссылаясь на идеи Сергея Жилкина, который произвел на меня очень большое впечатление масштабами мышления. Вдобавок, конечно, Сергей Федорович Жилкин действительно умел увлечь своим проектом, он хотел создать русский Оксфорд на берегах Волги.

— **Как произошла ваша встреча с ректором?**

— По приглашению Сергея Федоровича. Акопов меня проводил в кабинет, немножко с нами пошел и сказал: «Она вот такая». Я видела, что Жилкин немножко другого ожидал. А тут пришла женщина невысокого роста... Я не похожа была на железную леди. А он понимал, что это будет тяжелая работа, и поэтому спросил Акопова: «Она справится?» Ректор меня порасспрашивал, но больше стал рассказывать, каким ему видится вуз, какие у него планы. Мне самой хотелось прийти в новый свободный университет, где будет много исследований, где не будут довлеть традиции, где будут новые светлые корпуса. Я его спросила: «Какое значение имеет журналистика в вашем видении нового вуза?» Он сказал: «Она будет иметь стратегическое значение». Я задала следующий вопрос: «Вы понимаете, что это большие деньги? Потому что журналистика без техники невозможна. Вы готовы находить и выделять деньги для развития журналистики?» Он сказал: «Все будет».

— **И все было?**

— Да. Я встретила с человеком, который умел держать слово. Он хотел, чтобы у него все было лучшее, и журналисты тоже. Через год, в 2005 году, кафедра переехала в учебно-лабораторный корпус (УЛК). Он дал разрешение на радиовещание в УЛК, на большой перемене здесь по проводной связи выходили программы студентов. Никто нас не ограничивал по тематике. Анна Витальевна Куприянова, которая преподавала радио, сама со студентами решала, что там должно транслироваться. Были планы перекинуть вещание и в главный корпус. У него была мечта, которой сильно я тоже тогда горела: взять частоту и делать радио на город. К сожалению, ему не хватило времени на это. Был бы жив, наверно, сделали бы.

— **Какие у Вас были первые впечатления о Тольятти?**

— С. Ф. Жилкин говорил, что не хочет, чтобы Тольятти был рабочим поселком, городом при фабрике. Университет был им задуман как культурный двигатель, который позволил бы городу меняться. А когда создастся нужная критическая масса людей, воспитанных в хороших традициях, в хорошей культурной среде, они бы и начали предлагать Тольятти новые тренды управления. Это и развитие научной сферы, и культурной сферы, он в этом направлении очень много делал. Как бывший мэр он хотел через университет продвигать Тольятти на российский и международный уровни. А город я увидела, когда приехала, цветущим: яблони, одуванчики, розы и ирисы, поэтому Тольятти для меня был город-сад. Город, окруженный лесом. Город нового типа. Город, где

мало камня и много зелени. Город, в котором много бытового простора и свободы для человека. Это меня очень привлекало.

Также в тольяттинских людях была открытость всему интересному и новому. Меня очень тронула удивительная благодарность за красоту, за искусство в театре, на концертах в филармонии. Саратовским все же свойственен некий снобизм, они похлопают сдержанно, «да мы и не такое видели»... А здесь такая живая, горячая, благодарная реакция публики. Я и на своих лекциях это всегда чувствовала. Со временем, проанализировав, я поняла, что это такая уникальная черта города: готовность принять новое и большая благодарность тем, кто это новое дает.

Неподдельный интерес к людям

— **Вы возглавляли кафедру с августа 2004 по 2010 год. Как она развивалась в этот период?**

— Работы свалилось очень много. Во-первых, в конце 2004 года была аккредитация, потом в РФ пришел Болонский процесс: надо было переходить на двухуровневую систему обучения, открывать магистратуру и готовить новые программы. В конце первого учебного года, в июне 2005, я защитила докторскую диссертацию на тему «Журнал О. И. Сенковского «Библиотека для чтения» 1834–1856 годов и формирование массовой журналистики в России». Когда я ее защищала, то уже мечтала об открытии аспирантуры, чтобы готовить кадры. Потому что когда я начала работать, у нас была очень низкая острепенность, что нам ставили в упрек. Так что это была задача номер один! Чтобы не приглашать непрофильных преподавателей с других кафедр, нужно было дать возможность своим преподавателям получить ученые степени, что давало право преподавания в вузе именно по этой специальности. Поэтому сначала я защитилась, а потом за мной пошли Александр Юрьевич Долгополов, Елена Робертовна Раскатова, Людмила Викторовна Иванова. Мы вчетвером в 2005 году защитились за полгода. Через два года в 2007 году Галина Владимировна Чевозерова защитила кандидатскую диссертацию, а в 2011 году — Анна Витальевна Куприянова. Тогда у нас кафедра стала полностью острепенной.

— **Какие проекты преподавателей или студентов, реализованные в это время, Вам особенно запомнились?**

— Мне хотелось нового, и так и вышло. Новым было все. Надо было установить контакт с местными журналистами, которые в определенной степени видели в нас будущих конкурентов. Нужно было рекомендовать нашу кафедру на научном поле России, чтобы нас признали достойными готовить журналистов. До экономического кризиса 2008 г. были неплохие возможности нашим преподавателям ездить на конференции, проводить конференции в Тольятти, приглашать сюда с чтением лекций крупных российских ученых. Здесь побывали С. Г. Корконосенко и Л. П. Громова из СПбГУ, Д. М. Стровский и М. М. Ковалева из УрГУ, В. В. Тулупов и В. И. Сапунов из Воронежского ГУ, частыми были визиты самарских коллег и др. В моменты этих визитов студенты ходили

оселомленные и говорили: «К нам живые учебники приехали!» Мы со студентами делали проект «Атомный век в судьбах тольяттинцев».

Помимо развития научной деятельности, кафедра старалась укрепиться и на городском информационном поле. К нам обратилась председатель общества «Вдовы Чернобыля» Т. В. Тяглова и Л. А. Тимонин, председатель Тольяттинского филиала общества «Союз Чернобыль». Они хотели, чтобы мы написали книги о тольяттинцах — ликвидаторах аварии на Чернобыльской АЭС. Это была большая и ответственная работа, психологически трудная, потому что она была связана с тяжелыми испытаниями и для этих людей, и для наших студентов. С одной стороны, пострадавшие на этой аварии — все больные и даже умирающие, с другой — двадцатилетние девочки, не знающие жизни, которым хотелось думать о любви, о мальчиках, о весне и цветах, им приходилось войти в зону чужой боли, понять, принять и описать ее. Не всегда хватало их умения и понимания, тогда приходилось подключаться и объяснить какие-то азы журналистской работы, уже не в теории, а на практике, нужно было вести работу, чтобы у них открылись сердца, возникло сочувствие. Потому что, если они приходили и задавали формальные вопросы, им никто ничего не рассказывал. Студентам было сложно — они представляли совсем другую эпоху, даже мало знали о Чернобыльской аварии, но они справились, тем самым доказали профессионализм: и свой, и наш. Когда книжка вышла, в 2009 году, это было действительно счастье — и для студентов, и для кафедры. Были очень трогательные моменты, когда студенты беспокоились, чтобы их героям или хоть их семьям книжка досталась побыстрее. Студенты в процессе работы стали журналистами и, главное, научились слышать людей. Это был новый проект, который показал городу, что мы можем профессионально работать.

— **Какие занятия со студентами Вам больше всего запомнились?**

— Раньше мы вместе ходили в театр и в филармонию, чтобы научиться писать рецензии. Смысл был в том, чтобы все смотрели одно и то же, а потом писали рецензии. На занятиях мы сравнивали работы, обсуждали, кто полнее отразил какое-то событие. Это были очень хорошие мастерские, потому что ребята видели, как по-разному можно писать, учились обращать внимание на главное, исправляли свои ошибки. Я считаю, что это было замечательной практикой.

— **На своих занятиях Вы всегда стараетесь увлечь студентов, придумываете интересные задания. Например, разыграть заседание суда на предмете «Профессиональная этика и право». Вы всегда добавляли в свои занятия такой интерактив? Как он вообще появился в Вашей практике?**

— Это какая-то моя особенность. Просто я люблю ребят. Они сидят, глазками хлопают, слушают лекцию. Пусть поиграют, и я тоже по-новому их узнаю.

— **Есть история, связанная со студентами, которая Вам запомнилась больше всего?**

— У меня был один из любимых курсов, который в 2011 году выпускался. Я помню, мы с ними решили

устроить рождественский чай, и все собрались на кафедре. Я принесла еды, они тоже что-то принесли, мы согрели чай. Просто хотели погадать и что-то обсудить. А собрались, когда все занятия заканчивались, наверно, часов в пять, когда уже было темно. Вдруг внезапно в университете выключился свет. Мы все засмеялись: сидим, свечек никаких нет. Кто-то включил телефоны, и у нас такой хороший разговор пошел в темноте: про жизнь, про профессию, про планы ребят. Это было очень душевно.

— **Как быстро Вы поняли, что здесь, в ТГУ, на своем месте?**

— Достаточно быстро, может быть, даже в течение первого года. Я над собой постоянно чувствовала «крыло» Жилкина. Мы все — ректор, коллеги и я — хотели нового. Никогда, конечно, не бывает все абсолютно гладко, но главное на таких моментах не заостряться и стараться быстрее переходить к тому, где мы быстрее друг друга поймем и поддержим.

Также мне очень нравилась здесь такая традиция — выезды руководства университета на природу в конце учебного года. Так сказать, для мозгового штурма, оценки того, что было сделано, и проектирования планов на будущее. Можно было что-то обсудить, недовольство какое-то высказать, в неформальной обстановке сесть и поговорить. Причем у Жилкина был такой подход — выбрать такое место, чтобы сотовые телефоны не ловили и чтобы мы все принадлежали этому мероприятию от и до. Оторвались от дома, от учебного процесса, от знакомых, от дел, чтобы мы были здесь и сейчас. И, конечно, меня очень подкупало, как Жилкин пел и не боялся быть смешным. Я много видела ректоров и в Саратове, и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Но он был особенным. А еще, вроде мелочи, но здесь было много того, о чем я мечтала в Саратове: мантии и конфедератки, посвящение в студенты, торжественные выпуски, встречи выпускников первого сентября. Это было исполнение мечты, я жила в каком-то состоянии удивления и восхищения!

— **Вы работаете в ТГУ уже 16 лет. Отличаются ли студенты первых выпусков кафедры «Журналистика» от нынешних студентов?**

— Сейчас большой процент студентов работает во время обучения. Мало тех, кто может себе позволить себе просто учиться, как, допустим, мы в свое время. Современные студенты больше сидят в электронике и меньше читают бумажных книг. Однако все равно приходят люди с интересом к жизни и к слову, желающие что-то рассказать. Какие-то базовые вещи остаются неизменными, и это доказательство того, что журналистика — профессия, которой можно научиться. Какая-то струнка особенная должна быть в человеке от природы, но без учебы она заглохнет, не зазвучит. Учеба помогает этому развиваться.

— **Какие качества больше всего цените в студентах?**

— Интерес и желание учиться и развиваться.

— **А в себе?**

— Наверно, все-таки эмпатию. Любовь и интерес к людям, потому что это самое интересное, что есть в жизни.

Неугасающая любовь к науке и путешествиям

— **У Вас уже более 140 публикаций: монографий, статей и методических пособий. С чем связан такой постоянный интерес к науке и исследованиям?**

— С любовью к этому делу. Одно проходит, другое появляется. При этом понимаешь, что все, что интересно, уже не сделаешь своими руками, поэтому выручают аспиранты. Конечно, надо учитывать их собственные интересы, но ведь всегда можно найти нечто общее! У меня трое защитившихся аспирантов, двое работают в вузах, а третья пока воспитывает троих детей и работает как журналист на удаленке в московском издании. Надеюсь, что оставшиеся двое аспирантов тоже не подведут. А что касается того, как приходят новые темы, приведу пример: в 2018 году, когда проходила Олимпиада, была масса спортивной информации. Я от себя этого не ожидала, но меня так сильно зацепило, как пишут спортивные корреспонденты, какая шла война на поле спортивных публикаций и как там нарушались все законы отечественной журналистики, как будто это какое-то отдельное царство-государство с другими законами, хотя это та же самая журналистика, и точно так же она должна регулироваться законом о СМИ. Мне захотелось понять, почему в именно этой сфере так все происходит, и вот уже третий год я этим занимаюсь.

— **Вы всегда старались налаживать контакты с учеными из разных университетов страны. У Вас сложились с ними только профессиональные отношения? Или с кем-то Вы стали друзьями?**

— И то, и другое. Очень важно говорить с единомышленниками, с людьми, которые живут тем же самым. Мы группа, которая понимает друг друга. Буквально вчера мне прислали книжку из Москвы по газетоведению, чтобы я на нее написала рецензию. Также я рецензировала уже после смерти Льва Ефремовича Крэйчика — его книжку.

Сейчас очень мало информации о том, что делается в других регионах. В советские времена была единая система отслеживания статей, публикаций и книг. Каждый мог посмотреть, например, в конце года, где и что напечатано по его теме. Сейчас этого просто нет. Считается, что люди благодаря интернету сами это могут находить. Однако потоки информации в интернете огромные, и не все могут работать с поисковиками и базами данных. Поэтому жаль, что выходят хорошие книги, а многие не знают, что они есть. Даже научное сообщество, которое на это нацелено, занято повседневной деятельностью и не успевает отслеживать новые публикации. Поэтому, если я нахожу новую книгу, которая, на мой взгляд, хорошего уровня, то стараюсь написать об этом рецензию. Помогает укреплять научные контакты и моя работа в диссертационных советах по филологии и журналистике — Казанском и Самарском. Конечно, это дополнительный расход времени, но он окупается новыми знаниями — ведь диссертанты дотошный народ, ориентированный на новизну, так что благодаря им находишься в курсе новых направлений в нашей науке.

Вот так мы с вами вернулись к тем временам, когда я хотела быть литературным критиком...

— **Чем Вы занимаетесь в свободное время?**

— Музыка, книги, природа, собаки.

— **Знаю, Вы любите путешествовать. В каких странах Вы побывали? По какому принципу вы выбирали места для поездок?**

— Принцип — узнать что-то новое и интересное. За свою жизнь я побывала в Голландии, Великобритании, Италии, Болгарии, Грузии, Эстонии и Латвии. Наша страна тоже очень интересная. С удовольствием познакомилась с Уралом, Сибирью, с Прибалтикой, еще в советский период, конечно, и по Волге ездила. Жаль, что никогда не была в Украине, но не теряю надежды, а еще мне хочется вернуться в Италию и не один раз. Еще много куда хочется съездить. Например, в Грецию, в Австрию, во Францию.

— **Если бы не журналистика, то какую другую специальность Вы бы выбрали?**

— Когда-то я хотела быть писателем. Еще даже десять лет назад я думала, что когда уйду на пенсию, закончу с преподаванием, то начну что-то писать. У меня была записная книжка с сюжетами, которые мне хотелось бы развить. Но сейчас я понимаю, что уже не сделаю этого, потому что у меня взгляд на мир изменился. Для литературного творчества нужно больше непосредственности и доверия этому миру, а у меня взгляд как рентген стал. Недаром говорится, многие знания — многие печали. Я сразу вижу, чем это закончится, и мне это уже не даст написать книгу, потому что непосредственность удивления и вера в чудо прошла. Думаю, что из-за науки. Она развивает логическое мышление. Все тесты по психологии, которые я проходила, говорят о том, что у меня больше развито рациональное полушарие. Одна только музыка пытается меня «лечить».

Подготовила Светлана Марчукова

Веб-сериал как новый формат продвижения

Развитие онлайн-сервисов вещания, социальных сетей и мессенджеров не только меняет привычки интернет-пользователей, но и создает возможности для более активного продвижения товара или услуги. Сами предприниматели определяют продвижение как «формирование нового взгляда потребителей на продукт» в контексте зарождающейся новой экономической системы, при которой клиенту важен не столько сам товар, сколько его образ [1, с. 5].

Американский сценарист Р. Макки заявил о наступлении эры после рекламы, аргументируя свою точку зрения равнодушным восприятием аудиторией традиционных инструментов маркетинговых коммуникаций. Если еще несколько лет назад любое рекламное сообщение вызывало у потребителя эмоции, а постоянное повторение его было направлено на стимулирование «близости бренда» [2, с. 27], сегодня требуется огромное количество усилий, чтобы его заинтересовать.

Начиная с 2008 г. рекламный рынок испытывает кризис, основанный на «баннерной слепоте» (этот феномен Р. Макки толкует, как игнорирование рекламных баннеров пользователем) и на сервисах, которые способны блокировать рекламные сообщения. Сегодня создать «близость бренда», о которой говорит в своих трудах кинематографист и исследователь, а также заменить традиционные инструменты способен сторителлинг. По мнению сценариста, он является одним из самых мощных маркетинговых инструментов, так как человечество воспринимает мир через призму создаваемых им же историй [2, с. 28].

Сторителлинг в маркетинге может проявиться в таком формате, продвижения как веб-сериал. Этот вид маркетинговой коммуникации стал известен в США несколько лет назад, когда компании стали обращать внимание на проблемы, на первый взгляд напрямую не связанные с их деятельностью. Например, американская финансовая компания American Express на своем Youtube-канале стала поднимать острые социальные вопросы, повышая тем самым лояльность к себе [3]. Одна из серий веб-сериала рассказывает историю 24-летнего дизайнера В. Скотт из Детройта, которая стала устраивать на производство бездомных. Проект под названием #PassionProject охватил героев самых разных профессий, призваний и географии. Например, одну из первых серий авторы посвятили нехватке пресной воды в Африке. Кроме этого, компания включила в продвижение веб-сериала интерактивный элемент и попросила телезрителей предлагать для следующих выпусков темы и персонажей, одержимых своей профессией и желанием помочь окружающим.

Новая опция IGTV в социальной сети «Инстаграм» появилась осенью 2019 г. Хотя использовать многосерийный формат в сторителлинге стали задолго до этого: первый сериал появился в 2013 г. (это шоу Desert Friends) [4]. Он не завоевал популярности у зритель-

ской аудитории, собрав всего 21 тысячу подписчиков, но презентовал новый формат. Следующее сериальное шоу было уже интерактивным, что привлекло гораздо больше зрителей. Позже подобный инструмент стали использовать компании в коммерческих целях. Например, бренд одежды GAP взял подобный формат продвижения товаров на вооружение. Компания опубликовала 12 серий, в которых молодые люди старались создать свой идеальный образ. В Samsung пошли дальше и вместо продвижения собственного товара подняли острые социальные проблемы борьбы с зависимостью от смартфонов. В своем инстаграм-сериале авторы сделали акцент на том, что некоторые пользователи чрезмерно много внимания уделяют качеству картинки, из-за чего нередко страдают. Синергия общественно значимых вопросов и бренда компании в сюжете позволила создать выгодный образ бренда и повысить его имиджевую значимость.

У. Орел считает, что успешные бренды занимают ведущее место на рынке до тех пор, пока у них есть причина быть популярными. Иными словами, пока они четко определяют цель своего продукта. Эксперт в области маркетинга и цифровых технологий приводит в пример компанию по производству спортивной одежды Nike. Ее создатели верят в то, что каждый человек — атлет. И его необходимо просто подтолкнуть к действию. Компания взяла на себя функцию народного мотиватора [5]. Поэтому все маркетинговые мероприятия бренда ориентированы на продвижение данной идеи.

У. Орел не приводит в пример форматы, которые можно применять для продвижения тех или иных товаров или услуг, но затрагивает вопрос тематики, в рамках которой продукт может быть полезен. Производителю обуви он предлагает обратить внимание на тревел-блог, канал о классификации обуви, об историях известных потребителей или о судьбах простых сотрудников компании. То есть он призывает привлекать к продвижению экспертов и поднимать важные общественные вопросы и решать повседневные проблемы потенциальной аудитории [5].

Маркетинговый аналитик Д. Стерн функции современного маркетинга приписывает синонимичность с просвещением аудитории по вопросу, как покупать, где и когда [6, с. 13]. По словам исследователя, информационная составляющая при продвижении бренда на рынке — одна из основных при разработке маркетинговой кампании. Кроме этого, автор уверяет, что потребителя всегда привлекает мультимедиа. Пользователь воспринимает гораздо лучше информацию в формате видеоматериала в отличие от длинного текста. При помощи качественного графического оформления, навигации и видеороликов на сайте фирма может не только создать положительный образ, но также удержаться на позициях внимательного к своим клиентам бренда.

М. Мейерсон приводит в пример героев «Марвел». По его словам, эта вселенная — самая настоящая реклама. Только вместо этого слова мы используем понятие «фильм». Вымышленная история не вызывает у зрителя отвращения. Он не замечает, что главные герои манипулируют его эмоциями и намерениями не хуже героев коммерческих роликов. Тем временем вселенная — грамотно выстроенная бизнес-модель, которая работает на продажу товаров под брендом «Марвел»: комиксы, футболки, игрушки, видеоигры [7, с. 9]. Документалисты уверены, что эффективно могут продвигать не только вымышленные герои, но и вполне реальные люди: потребители, производители, или просто те, кто соответствует основной концепции компании. Поэтому мы видим целесообразность в изучении документальных веб-сериалов, которые могут уверенно занять нишу нового формата создания имиджа и продвижения товара или услуги.

*Анастасия Шкитина,
магистрант Российского государственного
социального университета, факультет
коммуникативного менеджмента.*

Литература

1. Инструменты продвижения продуктов компании в современных условиях: пособие для предприятий малого и среднего бизнеса / Министерство экономики, торговли, международных и внешнеэкономических связей. — Ростов-на-Дону, 2008.
2. Макки Р. Сториоматика: маркетинг, основанный на историях, в пострекламном мире / Р. Макки. — Режим доступа: <https://goo-gl.su/GzD8fsl> (дата обращения: 16.06.2021).
3. American Express (2013) Coats создают рабочие места в Детройте | #PassionProject Вероники Скотт // YouTube. — 18 дек. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=n0y7w00Unqc> (дата обращения: 16.06.2021).
4. Гребенникова М. Что такое Instagram-сериалы и почему скоро их будут смотреть все? / М. Гребенникова // TV Mag. — 2019. — 24 окт. — Режим доступа: <https://tricolorvmag.ru/article/teleobozrenie/2019-11-09-cto-takoe-instagram-serialy-i-pochemu-skoro-ikh-budut-smotret-vse/> (дата обращения: 16.06.2021).
5. Орел У. Youtube маркетинг для чайников / У. Орел. — Режим доступа: <https://goo-gl.su/LvRtFHa> (дата обращения: 16.06.2021).
6. Стерн Д. Интернет-маркетинг: интеграция Интернета в вашу маркетинговую стратегию / Д. Стерн. — Режим доступа: <https://goo-gl.su/4S9QpLDJ> (дата обращения: 16.06.2021).
7. Митч М. Секреты успеха супер-звезд Интернет маркетинга / М. Митч. — Режим доступа: <https://goo-gl.su/3WLvyYk2> (дата обращения: 16.06.2021).

Николай Долгополов:

«В Париж я поехал через Чернобыль»

**Известный журналист и писатель —
о знаменитостях и не только**

...Он пил с Франсуазой Саган вино из долины Луары, побывал на тринадцати летних и зимних Олимпиадах, дружил с Эдуардом Лимоновым, Владимиром Максимовым, встречался с Грэмом Грином, видел «живьём» Любовь Орлову, Григория Александрова, Николая Эрзмана, Галину Уланову и Олега Попова, называл величайшего пианиста Эмиля Гилельса дядей Милей, переписывался с президентом Гонкуровской академии Эрве Базеном и экс-шефом «Штази» Маркусом Вольфом, работал переводчиком на заводе в Иране и в сборных командах СССР, читал лекции в Академии МОК в Олимпиах, в мае 1986 года побывал в закрытой зоне Чернобыля, стал чемпионом Москвы в составе сборной иняза, лауреат премии СВР, вёл в Сеуле семинары FIFA, сыграл в кино Кима Филби, был в команде 15-го района Парижа по настольному теннису, с 1998 года заседает в президиуме Федерации фигурного катания на коньках, пишет книги и статьи о политике, спорте, вине, балете и разведке. О том, как он всё это успевает, а заодно и о своей жизни, рассказал журналист, писатель, вице-президент Международной ассоциации спортивной прессы, президент Федерации спортивных журналистов России, вице-президент Международного комитета «Фэйр плей», заместитель главного редактора «Российской газеты» Николай Долгополов.

— **Николай Михайлович, а это правда, что вы не хотели быть журналистом?**

— Правда. У отца, журналиста-фронтовика, дошедшего до Берлина, в трудовой книжке было только две записи — корреспондент «Комсомольской правды» и «Известий». Он был настоящим фанатиком профессии. И мама была журналисткой, так что я в этом варился с младых лет, но в десятом классе заявил отцу, что в журналистику не пойду. Папа расстроился, но потом махнул рукой: иди своим путём. И я пошёл в институт иностранных языков. У меня был первый разряд по популярному в инязе настольному теннису, и наша команда, в которой я играл в паре с многократной чемпионкой мира Зоей Рудновой, стала чемпионом Москвы среди студентов. Отец к тому времени уже болел, мама вышла на пенсию, и приходилось подрабатывать переводчиком в иностранных сборных командах. Так я объездил всю страну. Кстати, и первый раз за границу — в Норвегию — попал ещё студентом, со сборной СССР по конькам. После института два с половиной года работал переводчиком в Иране, оттуда и начал отправлять статьи в газеты. И эту «экзотику» иногда даже печатали. Карьеру

переводчика продолжать не стал, работал в АПН, но тянул в настоящую журналистику...

— **Не иначе родительские гены сработали?**

— И они тоже. Друг отца, известный спортивный журналист Борис Федосов, посоветовал идти в «Комсомольскую правду». Но меня туда долго не брали. Имел глупость пару раз приехать в редакцию на новеньком, в экспортном исполнении, жёлтом «Москвиче-412». В 1974 году — роскошь! И некоторые решили: ну понятно, сын известного журналиста, мальчик с улицы Горького, всё у него есть, никогда не будет тянуть журналистскую лямку... Заместитель главного редактора, который почему-то курировал спорт, так и сказал: «Нам, Долгополов, барчуки не нужны». Я, конечно, приуныл, но заведомо спорта «Комсомолки» Володя Снегирёв посоветовал: «Сделай хороший материал, гвоздь номера». И я сделал интервью с живой легендой — Вячеславом Старшиновым. Интервью понравилось первому заместителю главного редактора «Комсомолки» Виталию Игнатенко. Виталий Никитич вызвал меня: «Выходи на работу!» Я отвечаю: «А меня не берут». Игнат усмехнулся: «Я тебя беру!» Вот так я и пришёл в «Комсомолку», в которой проработал, страшно сказать, с 1975 по 1997 год.

— **Вы ведь начинали как спортивный журналист?**

— Да, мне нравилось писать о спорте, и к тому же наш отдел не заставляли писать чушь вроде «разоблачений» Сахарова и Солженицына. Наконец, спортивные журналисты были в редакциях людьми выездными. В 1976 году поехал на первую мою Олимпиаду в Монреаль. Оформили меня в Спорткомитете не журналистом, а переводчиком сборных команд СССР по водным видам спорта. Но как отправлять в редакцию материалы, если с такой переводческой аккредитацией можно попасть только в бассейн? Пробился с трудом в олимпийский пресс-центр и повёл себя самым наглым образом. Для начала соврал: направлял вам документы на аккредитацию, а вы их потеряли. И чего ради я тащился в этот ваш Монреаль, если советский журналист не может получить даже положенную ему аккредитацию?! Канадцам и в голову не пришло, что я вру. Успокаивают меня: не волнуйтесь, сэр, сейчас найдём ваши документы. Где они могут их найти, если их в природе нет, это другой вопрос. Главное — мне выдали журналистскую аккредитацию! Так я и оказался единственным на Олимпиаде человеком сразу с двумя аккредитациями и мог ходить где вздумается. Представьте картину: в прыжковом олимпийском

бассейне духота страшная, все журналисты парятся в своих «загонах», а я сижу на бортике бассейна и болтаю ногами в воде. Не знаю, как коллеги меня там же не утопили: они же видели, что какой-то никому не известный долговязый парень всё время торчит рядом с великими спортсменами, спокойно берёт у них интервью и вообще гуляет себе по всем олимпийским объектам, а их с журналистскими аккредитациями мало куда пускают!..

— **Говорят, вам так нравилось работать в отделе спорта, что вы даже отказались от работы собкором «Комсомолки» в Париже. Или это анекдот?**

— Совсем не анекдот. Мне интереснее было работать в Москве. Конечно, в те времена люди радовались любой возможности поехать за границу, а тут кто-то отказывается от Парижа! А я был счастлив в своём спортивном отделе. Но в Париж я всё-таки поехал — через Чернобыль. Был я секретарём парторганизации «Комсомолки», и 1 мая 1986 года на дачу, где мы жили с женой и мамой, принесли телеграмму: быть в такое-то время на Старой площади, у подъезда № . Да это же подъезд секретаря ЦК товарища Яковлева! Я понял, что произошло что-то серьёзное. А произошла катастрофа на Чернобыльской АЭС, и по личному указанию Александра Яковлева туда направили группу журналистов — правдинца Владимира Губарева, телевизионщика Сашу Крутова, Андрюшу Илеша из «Известий», Лёву Черненко из ТАСС, вашего покорного слугу и ещё двух коллег. В закрытую зону мы проходили только потому, что были в «списке Яковлева». Иногда приходилось и ночевать в лагере ликвидаторов. Кстати, никакого пьянства там не было. Часто встречались с директором АЭС Брюхановым, партгором и комсоргом станции, и могу подтвердить: никто и не думал выпивать, все боялись потерять партбилеты. Брюханов время от времени шептался со своими приближёнными на тему «чем нас потом наградят». Гадали, дадут ли директору Героя Соцтруда или ограничатся орденом Ленина. А Брюханову дали срок... Вернулся я в Москву, прямо скажу, не совсем здоровым. Но, переболев, оклемался. А через какое-то время меня вызвал главный редактор «Комсомолки» Геннадий Селезнёв.

— Ты был в Чернобыле, — сказал Геннадий Николаевич. — Теперь собирайся, поедешь собкором во Францию.

Так мне предложили работу в Париже во второй раз. И я согласился.

Признаюсь, первое время во Франции было скучновато, казалось, что все значительные события происходят в Союзе, где полным ходом тогда шла перестройка. Но постепенно стал вживаться во французскую жизнь. Помогали мне Кирилл Привалов из «Литературки», правдинец Володя Большаков, Чистяков, Витя Хреков из ТАСС, да все коллеги. У нас была дружная компания, вместе встречали праздники, ездили на фестивали «Юманите». Если у кого-то ломалась машина, я подвозил на своей. Если мне надо было взять интервью, скажем, у Робера Оссейна, я мог попросить у ребят его телефон. Мы не были конкурентами, мы были товарищами.

— **Журналистика нынче обмельчала?**

— Не по вине журналистов. Ребята, становление которых пришлось на первое постсоветское десятилетие, не по своей вине недополучили того, что в своё время получили мы. Когда я начинал в «Комсомолке», там работали такие глыбы, как Голованов, Песков, Снегирёв, Шумский, Рост, и молодёжь училась у них. Это была жёсткая школа. Как-то я написал о мировом рекордсмене по прыжкам в высоту Владимире Яценко. Гена Бочаров, прочитав мой опус, сказал: «Коля, хороший материал, но за одну фразу я хотел тебя убить». Я удивился: «За какую?» — «А вот ты написал: «Он прыгнул, и мир вздрогнул». И спрашивает Пескова: «Вася, ты вздрогнул?» — «Я не вздрогнул, — отвечает Песков. — Я вообще не знал, что кто-то куда-то прыгнул». Правда, Песков тут же за меня и вступился: «Гек, не приставай к нему, он больше такого писать не будет. Правда, Коля?» И больше я такое не писал.

— **Вернёмся в Париж. Наверняка вам там было комфортно, с вашим-то французским?**

— Как раз с моим французским проблемы и были. Парижане словно нарочно говорили так, что поначалу я их почти не понимал. Освоиться помог настольный теннис: я играл за сборную своего района, с нами занимался профессиональный тренер Стефан. Мы даже стали чемпионами Парижа на турнире профсоюзов. Наши игроки, отчаявшись выговорить мою фамилию, звали меня Русский. В основном это были работяги, изъяснявшиеся на дичайшем аргю. А помощник заправщика бензоколонки Мишель, которого определили мне в пару, и вовсе говорил так, что его не понимали даже ребята из клуба. Но мне-то надо было его понимать, и я так наловчился, что переводил другим игрокам с его французского на их французский язык.

— **Мне рассказывали, что вы большой знаток французских вин. Это так?**

— Я точно не великий сомелье, но в винах разбираться научился, когда вступил в Ассоциацию писателей и журналистов, пишущих о вине. Мы ездили по всей Европе по приглашению винодельческих фирм, шато, заводов. В первую мою поездку попали в Медок, а оттуда нас завезли в знаменитый Сент-Эмильон. Первая моя дегустация — все отпивают по глоточку и слёвывают в специальную посудину, туда же выливают и вино из бокалов. А я — по полному бокалу. Подходит ко мне красавица-датчанка и шепчет: «Николя, так дегустировать не принято, на тебя уже смотрят. Надо смачивать рот, а остальное — выплёвывать». Отвечаю: «Если в Москве узнают, что я выплёвывал такое вино, меня четвертуют на Красной площади». Но, конечно, потом научился дегустировать вина по всем правилам.

— **А что это за история с божоле?**

— Ага, и вы уже в курсе? Да, в процессе притирки к Франции я умудрился дважды опозориться в солидном парижском обществе. Первый раз — когда, говоря о чём-то, выразился, используя лексику партнёра по теннису работяги Мишеля. Наступила неловкая тишина, но французы великодушно простили: что взять с иностранца, не ведает, что говорит. Следующий час позора грянул, когда спросили, какое французское вино мне больше всего нравится. Я и брякнул: божоле!

Вот тут наступила уже не неловкая, а гробовая тишина. Люди положили вилки и уставились на меня. То, что я сказал, для любого уважающего себя француза — абсурд, чушь. Ну нельзя любить божолу в стране, где есть бордо и шампанское! Словом, во Франции удалось получить о винах довольно неплохое представление, и уже в Москве я провёл пару дегустаций как заправский сомелье. А ещё мы с коллегой по «Комсомолке» Олегом Шаповаловым написали книгу о вине «Весь мир в стакане». Журналист не должен заикливаться на одной теме, и я писал о разном — о политике, спорте, балете, вине, писателях...

— **Кстати, о писателях. Вы ведь сдружились в Париже с Лимоновым и Максимовым?**

— С Эдиком мы были на равных, а Владимир Емельянович был старше, и тут никакого запанибратства не было, хотя и Максимов, и его жена Таня, дочь сурового сталинского литературного критика Полторацкого, относились ко мне очень тепло. Лимонов, вопреки московским сплетням о его роскошной жизни в Париже, жил очень скудно, они с женой Наташей Медведевой ютились в плохом районе, в комнатке с закутком, изображавшим кухню, и туалетом, где вплотную к унитазу пристроилось нечто вроде душа. Эдик, кстати, был в общении с друзьями спокойным парнем, горланил он только на публике. Мы дружили в парижское время, а разошлись уже в Москве, когда Эдик строил партию, да такую, что, по-моему, это было чистым эпатажем. С Максимовым мы встречались и в Москве, он был разочарован ельцинской Россией, вернулся в Париж и умер как-то неожиданно, это была огромная потеря. А Эдику я всегда буду благодарен за то, что он помог мне сделать интервью с Франсуазой Саган. К тому времени я уже общался с французскими писателями, например, бывал дома и в загородном шато президента Гонкурской академии Эрве Базена, даже переписывался с ним, но вот до Саган добраться никак не получалось.

— **Лимонов был с ней дружен?**

— Это вряд ли, он едва говорил по-французски. Но она явно испытывала к нему симпатию. А я никак не мог дозвониться до неё по номеру, который мне дали друзья. На звонки откликался автоответчик: «Прачечная. Оставьте ваш заказ. Вам перезвонят». Лимонов объяснил, что так Саган скрывается от журналистов, и пообещал устроить интервью с ней через неделю. А уже через два дня сообщил, что я могу позвонить в «прачечную» и сказать, что я «от Эдуарда». Звоню, представляюсь, оставляю телефон. Буквально через три минуты — звонок: «Эдуард сказал, вы его друг. Приезжайте, но не тяните, я скоро уеду из этого проклятого Парижа».

— **Вы были у неё дома?**

— На следующий же день. Вечером у меня были соревнования по настольному теннису, и я поехал к Саган, надеясь успеть и на турнир. Поставил машину на стоянку, заплатив за пару часов, и поднялся в квартиру, где застал знаменитую писательницу в плохом настроении. Она сидела на диване, поджав под себя ноги в стоптанных тапочках на босу ногу. Не позволяла себя фотографировать, твердя, что всё

равно ничего у меня из этого не выйдет, вяло отвечала на вопросы, а потом вдруг сказала: «В кресло, в котором вы сидите, обычно усаживается Миттеран». Я знал, что они дружны с президентом-социалистом Франсуа Миттераном. Он даже прикрывал её, когда всплывали её дела с наркотиками. Но то, что он бывает в этой квартире... Что ж, разговорить Великую Франсуазу не удалось, но материала уже вполне хватало на интервью, и я собрался уходить, чтобы не опоздать на теннисный турнир. И тут мадам Франсуаза вдруг предложила: «Хотите попробовать вино, которое мне привезли из долины Луары?» Я, чтобы блеснуть познаниями в виноделии, отрезал: «Там нет хорошего вина». И гордо сообщил, что вступил в Ассоциацию журналистов, пишущих о вине. Саган презрительно сощурилась: «Да что вы понимаете в винах?» Достала откуда-то бутылку, ловко открыла её, разлила по бокалам, залпом выпила. И я выпил залпом. Не отставать же от дамы. «Ну как? — спросила Саган. — По-моему, вино ничего». И я согласился. Обычно французы закусывают сыром, но тут на тарелочке в ворохе шелухи отыскалось лишь семь малюсеньких орешков, так что с закуской было не очень. А хозяйка опять разлила вино по бокалам — и опять выпила залпом. После чего предложила открыть вторую бутылку, что мне и было доверено. Открыл, разлил, выпили. Разговор оживился, она стала жаловаться, что её травят, обвиняют в наркомании, а она всего лишь пьёт лекарства, заглушающие боль. И пошли откровения. А я лихорадочно соображал, как в таком непотребном виде сяду за руль. Саган прочитала мои мысли: «Вы опьянели? Но мы же ничего крепкого не пили!» Потом спросила, как я к ней приехал. Я сказал, что на машине, но сейчас возьму такси. «Я вас отвезу! — воскликнула Франсуаза. — Люблю ездить в дождь по Парижу!» И вышла вместе со мной на мокрую от холодного мартовского дождя улицу — прямо в своих ужасных тапочках. «Вы видели мою машину? — указала она мне на огромный автомобиль. — Поедем!» Я сразу представил заголовки в утренних газетах: «Пьяная Франсуаза Саган и русский журналист попали в аварию». То ли от этой мысли, то ли от холода я начал трезветь и кое-как уговорил её вернуться в квартиру. Не помню, как добрался домой, а утром помчался на стоянку и обнаружил за «дворниками» своего «Вольво» кучу штрафных квитанций. А Миттеран вскоре отправил Саган из Парижа в какое-то уединённое место, где она продолжала лечиться запрещёнными лекарствами. Я не думал, что она протянет так долго, до 69 лет. Умерла она 24 сентября 2004 года в больнице нормандского Онфлёра... Кстати, ни единого фото, как и предсказывала Саган, у меня не получилось. Да и в редакции беседу напечатали без особого восторга. Вот такая печальная история.

— **Тогда спрошу о чём-нибудь повеселее. Августовский путч 1991 года вы встретили в Париже?**

— Нет, в вагоне поезда «Москва — Париж». В Москве стояли танки, по телевизору крутили «Лебединое озеро», но мы-то ничего не знали. В Париже встречает меня Володя Большаков: «Тебя срочно вызывает наш посол». Поехали в посольство, и меня сразу прове-

ли к послу СССР во Франции Дубинину. Захожу, а он с ходу: «Что ты написал в своей газете? Не ожидал я от тебя такого!» И смотрит на меня с лёгкой ненавистью. Я говорю: «Юрий Владимирович, я только что с московского поезда, что же я мог написать?!» Он присел, как-то расслабился: «Мальчик, как хорошо оказаться в поезде во время путча...» Протягивает мне «Комсомолку», а в ней министр иностранных дел России Андрей Козырев рассказывает, как в дни путча ГКЧП героически рвался в советское посольство в Париже, а его не впускали. Это уж вряд ли. Я что-то таких случаев не припомню, да и никто не припомнит.

Между тем моя пятилетняя парижская командировка подходила к концу. Предстояло осваивать новую, московскую жизнь, которая для меня действительно была новой. Ведь мы уезжали из СССР, а вернулись — в Россию.

***

— Николай Михайлович, вы, один из самых известных спортивных журналистов, в 1993 году вдруг взялись за историю разведки. Как вас допустили к тайнам тайн, спрятанным в самых секретных архивах страны?

— Я никуда из спортивной журналистики и не ушёл. До сих пор президентствую в Федерации спортивной журналистики России, а с 2001 года — вице-президент Международной ассоциации спортивной прессы, куда входят более 150 стран, и, кстати, до меня никто так долго не занимал этот пост. Ещё я председатель Комитета Фэйр Плей при ОКР и вице-президент Международного комитета Фэйр Плей, а ещё вхожу в исполком Федерации фигурного катания. Однажды главный редактор «Комсомолки» Владислав Фронин вызвал меня: «Звонили от Примакова, он создаёт в Службе внешней разведки пресс-бюро и хочет, чтобы там был аккредитован человек из нашей газеты, а ты как раз подходишь под его требования». Их у Примакова было четыре. При СВР должен быть аккредитован мужчина, знающий иностранные языки, хорошо владеющий пером и никогда не работавший в спецслужбах. Последнее условие Примаков подчёркивал особенно: он понимал, что человека зависимого начальство загоняет в три минуты, а ему нужен был незамутнённый субординацией журналистский взгляд на работу разведки.

— **И вы согласились?**

— И я согласился. Поехал в Колпачный переулок, там тогда размещалось пресс-бюро СВР, представился Юре Кобаладзе. Оказалось, мы с ним заочно знакомы: я читал и слушал по радио его репортажи из Англии, он — мой из Франции. «Нужен материал к 90-летию разведчика-нелегала Абеля», — сказал Кобаладзе. — Слышали о таком?» Конечно, слышал, ведь Абель впервые появился на экране ещё в фильме «Мёртвый сезон», и тогда, в 1968 году, это была настоящая сенсация. Юра вручил мне огромную папку — по этим материалам я и должен был писать статью о легендарном разведчике, умершем в 1971 году. Замшелые статьи, пыльная папка... На следующий день я попросил организовать мне личную встречу с людьми, знавшими Абеля. Юра только развёл руками: «Это невозможно, они же все засекречены!»

Но потом умница Кобаладзе предложил изложить мои просьбы в письме от редакции на имя Примакова. Конечно, было мало шансов на удовлетворение моих довольно нахальных требований. Но через два дня Примаков поставил на письме резолюцию — «Помочь», только вычеркнул пару совсем уж недостижимых пунктов. После этого меня познакомили с начальником Абеля, с его дочерью Эвелиной Вильямовной и даже с полковником, который не без оснований считал себя продолжателем дела Абеля.

— **У вас ведь случилась ещё и связанная с этими статьями встреча с «атомным» разведчиком-нелегалом?**

— Вышло так, что вместо одного материала я написал целых три, они шли в «Комсомолке», была масса откликов, читатели требовали продолжения. И вот как-то секретарша мне говорит, что в редакцию звонит какой-то человек и просит встречи, а она меня бережёт, не соединяет. Я только руками всплеснул. Это был будущий Герой России, полковник внешней разведки Владимир Борисович Барковский, добывший для нас в Лондоне секреты атомной бомбы. Позже он стал одним из героев моих книг «Они украли бомбу для Советов», «Легендарные разведчики». Он сказал мне: «Николай Михайлович, мне очень понравились ваши статьи и книги о разведке, но всегда помните, что вас читают и профессионалы, а они видят ошибки, которых не замечает обычный читатель». И предложил объяснить некоторые вещи, касающиеся «атомной» темы. Мы встречались у меня дома по воскресеньям — Владимир Борисович играл в теннис на Петровке и потом приезжал к нам. Жена приносила чай и пирожки — и он часами рассказывал и рассказывал. Иногда, правда, предупреждал: «Писать об этом не стоит, просто вы должны это понимать».

— **Вам повезло познакомиться и со связником Абеля?**

— Когда я готовил статьи про Абеля, мне сказали, что его связник уже умер. Я так и написал. Но потом оказалось, что он жив, это был полковник Юрий Сергеевич Соколов, и мы с ним общались долгие годы. Он был инженером, занимал довольно высокие посты в международной организации и последние годы служил в Вене. Он походил на интеллигентного седовласого актёра-красавца, любил читать свои стихи и знал, кажется, все языки мира. Потом меня познакомили с американцем Морисом Коэном, заполучившим для нас чертежи атомной бомбы. По-русски он едва говорил, хотя жил в СССР с 1961 года, и ему было приятно беседовать со мной на английском. Вначале я назвал его «мистер Коэн», и он сразу встрепенулся: «I'm comrade Cohen!» Мы встретились только один раз, зато проговорили четыре с половиной часа. Конечно, и он далеко не всё мне рассказывал. Как-то я спросил: «А кто это — агент Персей?» Коэн глянул на меня строго и на ломаном русском ответил: «Его знай в нашей разведке три человека, а больше никто и никогда». Только лет через семь после долгих поисков я узнал, что Персей — это 19-летний американец Тет Холл, передававший чертежи бомбы через жену Коэна Лону.

— **А ещё вы долгое время общались и с выдающимися разведчиками, супругами Вартачан?**

— Мы не просто общались, мы сблизились. А началось всё с фильма, где в кадре мелькнула на пиджаке Звезда Героя Советского Союза и ещё — руки. Мне почему-то показалось, что это руки восточного человека. Вскоре меня пригласили для вручения литературной премии СВР, я получал её вместе с двумя офицерами этой службы. Вручал премию директор СВР генерал армии Трубников. В конце награждения Вячеслав Иванович привычно спросил, есть ли какие-то просьбы. Офицеры дуэтом ответили: «Никак нет!» А я — вспомните одно из требований Примакова к освещению славных дел разведки — сказал: «Есть просьба». За спиной Трубникова стоял генерал, отчаянно мне сигнализировавший — мол, не надо, какие просьбы?! А я говорю: «Видел документальный фильм, нельзя ли узнать, о каком Герое Советского Союза там шла речь?» Трубников кивнул: «Да, просьба интересная. А вы думаете, это восточный человек?» Я отвечаю: «По его рукам мне показалось, что восточный». Когда мы вышли из кабинета директора, в приёмной меня упрекнули: мол, поставил директора в неловкое положение, потому что просьба невыполнима. Но вскоре из СВР позвонили: «Ваша просьба удовлетворена. Геворк Андреевич Варганян и его супруга Гоар Леоновна готовы с вами встретиться, мы сообщим, когда они вас будут ждать». Приехал в назначенное время в тихий переулок, на пороге — Гоар Леоновна и Геворк Андреевич, и так началось наше долгое общение.

Геворк Андреевич сразу меня подбодрил: «Думаю, наша первая встреча не будет последней». И обратился к жене: «Гоар, где мы посадим гостя?» Она тут же распорядилась: «Ты, Жора, сядешь здесь, Николай — здесь, а я — здесь, чтобы мне легче было подавать наши любимые блюда». В таком порядке мы всегда и садились, когда я приходил к ним в гости. Сразу скажу, готовила Гоар Леоновна прекрасно, а её фирменным блюдом была долма. Варганяны знали, что я предпочитаю вино, и на столе всегда стояла бутылка хорошего сухого красного, но Геворк Андреевич говорил: «Мы же армяне!» — и ставил ещё и бутылку армянского коньяка. Выпивали по рюмке во время разговора и рюмочку на посопок. Это был очень гостеприимный, тёплый дом, и ты как-то забывал, что эти радушные хозяева — уникальные, гениальные разведчики, почти всю жизнь прожившие вдали от Родины.

— **Варганяны рассказывали далеко не обо всех своих «командировках»?**

— Я написал только о том, что они сочли возможным. Гоар Леоновна обычно молчала, но, когда Геворк Андреевич увлеклся, тихо говорила: «Жора, а разве об этом можно?» Варганян коротко отвечал: «Об этом можно». Он всегда читал мои материалы вслух, Гоар сидела рядом, кивала головой — мол, всё верно. Когда Варганян видел что-то не то, ставил галочку, и потом мы возвращались к этим галочкам, вместе решали, как быть. Однажды он рассказал любопытный эпизод. В статье я высказал свои предположения, где это было, и угадал. Но Варганян вычеркнул этот абзац из статьи, и я удивился: «Геворк Андреевич, но вы же сами сказали, что я правильно угадал!» Он улыбнулся: «Если угадали вы, может угадать и тот, кому не надо угадывать». Он

пользовался непререкаемым авторитетом среди коллег-нелегалов, и, несмотря на внешнюю мягкость, это был, что называется, человек со стальным стержнем, умевший жёстко отстаивать свои взгляды. В его жизни были потрясающие эпизоды. Например, Геворк Андреевич летал в США из Европы на самолёте командующего силами НАТО в Европе адмирала Тейлора! Наш разведчик-нелегал — на самолёте американского адмирала!

— **До вас о разведке много писал и ныне покойный Теодор Гладков...**

— Мы дружили, несмотря на разницу в возрасте. Теодор Кириллович очень плодотворный писатель, у которого была возможность встречаться со своими героями, изучать их биографии по документам, к которым нет доступа. Я многое у него перенял, и прежде всего — привычку скрупулезно точно описывать все детали. Некоторые говорят, что я «принял эстафету от Гладкова», — это не так, у меня своя «эстафетная палочка». Но прекрасный человек и писатель Теодор Гладков и сегодня остаётся для меня первым номером, настоящим бытописателем разведки и примером того, как надо писать о разведчиках.

— **Как бы вы назвали жанр, в котором пишете?**

— Хороший вопрос! Я бы назвал это «жанром откровенности». Это не совсем публицистика, а скорее откровенное повествование в недокументальной, но доверительной, правдивой форме. Некоторые разведчики говорили — вы, Николай Михайлович, шагаете след в след за своими героями. А для меня это самый большой комплимент.

— **В главе о разведчике-нелегале Юрии Шевченко вы назвали его «человеком в берете». Почему?**

— Потому что тогда ещё нельзя было называть его имени. Шевченко действительно всегда ходил в берете, и я однажды пошутил: «Вы, Юрий Анатольевич, прямо как француз!» А он рассмеялся: «Николай Михайлович, так я же и есть француз!»

— **Вошёл в образ?**

— Нет, это было не «вхождение в образ», это был именно он, но другой. Всё же разведчик-нелегал — не актёр, он не играет роль, он именно становится другим. Потому что если человек «входит в образ», он может и ошибиться, а в работе нелегала любая, даже самая мелкая ошибка может оказаться роковой. «Я жил той жизнью, это была моя жизнь, и я становился другим», — говорил Юрий Анатольевич. Мне рассказывала Гоар Леоновна Варганян, что и она долго не могла отойти от своей прежней жизни. Даже возвращаясь в московскую квартиру, прежде чем войти в свой переулок, приблизиться к подъезду, она «проверялась», нет ли за ней «хвоста», и «фотографировала» всех прохожих, шедших впереди или сзади. Геворк Андреевич смеялся: «Гоар, что ты делаешь?! Мы же в Москве!» А она отвечала: «Жора, я ничего не могу с собой поделывать, привычка».

— **У вас был ещё один герой книги о легендарных разведчиках — один из руководителей нашей внешней разведки Юрий Дроздов. Вы общались с ним?**

— Да, мы множество раз встречались. Генерал-майор Дроздов долгие годы возглавлял Управление нелегаль-

ной разведки Первого Главного управления КГБ СССР. Юрий Иванович мне многое рассказывал, объяснял, ведь с 1979 по 1991 год он был начальником моих героев. Без него было бы трудно. Кстати, когда Дроздов был оперативным работником в Берлине, он как-то сыграл роль «кузена» Абея, поскольку хорошо говорил по-немецки.

— **Вы открыли ещё одну легендарную личность, Алексея Козлова — полковника-нелегала и Героя России.**

— Это был уникальный разведчик! Козлов работал в том числе и в странах, с которыми у нас тогда не было дипломатических отношений, и о том, что он делал в некоторых из них, до сих пор нельзя рассказывать. Он был первым, кто в конце семидесятых доказал, что в ЮАР есть ядерная программа и там с помощью израильских учёных создана и испытана урановая бомба. После того как Козлов передал Москве эту информацию, были усилены международные санкции против ЮАР, способствовавшие падению режима апартеида. А Козлов, которого выдал предатель Олег Гордиевский, был арестован спецслужбами ЮАР и с 1980 по 1982 год провёл в Претории, в страшных южноафриканских застенках, где его пытали. Козлов не сказал ни слова. Алексея Михайловича обменяли на десятерых западногерманских разведчиков, арестованных в СССР и ГДР, и одного офицера армии ЮАР, захваченного по нашей просьбе кубинскими друзьями в Анголе. Советские спецслужбы переправили юаровца в Берлин, где и произошёл обмен в мае 1982 года. А через некоторое время Козлов опять отправился нелегалом за рубеж. Юрий Дроздов и Маркус Вольф, бывший шеф внешней разведки Министерства внутренних дел ГДР — враги называют её «Штази», — подтвердили мне, что это единственный случай в истории разведок мира, когда нелегал после ареста и обмена вернулся к нелегальной работе.

— **Вам довелось лично общаться и с Маркусом Вольфом. Он никогда не сомневался в правильности своего выбора?**

— Нет, сомнений у него не было. Но Вольф очень обижался на наших высших руководителей, которые не приняли его, когда Маркус бежал из Германии и пытался пересидеть тяжёлое время в России. А в Москве ему сказали, что «сейчас неподходящая международная ситуация», и Вольфу ничего не оставалось, как возвращаться домой. А там его ждал суд. Потом Вольф говорил мне: «Хорошо, что у вас с 2000 года у власти другие люди». Он стал хорошим писателем и передавал мне в Москву свои книги с дарственными надписями. Я ему — свои и всегда подписывал их — «Генералу Вольфу». Вот так мы и «переписывались книгами». Но звонить я не решался, чтобы не подставлять его, — думаю, Вольфа всегда «слушали». Это был очень интеллигентный человек, он прекрасно говорил по-русски и просил называть его Мишей, но я, конечно, никогда его так не называл, всё-таки он был намного старше.

— **Недавно в «Молодой гвардии» вышла ваша книга «Из блокнота Долгополова: от Франсуазы Саган до Абея». Это можно считать мемуарами?**

— Это и есть мемуары. Мне говорили, что читатель эти воспоминания не примет, что он привык к моим

книгам о разведчиках, которые легко раскупаются и выдерживают аж до семи изданий. Но генеральный директор «Молодой гвардии» Валентин Юркин поддержал меня, за что я ему благодарен. В книге я писал не о себе, а о людях, которых довелось повидать в жизни. Многих знал с детства. В нашу квартиру на улице Горького часто приходили знаменитости, которых, правда, я воспринимал просто как друзей отца: Любовь Орлова с Александровым, Эмиль Гилельс, который был для меня «дядей Милей», Борис Ливанов, Галина Уланова, сын Шаляпина Борис, «начальница» ансамбля «Берёзка» Надежда Надеждина. У нас бывали «цирковые», основатели известных династий Владимир Дуров и Эмиль Кио, Ирина Бутримова, великие клоуны Карандаш и Олег Попов. Вот вам история. Как-то, когда я уже работал в «Комсомолке», вечером в редакции был полный аврал, я сидел в типографии, и тут звонит отец: «Передайте Долгополову, чтобы срочно ехал домой!» Ну, думаю, что-то случилось! Приезжаю, а отец говорит: «Мы с Николаем Александровичем не могли открыть бутылку «Цинандали», но уже открыли, так что можешь возвращаться в редакцию». Это они не могли открыть бутылку с Николаем Бенуа, сыном художника Александра Бенуа...

Прямо под нами, на шестом этаже, жил Николай Эрдман. Они познакомились с отцом на съёмках «Весёлых ребят» в Гаграх в 1933 году, там Эрдмана вместе с другим сценаристом, Владимиром Массом, арестовали за «политические» стихи и дали три года ссылки. Николай Робертович тайком от жены, тётки Наташи, балерины Большого театра, приходил к нам с бутылочкой, и они часами разговаривали с отцом. Помню, Эрдман рассказал, как в ссылке сотрудники НКВД заставляли их переносить снег с одной стороны улицы на другую. И так — по восемь часов в день. Для людей творческих, думающих, это было худшим наказанием, такая бессмысленность их просто убивала.

В книге я написал и о Чернобыле, и о своей работе во Франции и в шахском Иране. Необычайная страна! На центральных улицах — девушки в мини-юбках, а чуть отойдёшь в сторонку — все женщины закутаны с ног до головы. Даже нас, мужчин, предупреждали, чтобы мы не вздумали заходить в некоторые районы в шортах. Мой товарищ Володя Кокурин однажды спас тонущего ребёнка, а родня этого ребёнка едва за это Володю не линчевала — иранцы говорили, что он помешал Аллаху забрать их дитя к себе.

— **У писателя и журналиста Николая Долгополова есть собственный девиз?**

— Какого-то отлитого в твёрдую формулу девиза у меня нет. Но однажды мудрейший Геворк Варганян сказал: «Надо просто работать, а придёт ли к тебе когда-нибудь известность и слава — наверное, не так уж и важно». Так что, если хотите, это и есть мой девиз — надо просто работать.

Беседу вёл Григорий Саркисов

<https://lgz.ru/article/22-02-06-2021/>

[nikolay-dolgoplov-v-parizh-ya-poekhal-cherez-chernobyl/](https://lgz.ru/article/23-6788-09-06-2021/)

<https://lgz.ru/article/23-6788-09-06-2021/>

[vstrechi-s-zasekrechennymi/](https://lgz.ru/article/23-6788-09-06-2021/)

Андрей Фурсов: «Удел тех, у кого нет идеологии, — пикник на обочине Истории»

Почему распался СССР, как корпоратократы победили партократов, что нужно делать России, чтобы снова стать центром мировой силы — об этом рассуждает директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета Андрей Фурсов. Мы беседуем накануне 25-летия исторической встречи на Мальте Горбачева и Буша-старшего, с которой и начался конец эпохи социализма.

культура: Считается, что именно на Мальте «Горбачев все сдал». Какими Вам видятся те события сейчас?

Фурсов: Капитуляция Горбачева, по сути, сдача соцлагеря и СССР, произошедшая 2–3 декабря 1989 года на Мальте, — финальный акт довольно длительного процесса взаимодействия части западной и части советской верхушек. В послевоенный период на Западе оформилась молодая и хищная фракция — корпоратократия. Речь идет о буржуазии, чиновниках, спецслужбистах и т. п., тесно связанных с транснациональными корпорациями и финансовым капиталом. В течение нескольких десятилетий они упорно шли к власти, стремясь потеснить государственно-монополистический капитал (ГМК) и связанный с ним сегмент мировых элит.

Стратегия корпоратократии по отношению к СССР была принципиально иной, чем у ГМК-групп. Последние, начиная с 1960-х годов, стремились наладить диалог с советской верхушкой и нашли у нее в этом отношении понимание. Разумеется, обе стороны, особенно западная, не были искренни, но они стремились к диалогу. А в глобалистских планах корпоратократии места СССР в «прекрасном новом мире» не было. Более того, этот мир не мог бы возникнуть без уничтожения СССР. На рубеже 1970–1980-х представители корпоратократии пришли к власти на Западе и развернули наступление против СССР. Здесь они нашли союзников, точнее, поделщиков: в 1970-е в Советском Союзе сформировался небольшой по численности, но весьма влиятельный советский сегмент мировой корпоратократии, где оказались представители номенклатуры, спецслужб, некоторых научных структур и крупные «теневики». Если корпоратократы Запада стремились оттеснить от власти ГМК, то корпоратократы в СССР стремились (с помощью Запада) оттеснить от власти КПСС и поменять строй, превратившись в собственников. Во второй половине 1970-х годов была создана команда для решения этой задачи. Людей набирали недалеких, тщеславных, а главное — коррумпированно замаранных, которыми легко манипулировать, а в случае чего — сдать. Это и была «горбачевская команда», большую часть которой использовали втемную.

На рубеже 1988–1989 гг. Запад перехватил процесс демонтажа социалистического строя и превратил его в демонтаж самого СССР и надгосударственных образований, ядром которых он был. Недаром Мадлен Олбрайт главную заслугу Буша-старшего видела в том, что он «руководил распадом Советской империи». Кульминацией этого «руководства» и стала декабрьская встреча на Мальте.

культура: Горбачев приехал на встречу после того, как побывал у папы римского. Есть, по-Вашему, какая-то связь между этими событиями?

Фурсов: Русофоб и советофоб Иоанн Павел II, по-видимому, благословил «Горби» на капитуляцию исторической России, о чем Запад мечтал как минимум четыре столетия. С последней трети XVI века на Западе развивались два проекта установления контроля над Россией: протестантский (Англия, с XX века — еще и США) и католический (Священная Римская империя/Габсбурги — Ватикан). Визит Горбачева сначала к папе, а затем к Бушу-старшему весьма символичен. Он зафиксировал капитуляцию не просто СССР, а исторической России. Неясно, насколько это понимал сам Горбачев — а вот те его поделщики, которые более тесно контактировали с западными верхушками и начали это делать раньше генсека, например Александр Яковлев, прекрасно отдавали себе в этом отчет. Ведь заявил же в одном из своих интервью Яковлев, что перестройкой они ломали тысячелетнюю парадигму российской истории. Горбачевщина — первая фаза этого слома, ельцинщина — вторая. Начало XXI века отмечено противоречием между сохранением неолиберального курса в экономике и поворотом к суверенитету во внешней политике. Ясно, что противоречие это не может просуществовать долго: либо — либо.

культура: Но Россия готовится к геополитическому реваншу: «Медведь свою тайгу никому не отдаст», — это слова президента Путина.

Фурсов: У меня нет ощущения, что Россия готовится к геополитическому реваншу. «Крымская виктория» — это, безусловно, достижение, особенно на фоне четвертьвекового геополитического отступления. Но виктория вынужденная, это упреждающая реакция на действия противника. Другого варианта у России просто не было: в противном случае к геополитическому поражению добавилась бы потеря лица — весь мир, включая ближайших соседей, понял бы, что о Россию можно вытирать ноги. В то же время Крым — это всего лишь выигранное очко в проигранной Россией почти четвертьвековой партии за Украину. Мы не смогли создать на Украине реальную пророссийскую силу, настоящих союзников России, не способствовали (мягко говоря) появлению

на Украине массовых слоев, ориентированных на Россию, на русский мир. А вот американцы, Запад в целом, преуспел в создании антирусских орков, укронацистов, в распространении русофобии, в зомбировании населения.

«Медведь свою тайгу никому не отдаст» — замечательная фраза, но за словами должны следовать дела. Утверждение полного суверенитета требует не только великодержавного курса во внешней политике, но также установления суверенитета в экономической сфере (прежде всего финансовой, банковской) и информационной. У нас же есть банки, напрямую зарегистрированные в налоговой службе США, банки — по сути, дочерние структуры филиалов Федеральной резервной системы. Это мало похоже на экономический суверенитет. Что касается СМИ, то сегодня в этой области ситуация лучше, чем 5–7 лет назад — во время украинского кризиса государственно ориентированные СМИ подавили пятоколонные впервые за всю историю существования РФ. И тем не менее мы прекрасно видим, что прозападные СМИ, чья точка зрения практически полностью совпадает с точкой зрения госдепа США, а по сути, есть ее реализация в нашем информационном пространстве, до сих пор активны. А это значит, что до конца суверенитет в этой области не обеспечен. Обратите внимание, как ангосаксы воюют за информационный суверенитет, наплевав на внешние приличия. Последний пример — действия британцев против «Russia Today», которой просто предложили поменять редакционную политику под угрозой отключения. А ведь то, что позволяет себе корректная «Russia Today», ни в какое сравнение не идет с тем, что позволяют себе, например, «Эхо Москвы» или «Дождь».

Я уже не говорю о том, что битву за суверенитет, за великодержавность олигархическая финансово зависимая, сырьевая система выиграть не может. Когда Клинтон сказал, что США позволят России быть, но не позволят ей быть великой державой. Реванш России — это возвращение великодержавного статуса, что невозможно на олигархической сырьевой основе.

культура: Какие задачи предстоит решить Путину? Напрашиваются исторические параллели. Победить неокочевников и Хазарию как Святослав, придумать «мессианскую идею», как Василий III («Москва — третий Рим»), провести опричнину, как Иван Грозный (задавить «пятую колонну»), создать альтернативный западному уклад, основанный на идее социальной справедливости, как Сталин...

Фурсов: Мессианские идеи не придумываются. Они рождаются в борьбе в ходе кризисов. Неокочевники и Хазария — это, если я правильно понимаю, глобалисты и их союзники, а точнее, их агенты в России. Победить их, действительно, можно только чем-то вроде неоопричнины. Она же — условие создания нового социально-экономического уклада, основанного на принципах социальной справедливости. Прежде всего, необходимо справедливое распределение национального продукта. А начинать надо с Конституции. С одной стороны, надо привести реальность в соответствие с рядом ее положений (например, о том, что

Россия — социальное государство). С другой — убрать те положения, которые сварганили ельцинские холуи под диктовку американских «консультантов» (например, о примате международного права над российским). Однако сказать значительно легче, чем сделать. «Сделать» — означает серьезную и опасную борьбу, требующую политической воли и отождествления групповых интересов с общенациональными.

культура: Вы писали: «Чтобы побеждать в мировой игре, нужно новое знание и креативный спецназ». Но драма в том, что у нас нет образа будущего. Нам предлагают реанимировать прошлое. Либо «СССР 2.0», либо «Православие. Самодержавие. Народность». Либо христианско-исламский — евразийский социализм без ссудного процента. Так в чем русский интерес?

Фурсов: У меня было не «креативный», а «интеллектуальный». Слово «креативный» я на дух не переношу. У нас вдруг все стало «креативным»: «креативный менеджер», «креативный директор», даже «креативный класс» появился — так величает себя офисный планктон. То, что у нас нет образа будущего и, как следствие, стратегии его достижения, неудивительно — у нас нет идеологии, запрет на нее даже в конституции записан. А у США есть. И у Китая есть. И у Японии. И у других успешных государств. Без идеологии невозможно сформулировать ни цели развития, ни образа будущего. Удел тех, у кого нет идеологии — пикник на обочине Истории. Ни один проект, обращенный в прошлое, не работает, ничего нельзя реставрировать — ни СССР, ни Российскую империю.

Поразительно, но наша власть (по-видимому, в силу исходного социального родства) пытается установить преемственность именно с Российской империей, акцентируя МФБ-комплекс (монархизм, феврализм, белогвардейщина) и противопоставляя его советскому периоду. А ведь царская Россия была тупиком, СССР решил такие задачи, о которых самодержавие даже подумать не могло. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» — это советский принцип. В отличие от Российской империи последние 50 лет существования Советский Союз ни от кого не зависел, был не просто государством, а центром альтернативной капитализму мировой системы. Вольно кому-то выбирать неспособных предложить образ будущего «поручиков Голицыных», но это пораженческая стратегия. Однако и СССР при всех его победах — тоже прошлое. Нужна новая модель исторической России. Время империй прошло, но и время национальных государств тоже — они не могут противостоять глобальному тоталитаризму транснациональных компаний и закрытых наднациональных групп мирового соглашения и управления. Нужны новые формы, нечто вроде импероподобных образований с населением не менее 300 млн. (экономическая самодостаточность в условиях нынешнего «технологического уклада», при всей условности этого термина). Ядро — ВПК, армия, флот, спецслужбы и реально реформированная наука. Импероподобные образования должны комбинировать иерархически-институциональный и сетевой принципы организации и прирастать территориальными анклавами, разбросанными

по всему миру. Это и есть новый мировой порядок, альтернативный и англосаксонскому капитализму, и психоинформационному тоталитаризму глобалистов, подталкиваемому ему на смену. Ошибочно противопоставлять глобалистам евразийскую модель как региональную — мировые игры выигрываются на мировой арене.

культура: То есть грядет мировая битва за Евразию?

Фурсов: Она уже идет полным ходом. Если по поводу сирийского кризиса можно было сказать словами из гайдаровского «Мальчиша-Кибальчиша», «будто пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов», то по украинскому кризису это будет: «Пришла беда, откуда не ждали! Напал на нас из-за Черных Гор проклятый буржуин. Опять уже свистят пули, опять уже рвутся снаряды», а наци-плохиши под сало с горилкой сдают свою страну. И не надо иллюзий: оккупировав Украину и используя ее в качестве плацдарма, напали на нас, на Россию. Бандероукраина,

эта колония США — таран Запада против России. Когда-то Константин Леонтьев сказал, что чехи — это оружие, которое славяне отбили у немцев и направили против них же. Сегодня впору говорить, что укры — это оружие, которое Запад отбил у русского мира и против него же направил, чтобы славяне убивали славян. Каша на нашей западной границе заварена всерьез и надолго, и наш геополитический противник постарается связать украинский фронт с ближневосточным, создав промежуточный — кавказский, от которого линия может протянуться до Средней Азии. Грядет последняя Большая Охота эпохи капитализма, и наша задача — поменяться местами с охотником, превратив его в дичь. Жестко? А не надо нас трогать, не буди лихо, пока оно тихо. Тайга — штука суровая, медведь в ней и прокурор, и исполнитель приговора.

Татьяна Медведева, 2014 г.

<https://portal-kultura.ru/articles/country/72658-andrey-fursov-udel-tekh-u-kogo-net-ideologii-piknik-na-oboehine-istorii/>

Историческая встреча

Во время пастрской поездки по Югу России предстоятель Русской Православной старообрядческой церкви митрополит Московский и всея Руси Корнилий со своей делегацией посетил Кубанский казачий хор и встретился с художественным руководителем и главным дирижёром Государственного академического Кубанского казачьего хора Виктором Захарченко. Владыко сопровождала группа старообрядцев: настоятель храма Петра и Павла в г. Примоско-Ахтарске отец Георгий, иерей Успенской церкви г. Сочи Артемий, протоиерей Виктор Савельев и регент-чтец Максим Думнов.

Визит митрополита Корнилия во многом знаковый — в 2020–2021 гг. старообрядческая община Русской православной церкви отмечает 400-летие протопопа Аввакума. Из-за всеобщей пандемии коронавируса торжества по случаю четырёхвековой даты духовного путеводителя старообрядческой православной культуры была перенесена с 2020 года на 2021 год. Кубанский казачий хор свой 210-летний юбилей будет праздновать 14 октября. Нужно отметить, что жизнь Аввакума напоминает судьбу репрессированного и реабилитированного Кубанского казачьего хора. Учитывая сей исторический факт и поздравив Виктора Гавриловича с предстоящим юбилеем хора, митрополит вручил ему икону Св. мученика протопопа Аввакума со словами:

— В знак нашей встречи, глубокоуважаемый Виктор Гаврилович, разрешите поздравить Вас с 210-летием Кубанского казачьего хора и подарить Вам в Вашу большую коллекцию юбилейную икону протопопа Аввакума на память от нас старообрядцев. Это родоначальник русской литературы, положил начало русской словесности. И Толстой, и Горький, и многие великие писатели признавали, что действительно начало русского литературного слова было положено протопопом Аввакумом. Господь — промыслитель наш после раскола 17 века хранит небольшое стадо старообрядцев. Лучшая защитница России — это её история. А лучшая защитница старообрядчества — это история старообрядчества. Как пример, жизнь и творчество протопопа Аввакума. Пройдя через все испытания и гонения, Господь устроил всё так, что наступило сегодняшнее время, когда представителей старообрядческой православной церкви могут слышать. Мы можем уже свободно и петь. Наступило время объединения, решения общих задач.

Поблагодарив митрополита за внимание и тёплые пожелания в знак наступающего юбилея Кубанского казачьего хора, Виктор Гаврилович начал с трагической истории казаков и промыслительных знаков Господа в своей биографии, которая в итоге привела его в Кубанский казачий хор:

— Спасибо Вам большое. Я читал «Житие Аввакума» с огромным интересом, все его мучения, которые он прошёл, написаны потрясающим языком. Этот путь к вере и его готовность умереть за неё. Писатель Ва-

лентин Распутин говорит, что в те времена христиане были крепки своей верой, у них была крепость духа, а состояние сегодняшних православных расслабляющее. Сейчас при поддержке губернатора Краснодарского края В.И. Кондратьева издаётся авторский труд — Собрание сочинений В.Г. Захарченко из 18-ти томов. Выходит в печать 14-й. Материалов много.

Занимаясь серьёзно фольклором, я все скрупулёзно записывал. И на Кубани, где родился, и в Сибири, ставшей мне второй родиной, где прожил 14 лет. Безусловно, изучал много исторической литературы. Там в Сибири впервые узнал о старообрядцах, то есть знал эту трагическую страницу истории, но не изучал глубоко. Мы жили во времена воинствующего атеизма. Но вера сильна ещё и тем, что она тебя тянет к себе. Это наш код. Вера — это ведь и фольклор народа. У меня родители были круглыми сиротами. Они с детства пели. Помню до мельчайших подробностей, как мама исполняла песню «Бедная птичка в клетке сидит». Мне понравилась музыка, а на слова я не обращал внимания — ну что может ребёнок понять о высоких материях — рай, Иисус, Бог — что он может запомнить?! Позже во время учёбы я записал этот духовный стих сразу со словами, музыка у меня всегда была в голове, на первом плане:

«Бедная птичка в клетке сидит,
Ест сладки зернышки, в окна глядит.
Бьется и бьется по сторонам —
Ищет свободы своим крылам.
«Как полечу я в дальни кусты —
Там я напьюся Божьей росы.
Как полечу я в темны леса —
Там я увижу Иисуса Христа.
Как/полечу я в далекий край —
Там я увижу Пресветлый Рай.
В Пресветлом Рае свечи горят.
Праведны души Бога молят».

Наступило время, когда Кубанский казачий хор рискнул спеть эту песню в Москве в концертном зале им. П.И. Чайковского. Люди ждут от Кубанского казачьего хора весёлые песни, а тут выходит молодая солистка одна и поёт духовный стих с таким глубоким сакральным содержанием. Зал её не отпускает. Ведь мы в коммунистической формации мыслили однобоко и стереотипно — нет Бога, во всём виноват царь, он кровавый и так далее. Получается, моя мама, вроде бы неграмотная колхозница, а через эту песню передала своему сыну самый главный посыл в жизни. «Бедная птичка» была записана в моём блокноте и пролежала там 40 лет. Только в современной России она увидела свет и стала известной.

Подробно остановившись на драматических вехах истории самого крупного и старейшего национального казачьего коллектива России, Виктор Гаврилович показал митрополиту Корнилию портрет главного

идеологического вдохновителя, основателя Кубанского войскового певческого хора протоиерея Кирилла Россинского:

— В 2024 году К. В. Россинскому исполнится 250 лет со дня рождения. Сколько лет Кирилла Васильевича нет с нами, но все кубанцы по сегодняшний день вспоминают этого выдающегося человека. Жизнь Кирилла Васильевича была недолгой. Он прожил всего 50 лет. За это время при его активном участии на Кубани было построено 27 храмов, открыты церковно-приходские училища в станицах, школы, первое духовно-приходское училище и первая войсковая гимназия в Екатеринодаре. Кирилл Россинский писал учебники, активно участвовал в деле просвещения кубанской земли. Причём почти всё было создано на добровольные пожертвования, которые протоиерей сам лично ездил и собирал по всему краю. Вот фотография всего Войскового казачьего хора. А вот фотокадр 1907 года, на котором изображён регент хора Григорий Митрофанович Концевич. С его именем связан наивысший расцвет коллектива в дореволюционный период (до самого роспуска коллектива в 1921 году). Он издал семь сборников «Из репертуара Войскового певческого хора» — 220 песен линейных и черноморских казаков. Его репертуарные издания были предложены во всех школах Кубани как учебные пособия. Ученик Григория Митрофановича Яков Михеевич Тараненко тоже был регентом Кубанского войскового певческого хора. Оба — выпускники Санкт-Петербургской консерватории. В 1936 году они возглавили вновь созданный Кубанский казачий хор, который с успехом гастролировал по городам Кубани и Северного Кавказа и даже выступил на сцене Большого театра в Москве. На концерте присутствовал И. В. Сталин. Но в 1937 году Григорий Концевич был необоснованно репрессирован и 26 декабря расстрелян по надуманному доносу, а реабилитирован в 1989 году. Такая же участь постигла войскового священника, автора гимна «Ты Кубань, ты наша Родина» Константина Образцова. Смею сказать, что с 1974 года я являюсь их духовным, идейным преемником.

История хора не прерывалась, её искусственно прерывали. Мне стало понятно, что летопись Кубанского казачьего хора уникальна. Будучи войсковым певческим хором, они в храме 110 лет пели литургию, и утреннюю, и вечернюю, оказывается, ещё и казачьи песни пелись. Ещё и хоровую литературу Мусоргского, Чайковского и западные оратории. То есть они были на высокой музыкальной вершине. Это было войско, певческий хор, симфонический и духовой оркестры. Когда я это узнал, я не поверил. Представляете, они успели тогда в царских условиях создать такое хоровое чудо, и сохранить его в послереволюционных рамках поголовного расказачивания и физического истребления! Разве это не музыкальный феномен?! Разве это не подвиг!? И ведь жизнь их всех сложилась трагически.

24 января 1919 года было опубликовано декрет о поголовном истреблении казаков и «недопустимости компромиссов» за подписью Якова Свердлова. В историю он вошёл как «Директива о расказачивании». Это письмо ставило казачество в положение поверженного врага. В результате данной Директивы было унич-

тожено полтора миллиона казаков. Многих рубили пашками, заживо сжигали в куренях и хатах вместе с семьями. К началу 1920 года казачество было практически уничтожено, а 25 марта этого же года был издан декрет об упразднении казачьих войсковых земель. Этот же Свердлов занимался и расстрелом царской семьи. И получается, что те, кто поголовно уничтожал, им ставят памятники (памятник Свердлову стоит в Екатеринбурге), а тех, кого убивали и даже мёртвых имён произносить нельзя?! Но эти имена сами по себе вопиют. И надо, чтобы мы все знали эти имена. А когда мне открылась эмигрантская литература, я узнал ещё больше. Я читал рукописи хористов Кубанского войскового певческого хора, и вправду же, «рукописи не горят». Они ушли туда, где их никто не ждал, пели бесплатно в храмах, концерты давали для школьников, их родителей. Одеваться им не во что было. Если выступали, становились ближе друг к другу, чтобы не показать на своих спинах золотаные одежды, чтобы зритель не видел, что они нищие. Но зритель приходил их слушать. Ведь там пели живые люди, и пели хорошо, и имена у них есть. А мы никто об этом ничего не знаем. Ярким событием начала XX века стало празднование 100-летнего юбилея певческого и музыкантского хоров Кубанского казачьего войска. Этой важной дате была посвящена книга нашего историка-краеведа, есаула, войскового архивариуса, летописца Кубанского казачьего войска И. И. Кияшко. Иван Иванович происходил из дворянского рода Кубанского казачьего войска. Здесь необходимо отметить тот факт, что родного брата Ивана Ивановича, начальника штаба Кубанского казачьего войска, генерал-майора Андрея Ивановича безжалостно уничтожили. Вот такая мученическая судьба у всего казачества и у его певческого коллектива. Стоит ли удивляться, что многие наши песни такие грустные и трагические. В то же время они патриотические, нацеленные на созидание. Важно знать всем, что Кубанский казачий хор — единственный творческий коллектив в России с такой биографией. Я за то, чтобы имена этих героев, как и судьбу созданного в тяжелейших условиях Кубанского казачьего хора, все знали, особенно наши кубанцы.

Слушая с огромным интересом Виктора Гавриловича, митрополит Корнилий подчеркнул торжественность мероприятия, общественную значимость Кубанского казачьего хора и личность самого Виктора Захарченко, сделав упор на его человеческие качества, боевой дух и оптимизм. На серьёзность данного события намекнул и головной убор митрополита — белый клобук, который надевается священнослужителями в особых случаях — в знак уважения и почитания. Делегация прослушала видеозаписи Кубанского казачьего хора. Прозвучали русская народная песня «В полном разгаре страда деревенская» на стихи Н. А. Некрасова, казачья народная «Трава моя, трава» и хоровая поэма «Матушка Добрынюшке наказывала» иеромонаха Романа на музыку В. Г. Захарченко.

После музыкальной паузы Кубанского казачьего хора митрополит Корнилий представил молодого регента-чтеца Максима Думнова, проникновенно исполнившего духовный стих «Боярыня Морозова»:

Снег белый украсил светлицы,
 Дорогу покрыл пеленой,
 По улице древней столицы
 Плетется лошадка рысдой.
 На улице шум и смятенье,
 Народ словно море шумит,
 В саях, не страшась заключенья,
 Боярыня гордо сидит.
 Высоко поднявши десницу,
 Под звон и бряцанье цепей,
 Она оглашает столицу
 Правдивою речью своей.
 Она не боится мученья,
 И смело на пытку идет,
 И к истине, сердца влеченье
 Ей силу и бодрость дает.
 Сменила пиры и палаты
 На мрачный сырой каземат,
 Душа ее верой богата,
 Ей правда дороже палат.
 И верит она: не погибнет
 Идея свободной мольбы,
 Настанет пора, и воздвигнет
 Ей памятник вместо дыбы.

Когда речь зашла о роли Сталина и церкви в Великой Отечественной войне, Виктор Гаврилович раскрыл интересные детали своей жизни, оказавшие сильное влияние на его музыкальное становление:

— Раз в месяц к нам в станицу привозили кино показывать. Один фильм, который я запомнил, назывался «Прелюдия славы» про 12-летнего бедного мальчика, страстно любившего музыку. Он умел подбирать на слух любую услышанную мелодию и с легкостью её играл. Однажды в соборе этот юнец услышал композицию Баха. Зачарованный музыкой, он воспользовался отсутствием органиста и сыграл великого композитора по памяти. И второй фильм «Здравствуй, Москва» — наш советский. О мальчике, который виртуозно играл на баяне и сам пел песню о Москве на конкурсе художественной самодеятельности. Я понял, что эти фильмы и про меня тоже: «Вот бы бедному мальчику, преданному музыке, так», — смотрел кино и думал тогда. Но дело в том, что у нас нигде ничего — ни баяна в школе, ни пианино. Я был настолько поражён этими фильмами, меня уже увлекла мечта стать композитором, дирижёром. Что делать? Как мне развивать свои музыкальные способности в этой глухомани? И в 1950 году осмелился написать письмо И. В. Сталину, что хочу быть композитором, артистом, дирижёром, но у меня в станице ничего подобного нет. Приезжайте, посмотрите. Главная моя просьба заключалась в том, чтобы Сталин меня забрал из глухого захолустья, чтобы я выучился на композитора. Уже тогда я мечтал создать свой большой, музыкальный хоровой коллектив, который споёт мою родную дядьковскую песню на весь мир.

Написать в те времена Сталину письмо — значит написать письмо Богу. К нам в станицу приехали на мотоциклах большие начальники. Увидели, как мы живём — мама одна воспитывала детей, папа погиб на фронте. Посмотрели школу. Проверили её, почему нет кружков, каких-то секций, театральных

студий, сняли директора. А я жду, чтобы меня забрали на учёбу. Потом пришёл ответ: «Дорогой Витя, в нашей советской школе двери открыты для всех. Ты учишься на 4 и 5, и твои мечты стать композитором сбудутся». Прихожу в школу, а мне говорят: «Ты опозорил нашу школу, станицу, край. Как ты мог написать такое письмо?! Ты знаешь, что у тебя там 27 ошибок?». Меня так задразнили — «Артист, артист, композитор», и язык показывали, что я перестал идти в школу.

Моя жизнь промыслительная, предначертанная Богом. В моей судьбе были такие случаи, когда я находился на грани между жизнью и смертью. Когда выходишь из таких тяжёлых физических ситуаций живым, понимаешь, что это Божий промысел. Он всё видит, и даже слышит тебя. Надо только верить. 18 лет прожить в станице и не знать ноты. А музыка у меня всегда крутилась в голове. Музыкальную грамоту начал изучать с 18 лет. Для сравнения, Прокофьев в пять лет уже оперу писал. Я первый раз фортепиано услышал в Краснодаре. Думал, это гитара. Пришёл с гармошкой поступать в музучилище. Первая моя гармошка была куплена на деньги, которые мы с братом получили от продажи единственного бычка, выращенного нашими руками. Мечтал стать музыкантом, но фортепьяно в глаза не видел. Господь меня 18 лет удерживал в станице Дядьковской, где даже радио не было, не просто так, а чтобы с детства я напитался духовным золотом — народной песней. Он держал меня там, где находится сердце и душа народа — его фольклор. А потом по жизни давал мне выдающихся учителей. Я убеждён, что не ты хозяин своей жизни.

5 сентября 1996 года, переходя через улицу, попал в страшную аварию. Несколько секунд, и мои рёбра все ушли вовнутрь, посыпались осколки стёкол на мою голову, я падаю, моя левая нога отскакивает на правую сторону. Теряя сознание, слышал крики людей о том, что человека убило. Бездыханный, только и успел крикнуть: «Господи, я ничего не успел!». В больнице пролежал семь месяцев на спине. Мне делали бесконечные операции. Врачи собирали меня по частям. В такой катастрофе не выживают. Но я выжил. Разве это не промысел Божий?! А когда меня поставили на костыли и вывели во двор, в моей голове уже складывалась музыка к стихам А. С. Пушкина, зазвучала песня «Буря мглою небо кроет». Разве это не чудо?! Мне пушкинское «завыванье бури», его угнетённое и отшельническое настроение от «вихрей снежных» показались самыми яркими и светлыми. Ведь я встал на ноги, дышу полной грудью! Так родилась одна из любимых песен наших зрителей. Разве это не промыслительная рука Господа?!

Если в песне нет личного опыта, твоей судьбы, она не зазвучит. Каждая песня — это не простая забава, она звучит как молитва. Она должна быть такой глубины, в которой представлена жизнь народа. Ты должен быть сильным. Хор — это мощный коллектив, которым надо управлять. Иначе он распадётся. И когда мне удаётся это делать, то я себя вместо старого и большого ощущаю силу 33-х русских богатырей. Вот откуда это?! В этом заключается русский дух, данный нам Господом. Дух животворящий сильнее, чем немощность. В 1963 году в «Комсомольской правде» было опубликовано стихот-

ворение «Сила духа» Геннадия Головатого, всего восемь строчек, а сколько смысла, какая глубина:

Слепые не могут смотреть гневно,
 Немые не могут кричать яростно.
 Безрукие не могут держать оружия,
 Безногие не могут шагать вперед.
 Но — немые могут смотреть гневно,
 Но — слепые могут кричать яростно.
 Но — безногие могут держать оружие.
 Но — безрукие могут шагать вперед.

Сейчас я работаю над очередными книгами своего 18-титомника (14 книг уже издано). Кстати, предисловие называется «Исполнить долг, завещанный от Бога», эта фраза из пушкинского «Бориса Годунова». Там есть образ старца Пимена, который говорит: «Исполнен долг, завещанный от бога / Мне, грешному. Недаром многих лет / Свидетелем Господь меня поставил / И книжному искусству вразумил». Прочитав это, понял, что оно и про меня. Я хочу исполнить свой долг — именно так начинается собрание моих сочинений о Кубанском казачьем хоре. Сама судьба Кубанского казачьего хора промыслительная. В детстве со взрослыми поехал убирать зерно в степь, началась сильная гроза, лошади рванули вперед, а меня выбросило из этой брочки и гроза просто добивала. Бежать некуда. Я увидел копну сена, подбежал к ней, град пошел, и я стал кричать. Потом упал, потерял сознание. В поле были комбайнёры, искавшие укрытие от града. Услышали мои стоны, подбежали. Нашли меня в бессознательном положении. Утром бабы маме сказали: «Наташа, там твоего Витьку гроза убила». Услышав это, она босиком стала бежать, наступая на колючки, не глядя под ноги. «Господи, не забирай Витю, заberi меня первой. Я это не вынесу», — обращаясь к Господу, она стала молиться. И Господь меня вернул с того света.

В беседе с митрополитом Корнилием Виктор Гаврилович сделал особый упор на актуальную статью В. В. Путина «Об историческом единстве русских и украинцев», вышедшую на днях, и на ответы Президента России журналистам о статье, где говорится об исторической судьбе триединого народа: «Ещё в советские времена пытались выкорчевать религиозное сознание у нашего народа. Ну и что из этого получилось? Вот как только Великая Отечественная война началась, Молотов, выступая по радио, обратился, он сказал «граждане и гражданки». А Сталин, когда выступал, когда осознали всю надвигающуюся предстоящую катастрофу начатой фашистской Германией войны, он сказал уже «братья и сёстры». Это почти церковное обращение. А потом ещё и восстановили и патриаршество. А в наши дни церковь заняла своё достойное место в жизни общества».

— И действительно. Владимир Путин прав. Он возвращает достойное имя Сталина на его историческое место. Ведь, посмотрите, 33-й год, страшный голод, от которого люди безумели. Однажды моя мама видела, как соседка от голода ела своего ребёнка. Она от ужаса оцепенела, — вспоминает Маэстро. — Но для меня самая неразгаданная страница истории — это 1941–1945 годы. На нас организованно вооружённая до зубов шла вся Европа. А мы, страна, пережившая

повсеместно голод, страшные репрессии, героически победила. С моей точки зрения, нацистская Европа могла нас раздавить. В 1938 году выходит фильм «Александр Невский». «Суворов» выходит в 1940 году (преьера — 23 января 1941 года). Простите, если вождь — атеист, то почему один исторический фильм о древнерусском князе, Святом благоверном, другой — о русском духе полководца Суворова, жившего по принципу «Мы — русские! С нами Бог!». В 1946 году выходит на экраны легендарный «Нахимов». Сталин уже понимал, что война неизбежна, он уже тогда настраивал народ на боевой дух. Уверен, что православие в лице Сталина нас спасло. Люди должны знать, что 22 июня — день всех русских святых. Это плавающая дата. Фашисты не зря объявили нам войну именно в этот день. Они объявили войну всем русским Святым. Война закончилась в пасхальные дни. Пасха 1945 года пришлась на 6 мая, когда празднуется день великомученика Георгия Победоносца. Победный парад на Красной Площади прошёл 24 июня 1945 года. Сталин ни слова не сказал. Вышел на белом коне маршал Г. К. Жуков. Разве это не говорит о его православной вере. А то у нас привыкли демонизировать вождя. Слава Богу, что в стране появился полезный, православно-исторический канал на ТВ «Спас», который опирается на документы и факты. Война духовная началась не сегодня и не вчера. Она зародилась там, где распяли Христа, где столкнулись Добро и зло. Абсолютно согласен с ключевой фразой митрополита Корнилия — нельзя обрывать связь времён. Это смертельно опасно. Нельзя забывать историю.

В перерывах беседы митрополит послушал песни Кубанского казачьего хора, а после ответил на несколько вопросов.

— Ваше Высокопреосвященство, сегодня старообрядцы снова возвращаются к себе на родину — в Россию. Происходит объединение православного мира. Неужели мы стоим перед новой угрозой?

— Взаимоотношения нашей Церкви с РПЦ Московской Патриархией сегодня добрососедские, складываются в духе доверия, взаимопонимания и уважения. Сейчас появилась уникальная возможность впервые за последние три с половиной столетия начать равноправный, свободный диалог по тщательному выявлению наших позиций. Диалог, слава Богу, есть. Уже не вмешивается, как это было при царском правительстве, государство. Есть свободная возможность обмениваться какими-то соображениями, вопросами-ответами, что мы и делаем. Обсуждаем насущные темы нашего общества — темы нравственности, борьба с теми пороками, которые, к сожалению, сегодня у нас есть в России — маловерие, безверие. Возрождение этих ценностей и является спасением нашей родины — России. Самое святое место, можно сказать, мировая святыня для старообрядцев — Рогожский комплекс (Рогожская слобода), исторический район на востоке Москвы, где находится и сам центр старообрядчества. Именитые купеческие старообрядческие фамилии, связанные узами родства, издавна селились в районе между Таганкой и Рогожской заставой и тесно поддерживали отношения со старообрядческой общиной. Сразу надо сказать, что старообрядческий центр сейчас возро-

дается благодаря правительству Москвы и Президенту России. Это возрождение очень знаменательно. Более 300 лет гонений было на старообрядчество, а сейчас мы благодарны Богу, всем добрым людям, которые помогают нам. И такие многозначачие центры связаны с историей старообрядчества. Это те центры, где старообрядцы пострадали, где родился священномученик протопоп Аввакум — волжские берега, село Григорово. Пустозерск, где его сожгли живьём. Это места на Волге, и в горах, и в лесах, и в Сибири, и Дальний Восток. Это и места за рубежом — Белая Криница (тогда она принадлежала Австрии, ныне — Черновицкой области Украины), присоединённая нам Митрополитом Амвросием, и, конечно, все те святые места, где молятся наши старообрядцы. У нас большая старообрядческая география — Бразилия, Румыния, Молдова, Украина, Африка, Уганда. Как бы далеко ни находились старообрядцы, они сохранили единство веры, единство духа и единство языка русского. Для нас это ценное общение. Наша инициатива празднования 400-летнего юбилея исповедника протопопы Аввакума одобрили и Министерство культуры РФ, и президент России. Это торжество всероссийского уровня. Долгое время сочинения Аввакума были известны только старообрядцам. Но сегодня знакомое многим «Житие протопопы Аввакума, им самим написанное» считается одним из ярких, уникальных памятников русской средневековой литературы XVII века. Несмотря на гонения и мучения, духовный лидер старообрядческой церкви посвятил свою жизнь борьбе с религиозными противниками за высокие идеалы добра. Изучая наследие этой исторической фигуры, имеющее огромное значение для воспитания, молодёжь может почерпнуть не только основы русской литературы, но и основы мужества, стойкости, веры. Его творчество — это его жизнь. Я согласен с афоризмом «Взялся Богу служить, о себе не подобает тужить». Он действительно тужил не о себе, а о вере своей, радел за Отечество.

На нас обратили внимание. И даже министр обороны России Сергей Шойгу привел старообрядцев в пример как настоящих стойких, трудолюбивых, верных русских людей, для которых русский дух является хранителем Отечества. Сколько лет мы находились в гонениях, но сейчас пошёл процесс возвращения на родину наших соотечественников. Есть программа правительства, которую поддержал президент России. Многие сотни уже возвратились на родную землю, чтобы здесь возвращать русский дух, русскую веру. Обращение в сторону старообрядцев не случайно. Путь России — это путь православия.

— Ваше Высокопреосвященство, сегодня весьма актуален вопрос духовно-нравственного воспитания молодёжи. Как объяснить тот факт, что одна часть нашей молодёжи ходит с бабушками, дедушками, родителями на концерты Кубанского казачьего хора, а другая часть — сильно раскрепощена, портит русский язык, заменяя его на матерый сленг, на пониженную лексику. Как из этой второй части молодёжи сформировать крепкую социальную кость — костяк?

— Здесь я только могу процитировать Шекспира — оборвалась связь времён. Те бабушки, которые

были в 80-е годы, это комсомолки-активистки, прошедшие советскую школу, воинствующий атеизм. Молодёжь сегодня, слава Богу, больше хорошая. Но как их вытащить из интернета, из денно-нощного зомбирования гаджетами, смартфонами?! К сожалению, это печальный процесс. Но Господь сказал: «Не бойся, малое стадо! Я с вами до скончания века». Несмотря на то, что молодёжи нынче трудно устоять перед огромным количеством противоречивой информации, соблазнов, мы надеемся только на неё, верим в неё. Нам нужно молиться. Молодежи желаю иметь крепкую семью, как у протопопы Аввакума, много детей. И чтоб они могли преодолевать все невзгоды. Но самое главное — это сохранение веры. В жизни можно многое потерять, но если потеряешь веру, потеряешь душу. Это, конечно, трагедия. Крепость веры во правде, в истине. Это пример для нас, сегодняшних русских людей. Хочется пожелать всем молодым людям душевного спасения, сохранения чистоты, познания православной жизни, сил в борьбе с грехом и пороком, сохранения твердой веры и христианской любви. Пусть это приходит через музыку, через пение, через хор. Нужно в школы вернуть уроки пения, хоровые кружки. Раньше мы все слушали чёрную тарелку, откуда лились русские народные песни, оперу. Победит добро, победит мир! Победа будет за нами, если мы с Богом!

— Ваши пожелания мирянам

— За нас Господь сказал после воскресения, когда он пришёл к своим ученикам и первое, что он произнёс: «Мир вам!». Наверное, это самое ценное и дорогое для всего человечества. Будет мир, всё остальное приложится — и созидание, и культура, и наше благоденствие. Так что я желаю всему миру — мира, благоденствия и процветания.

Завершая визит, старообрядческая церковная делегация во главе с митрополитом Корнилием торжественно провозгласила православный гимн пожелания долгих лет жизни и благополучия «Многая лета» в честь юбилея Кубанского казачьего хора и в честь выдающегося композитора, наставника и вдохновителя этого «ценнейшего музыкального коллектива России». Владыка поблагодарил Виктора Захарченко за интересную, полезную встречу, за великие русские и казачьи народные песни Кубанского казачьего хора, которые он услышал и выразил надежду на дальнейшее продолжение диалога, особенно в области хоровой культуры:

— А Вас, Виктор Гаврилович, при любой возможности мы ждём в Москве в Рогожском духовном центре как высокопрофессионального специалиста, который может послушать и оценить наши многоголосные хоры. Старообрядцы — это русские из русских, корень, соль православия. Соли не может быть много, но Господь нас сохранил, чтобы мы не разложились, чтобы русская душа не погибла. Кстати, должен отметить, что в Вашем хоре я действительно увидел настоящих мужчин. Здоровые, крепкие, с бородами, истинные русские богатыри, — подвёл черту глава старообрядческой Православной Русской церкви.

Со своей стороны Виктор Гаврилович и первый заместитель генерального директора Виктор Витальевич Захарченко подарили митрополиту диски с концертами

Кубанского казачьего хора, книгу по современным межкультурным коммуникациям авторов Воронина В. В., Зудина А. И., Матвеева О. В. «Земляки и соседи», изданную Научно-исследовательским центром традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор». Ранее отец Георгий в Москве от имени Кубанского казачьего хора и от самого В. Г. Захарченко передал в дар митрополиту Корнилию научное издание авторов Власкиной Н. А., Зудина А. И. «Русская связь», посвященное вопросам истории старообрядчества.

Исследование было проведено на средства президентского гранта благотворительного фонда по сохранению православных общин.

Ведущий специалист отдела маркетинга, информации и рекламы Государственного академического ордена Дружбы народов и ордена Русской православной церкви Святого благоверного князя Димитрия Донского I степени Кубанского казачьего хора, член Союза журналистов России, кандидат филологических наук Мира Гукасова

«Уцелевшие ветра» в творчестве Игоря Будакова

...Когда-то там были с высоких берез
Круглые размахом качели,
Степными бурьянами выгон порос,
И только ветра уцелели...
И. Будаков

На перекрестках земных дорог мы не встречались... Да и не мудрено — миллионы людей на планете не знают друг друга. При этом большинству известны имена мастеров творческих работ — писателей, композиторов, художников... Книгу «Среди бывших и будущих ран» Игоря Будакова мне подарили его родители. Подарили после его преждевременного ухода из жизни — Игорю в том трагическом 2015-м было всего сорок восемь лет...

Признаюсь, что не все, даже подаренные, книги после первого просмотра и знакомства с их содержимым требуют неоднократного возвращения к ним. Некоторые отправляются на дальние полки, другие же — тянут как магнит. Стихи незнакомого мне Игоря зацепили. Не пытаюсь оценить творчество поэта с точки зрения слова, рифмы, стиля. Оставлю это специалистам. Удивительным мне показалось другое: авторское понимание жизни, его ощущение времени, обнаженное восприятие перемен, боль от утраты русских традиций и уклада жизни, горечь от переоценки ценностей. А еще — значение долга, совести, ответственности... Читала стихи Игоря и видела человека, который не может отстраниться от своего внутреннего миропонимания, не может унять волнующий зов сердца и жить спокойно, занимаясь семьей, работой, отдыхом — обычной жизнью обычного человека. Понимала, что автор чувствует жизнь открытой, незащищенной душой.

В стихах Игоря — ощущение мира с детских лет:
«Мальчуган на сыпучем песке
И ракушки на детской ладони.
Стих о Доне — о русской реке,
Стих о Доне...»

Тема связи поколений, зова крови, долга перед предками в стихотворении:

«В травах на донском берегу
Я свои одежды сожгу,
Искупаюсь в тихой реке,
В дедов дом приду налегке.

В сенцах скрипнет ржавый засов,
Тяжелы шаги стариков;
Час настал родимых спросить:
Так ли жил я? Дальше как жить?»

Красной нитью проходит тема обращения к Богу как понимания высшего разума, небесного света, судьбы...

«Где-то невольно
Колоколам...
Что же так больно?
Жизнь — пополам...»

И еще строки Игоря из другого стихотворения.
«...Природный хаос. Птичий крик.
На этом принебесном лоне
Тревожной родины родник —
Вода у Господа в ладони.»

Тугая, как струна, связующая нить поколений продолжается в стихотворении-посвящении отцу, русскому писателю Виктору Викторовичу Будакову, и в нем — соприкосновение взглядов, ощущений, общее, родственное направление в творчестве (как, например, в «Памяти А. Снесарева»).

«Отец, над Доном ивы плачут,
То холодеет, то теплеет кровь...»

...
Пусть бьет родник среди осокорей
За жизнь, за веру, за любовь, —
Славянские восходят зори,
Да ивы вырастают вновь».

Волнующе звучат строки обращения к нерожденному сыну — это тяга к продолжению себя?

«Ты — как встревоженная птица...
Гнезда не догадалась свить.
И чувствам горестным родниться,
И нежности уже не быть.»

И губы — листьями с рябины,
И встречи — горечью осин.
И слышен голос. Голос сына.
О чем ты, нерожденный сын?»

Знобящей для читателя нормой воспринимается неизбежность смерти как окончания земного пути.

«...Когда вода спешит в ярлок
Под шум скворечни,
Мне чудится незримый срок,
А может, вечный.»

Все тише голоса невест,
Все реже, реже.
И за крестами — новый крест
Могила свежей».

...Многие стихи Игоря поражают своей глубокой мыслью, необычным подходом к, казалось бы, будничным вопросам. Но повторю свое личное восприятие. Есть талант — умение высказать свою мысль, дар слова,

им обычно обладают писатели. У Игоря, на мой взгляд, главное другое — он тонко, обнаженно чувствует. Попробую объяснить. Существует понятие «проникновение», оно в чем-то равнозначно способности видеть сквозь стену, т.е. глубокое знание предмета, понимание его состава, алгоритма работы и т.п. Полагаю, проникновение в мироустройство, в миропорядок свойственно, может быть, философам, историкам... А еще есть похожее понятие — «погружение», для меня его отличает то, что человек может не стремиться что-то познать специально (в рамках профессии, занятий, интереса), но он и не может жить иначе — не замечая вокруг себя всех граней бытия: рождения, жизни, смерти, человеческих чувств, взаимоотношений, понимания, устремлений; значения родины, природы, развития и изменений тока истории... Эти люди, ви-

димо, рождены такими — «погруженными» в жизнь. Но подобное погружение сопряжено с риском — это как водолаз без кислородного баллона... То есть люди, чувствующие оголенными нервами, равнодушные к переменам и — главное — откликающиеся сердцем на всё, они задыхаются от собственной некой беспомощности что-то исправить, говорят, кричат об этом (часто в своем творчестве), но не могут достичь радикальных изменений. И тогда их поглощает губительная пучина. Игорь из числа таких. Не стану называть известные фамилии — их много. Отмечу, что известны и памятны они именно благодаря своему пронзительному творчеству — в нем продолжается жизнь авторов, их имена, взгляды и умения.

Татьяна Багринцева

«Курсовая работа. Воспоминания и рассуждения студентов-шестидесятников»

Летом 2020 года легендарный курс факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (выпуск 1960 г.) отмечал юбилей — 60 лет окончания университета. Традиционная встреча выпускников в стенах здания на Моховой не состоялась из-за пандемии, но все они, живые и ушедшие, встретились на страницах книги «Курсовая работа. Воспоминания и рассуждения студентов-шестидесятников», которую выпустили к юбилею на собственные средства тиражом 300 экземпляров. В 2021 году вышло второе издание книги, в нем появились новые воспоминания, поменялась обложка.

Это не учебное пособие, не хрестоматия и не сборник биографических очерков. Это попытка создать образ поколения, пережившего вместе со страной несколько драматических и героических эпох нашей отечественной истории. Эти люди своей судьбой заслужили право не поучать или наставлять молодых, а быть примером непоказной любви к родине и людям. И еще их объединяет пронесенная через годы верность профессии журналиста (в разных ее проявлениях), которая по главному своему назначению должна служить правде.

В книге вы найдете срез жизни второй половины XX века и начала XXI глазами поколения советских шестидесятников-журналистов. Дети, родившиеся в 1937–38 годах, выросшие в послевоенных дворах, потерявшие отцов, кто на войне, а кто в лагерях, одержимые стремлением к знаниям, к самореализации самой высокой пробы. Это дети войны, дети культа личности, дети XX съезда партии, дети Великой Победы. А потом была брежневская эпоха, горбачевская перестройка, ельцинские реформы и, наконец, нынешнее время.

По-разному сложились их судьбы. Кто-то стал известными деятелями искусства, как режиссер Марк Розовский и искусствовед Андрей Золотов-старший, кто-то выдающимися учеными, как историк Владимир Хорос и философ Григорий Водолазов, кто-то известными журналистами, как Станислав Сергеев, Лидия Графова, Наталья Бехтина, кто-то священником, как Михаил Ардов. Среди них есть писатели, поэты, художники, кинорежиссеры, литературные критики — а в целом перед нами, по существу, встает коллективный портрет российской интеллигенции второй половины XX века с ее взглядом на мир, на события тех и этих лет.

Книга издана небольшим тиражом, и для нас, наследников этого поколения, очень важно, чтобы она не затерялась в частных собраниях и дошла до нынешнего поколения студентов-журналистов, чтобы они понимали, откуда они ведут свое историческое

происхождение, к какому важному течению в русской жизни они принадлежат и продолжателями чего они являются.

Мы привыкли судить о поколении шестидесятников по его прославленным представителям — Окуджава, Евтушенко, Шукшин, Высоцкий, Вампилов, Хуциев, Сахаров... Но ведь они были только вершинами огромного айсберга поколения интеллигенции 60–70-х годов, о котором почти ничего пока толком не написано и которое на самом деле воплощало собой высочайшие достижения нашей страны. А ведь именно этот «срединный пласт» и составлял ту здоровую нравственную среду постиндустриальной России и СССР, роль и значение которой еще предстоит исследовать и оценить.

Надеемся, что книга «Курсовая работа» послужит интересным материалом для будущих журналистов, ученых, исследователей — всех тех, кто хотел бы самостоятельно разобраться в реальных событиях нашего прошлого и настоящего и услышать живые голоса шестидесятников.

«Я успеваю улыбнуться, я видел, кто придет за мной...» — этими словами Владимира Высоцкого хотелось бы закончить наше письмо.

Алла Глинчикова (Водолазова), профессор МПГУ,

Ольга Сергеева, главный редактор журнала Seasons of life, генеральный директор Seasons Project

P. S. Эта вышедшая в нынешнем году книга уникальна. Ибо, если перелистать всю историю образования в России, ни об одном студенческом курсе, ни об одном школьном классе не рассказано было так полно и талантливо. За исключением разве что пушкинского набора Царскосельского лицея да ещё 110-й московской школы, в которой, если взять ее с первоисточками в виде дореволюционных гимназий Флерова и Брюхоненко, учились Марина и Анастасия Цветаевы, Николай Тимофеев-Ресовский, Андрей Сахаров, Натан Эйдельман, Сигурд Шмидт, Вера Холодная, Игорь Ильинский, Мария Миронова, Борис Покровский, Андрей Попов, Андрей Синявский, Алексей Баталов, Леонид Дербенев, Ясен Засурский и многие другие выдающиеся люди нашей культуры и науки.

А на курсе журфака МГУ 1955–60 гг. учились Михаил Ардов, Наталья Бехтина, Лев Борщевский, Виктор Булгаков, Виктор Веселовский, Григорий Водолазов, Лидия Графова (Аксенова), Андрей Золотов, Юрий Клепиков, Юлиан Надеждин, Марк Розовский, Станислав Сергеев, Светлана Тугорская (Юрчик), Владимир Хорос, Георгий Целмс, Сергей Чудаков, Константин Щербаков...

Сопоставимы ли эти два ряда? Сопоставимы.

Конечно, первый у всех на слуху, а второй... Когда еще придет час его объективной оценки? Но, как говаривал Маяковский: «А вы зайдите через тысячу лет, там поговорим!» Впрочем, тысячу лет ждать, наверное, не придется. Когда будет написана независимая от того, Пимен какой партии ее писал, история 60-х годов минувшего века, первый и второй ряды, по-моему, просто совместятся.

Выход этой книги я принял особо близко к сердцу, так как она — о самом, может быть, духовно братском

нашему, 1952–1957 годов, курсе. По моему мнению, да и по мнению многих других, именно эти два курса были самыми яркими аккордами во всей истории журфака МГУ. Два учебных года, четыре семестра (на которые, кстати, выпали судьбоносные для страны события, такие, как XX партсъезд), прожитых и пережитых вместе, это что-нибудь да значит! Мы были первым набором журфака МГУ, они — четвертым. И многое, очень многое нас сближает.

Ким Смирнов, «Новая газета», ноябрь 2020 г.

Виктор Лютов

И все-таки: пациент скорее жив! Записки бывшего районщика

От автора

Около 50 лет (еще работаю) в журналистике. Больше 25 был главным редактором «Семилукской жизни» — лучшей, по моему убеждению, районки в области и одной из лучших в России. В мои времена. Это не бред старика, у которого начала «течь крыша». Подтверждение тому — десятки федеральных и областных наград, которые хранятся в редакции. Да и немало моих личных наград (перечислять не буду).

Характеризуя своих семилукских коллег, любил говаривать: все, блин, лауреаты, чертей дать некому! И это — правда. Маша Костина (царствие ей небесное. До 50 не дожила), Женя Белозеров, Наташа Фокина, Макс Оконь, Лена Старкова, Сережа Елисеев, нынешний шеф Володя Стрыгин, Рома Герусов, Света Дубова... Все с наградами. А еще наш бывший главбух Оля Просветова, менеджер (девица-красавица, хотя некрасивых на работу не брал) Наташа Рубанова... Сегодня в районке только Стрыгин и Елисеев. Остальные ушли. Причина во многом — создание РИА «Воронеж» и совершенно неадекватное, на мой взгляд, «руководство» бывшей директрисы этого монстра — назовем ее шефинею. Позже объясню, почему. Ребята и девочки талантливые, с чувством собственного достоинства, поэтому новую работу нашли без особого труда.

Для тех, кто не в курсе: от Воронежа до Семилук полчаса на маршрутке или 10–15 минут на авто.

Сейчас газета, по-моему, не та. Но Владимир Александрович Стрыгин многое делает, чтобы вытащить «СЖ» из ямы, в которую ее загнало РИА и шефинея.

Зачем эти заметки? Сам не знаю. У меня рассыпан позвоночник, поэтому хожу недалеко и с тросточкой. Каждый шаг — большое усилие. Так что времени свободного навалом, телек и интернет осточертели порядком... Наверное, еще и потому, что бывших районщиков тоже не бывает.

И еще. Вы, те, кто этот опус будет читать, просто должны помнить: постараюсь быть объективным, но это невозможно. Для особо одаренных — вывод: это — субъективные заметки.

Начали!

Райком КПСС

Сложно относиться к нашему коммунистическому прошлому. Но то, что в райкомах работали дебилы или родственники начальников, — полный бред! Изнутри знаю: 2 года 4 месяца и 11 дней (как психозник помню!) работал в Семилукском райкоме КПСС. Тогда

почти закон неписанный был: будущий редактор районки должен пройти партийную школу. Я в этой школе явно засиделся. Даже обязанности заворга исполнял. Чуть ли не со слезами от них избавился. Нет, не потому, что линию партии резко не разделял и в диссидентстве подальше — упаси Бог! Просто (когда был заворгом) с напрягом высасывал из пальца данные, которые требовал ежедневно обком. Не понимал в принципе, что можно высосать из пальца, а где нужна конкретность и точность. Да и по характеру (это объективно) я раздолбай, а не строгий и серьезный мужичок (если из моего роста исходить — мужичара!) с галстуком!

Ребята в райкоме были классные! Практически без исключения — с организаторскими способностями и в своей основной профессии соображающие. Это показало будущее — после развала КПСС многие из них стали талантливыми руководителями. Не «бизнесменами» в худшем смысле девяностых, не «прихватизаторами», а именно руководителями! Руководителей будущих райком партии отбирал практически безошибочно. Из тех, кто как-то уже проявил себя в профессии.

Первый секретарь поручил найти кандидата на должность инструктора в промышленно-транспортный. Нашел. Красавец-парень, косая сажень в плечах, на своей работе засветился хорошо! Пригласил к Первому на собеседование. Посидели втроем, поговорили — вроде все нормально.

Вечерком Первый требует на ковер. И с порога:

— Ты кого ко мне привел?

Ни фига не понимаю, но что-то мямлю в ответ.

— Тщательнее надо с кадрами работать! — почти орет Первый. — У него же глаз дергается!

— А у меня ботинки 47-го, ну и что? — на автомате вырвалось из меня.

Как ни странно, аргумент почему-то подействовал. Парня приняли инструктором

Время показало: в точку!

Короче. В моем представлении райком КПСС точно был, как тогда говорили, кузницей кадров. Из рядовых агрономов, учителей, инженеров — не блатных, старались лепить будущих руководителей...

...Прошло время. Я отбил от должности заворга. Мрачным стал. Уже больше двух лет в райкоме. Все нормально, но... Душа не лежит, да и «не вникать в ситуацию, а требовать», как учит партия, явно не умею. Раздолбай, словом. О душе чего-то приплел.

Жена сочувствует:

— Ну попросись обратно в районку, пусть без повышения!

Попробуй попросись! Сразу научат партию любить — райком КПСС не ошибается!

...Брожу по этажам райкома в тоске. Не знаю, что делать: то ли напиться, то ли повеситься.

Встречаю Первого (уже другого):

— Ты еще тут хреном грушу околачиваешь? — спрашивает вместо поздороваться.

— Околачиваю, благо груша у здания растет, — грустно отвечаю я.

— Ну-ну, — не то угрожая, не то ухмыльнувшись, говорит Первый...

Через пару дней меня повезли на собеседование ко второму секретарю обкома КПСС Зарубину. Впечатление — самое приятное. Поговорили о том о сем. Без демагогии и громких слов.

— Ну, Виктор, удачи тебе, — сказал секретарь обкома на прощанье.

1 марта 1989 года я стал главным редактором районной газеты. Тогда еще не главным, а просто редактором — так должность называлась. И не «Семилукской жизни», как сегодня называется газета, а — «За коммунизм», не иначе! (Название в 91-м поменяли.)

Период разгула демократии

Первый год работы редактором мне очень понравился в целом! Прямо коммунизм! Печатали газету в Семилуках. Правда, на полиграфическом оборудовании, которое было в Семилукской типографии, еще в 1917 году листовки в Смольном печатали, как шутили ребята. Поэтому качество печати — ни к черту! Ладно, переживем!

Зато газетную бумагу — стоит только позвонить куда надо — привозили по графику прямо на типографский складик. Деньги? Нет проблем! На подписке зарабатывали — тираж районки был примерно 17 тысяч экземпляров. Райком КПСС подкидывал — партия решила, коль она учредитель газеты, редакции надо помогать. О том, что главный доход — реклама, тогда еще и не предполагали. То есть в плане материальном — без особых проблем.

В творчестве обозначилась проблема. Журналистам — близко к 60, кому-то уже стукнуло. Они все, по моему, с искрой божьей. Но привыкли писать рейды по фермам, передовой опыт — как надо обрабатывать посевы и т.д. Партийная жизнь, советское строительство... За окном — преддверье разгула демократии, а партия все еще соцсоревнование требует. Да и ребята... Все — мои друзья. Как им объяснить, что рейды и передовой опыт обработки посевов на фиг никому не нужны? Они же всю жизнь об этом писали.

Чуть забегу вперед. Лето 1991-го, месяц-полтора до августовского так называемого путча. А один из моих коллег приносит материал под рубрикой «Партгруппа — ядро коллектива». Каково? Повторюсь: все — мои товарищи, что-то понимающие о себе. А тут пришел придурок (мне тогда и сорока не было) и начинает привычные рельсы ломать. А до работы в райкоме вроде нормальным был. О чем же тогда писать, если не о партстроительстве?

Переписывал тексты за ребят. Один из них как-то зашел ко мне в кабинет:

— Виктор Алексеевич, ты ж меня за придурка не считал!

(Мои товарищи и изредка собутыльники с первого дня редакторства стали звать по имени-отчеству. Это не просто деталька. Это деталька времени.)

— Да я и не считалю.

— Я понимаю, что ты лучше напишешь! Но обидно же! Ты объясни в деталях, как сделать. А я постараюсь.

У него получилось. Но получилось не у всех. Некоторые так и писали «партгруппу — ядро коллектива»...

К 1994-му году эта проблема решилась сама собой. Кто-то ушел в мир иной, кто-то просто ушел...

И пришел молодец. С другим — даже в сравнении со мной — видением жизни...

...А финансы запели романсы. Успешно провели подписку на 92-й год. Ребятам — уже молодых много было — все до деталей рассказывал, трепач по натуре. Радуюсь: год прокантуемся.

А в январе 92-го денежки на нашем счету обесценились в — не знаю, сколько — раз: Гайдар пришел!

В высокие дебри подниматься не буду — только о жизни районки.

Что делать? Партия не поможет — ее уже нет. Выход виделся один — побираться.

Да-да, в прямом смысле слова. В январе 92-го взял я шапку, сел в машину и поехал... милостыню просить. Газета, в общем-то, имела авторитет в районе. Да и у меня какой-никакой был. Большинство руководителей — товарищи, некоторые — друзья личные. Входя в кабинет некоторых (кто с амбициями великими), вставал на колени. В шутку, конечно. Но действовало. Двухметровый редактор газеты на коленях — то еще зрелище!

В основном у сельхозников просил — промышленники сами на волоске висели. А сельхозники? Продавая в начале 92-го урожай предыдущего года, они почувствовали — впервые — себя миллионерами. Помню, что сказал тогда мой друг (и сегодня генеральный директор лучшего самостоятельного хозяйства в районе — ЗАО «Земляное») Иван Заложных:

— Вить, понимаю, что к осени тоже нищим буду. Но нынче — миллионер. Поэтому дам копейку, босота ты моя!

И дал! И многие другие тоже!

Наверное, надо объяснить, почему хозяйства миллионеры через несколько месяцев становились нищими. В начале года продали урожай предыдущего по очень высоким «гайдаровским» ценам. А к осени инфляция в десятки процентов делала из этих миллионов... почти бумагу.

Денежку дали практически все, у кого просил. Тут-то реально понял пословицу: с миру по нитке — голому рубаха. Как — в деталях уже не помню, но редакция перекантовалась 92-й.

Еще один пример. Уже в конце девяностых. Посчитали мы с главбухом Олей Просветовой, что у нас месяца на четыре есть на счету свободные деньги. И купили на них ГКО — государственные казначейские обязательства. Под большие проценты, гарантируемые

этим самым государством. И с возможностью продать в любой момент

А тут бац — дефолт! И государство приостановило работу со своими обязательствами. Тут же объявилась масса скупщиков, предлагающая купить их за треть номинала, без всяких процентов. Но мы с Ольгой — без экономических расчетов, на эмоциях решили: не дадим мошенникам разбогатеть на наших копейках!

А спустя несколько месяцев государство вернулось к работе с ГКО. И мы продали их родимому с большой пользой для редакции!

Чего только не было! И побирались, и в долг брали! Но девяностые пережили. Один из фактов, которым я откровенно горжусь: в «Семилукской жизни» в девяностые зарплата НИКОГДА не задерживалась ни на один день! Бывшие коллеги подтвердят! Правда... На ту зарплату мерс не купишь. Но на хлеб, иногда с тонким слоем масла, нам хватало...

***

К концу нулевых — где-то в 2008-м — мы вышли на плюсовую рентабельность. Нет, бюджетные копеечки получали. Но не как подачку, а исключительно как заработок. По договору, за публикацию официальных материалов и госзаданий власти. Как-то с Олей Просветовой посчитали: эти деньги в годовом бюджете газеты составляли не более 17 процентов. И кстати, всегда, как резерв, оставались на расчетном счете редакции. Чуть приближались к НЗ, Оля паниковала. Так что неприкосновенный запас — НЗ — трогали крайне редко. Когда ремонт затевали или новое авто покупали...

Как-то узнал, что семилукской районке за госзадания платят меньше, чем другим. Эти цифры хранились от нас в тайне. Наехал на начальника областного управления по печати Ивана Щелокова. Он послал меня в известном направлении, хоть и друг. Отдыхавшись, я понял: он прав. Мы же прилично (опять в нашем понимании) на рекламе зарабатывали. Маленький сельский район объективно никогда столько не заработает...

У ребят стал чуть повыше, чем в других редакциях, заработок. Оказывали приличную по нашим понятиям матпомощь к отпуску. Появился термин: редакторская премия. Все по закону. Сам себя я премировать не имел права — только по приказу из управления. А поощрить коллег — моя компетенция. За выполнение особо важных заданий, за подготовку публикаций, вызвавших большой интерес читателей... Плюс разовые премии за победы в региональных и федеральных конкурсах. Плюс разумная (вопреки нынешней) система оплаты труда, спущенная сверху. Если просто — принцип таков: показатели выполнили, заработали, есть деньги на расчетном счете — плати, шеф! Мы выполняли регулярно. По мнению коллег тех времен, получалось неплохо.

Заходит однажды Ольга в мой кабинет. И бросает на стол стопку купюр:

— Это вам.

—???

— Ну вы же «редакторские» премии не получаете. Вот ребята по чуть-чуть скинулись...

Был тронут до слез. Ведь не вымогал, не намекал. Да что говорить — у меня чего-то подобного и в башке не было! Сами решили шефа премировать! За свой счет! Многие ли начальники могут таким похвалиться?

Что делать? Брать или не брать? — вот в чем вопрос. Сумма не велика — треть примерно от моей официальной премии. Но... мысль ребят верна: все с премиями, а я мимо. Отказаться — жалко. Взять — не комильфо. Решил так: на часть денег купил коньяк и водку, поставил в шкаф. У нас нередко бывали в гостях довольно высокие начальники, депутаты — надо! Оставшиеся отдал менеджеру Наташе Рубановой в сейф — на хозрасходы. К слову, у нее всегда была небольшая сумма наличными — на всякий случай. Не больше 10 тысяч. Краны потекли, электропроводка испортилась — мы же все... Короче, руки у нас не из того места растут. А платить за это налом надо, хоть и немного.

Крали? Нет. Редакторы районке можно украсть три копейки. Стоит ли пачкаться? На собрании решили однажды: с двух ближайших премий (а их ребята получали ежемесячно, в годы, когда было много побед — и чаще) — скинемся. И дальше как-то получалось...

Ремонтировали кабинеты, оргтехнику покупали... Принтеры были практически у каждого. Был и полноцветный, и формата А-3, то есть печатавший целиком газетную страницу. Потом, уже при РИА «Воронеж», шефиня принтеры отобрала, оставив один, решив, что таким образом много сэкономит на расходе бумаги. Нормальному человеку такая мысль вряд ли придет в голову, я так думаю... Впрочем, про один принтер, стоимостью под 50 тысяч рублей и купленный нам областной конторой по одной из версий с целью экономии бумаги, расскажу позже. Он страницы считать умел.

Вот так примерно и жили, пока не вылупился монстр по имени РИА «Воронеж»...

***

...Случилось, что однажды мы с профессором Львом Ефремовичем Кройчиком (царствие ему небесное!) жили в Москве в одном номере гостиницы «Россия». Теперь уже — была такая. Льва Ефремовича вряд ли сумею должным образом представить. Короче: это человек, любимый не одним поколением выпускников журфака ВГУ, воронежских журналистов в целом и наверняка не только воронежских. К сожалению, его нет с нами.

О чем-то говорили вечером.

— Витя, вы понимаете — в журналистике так: чем выше человек занимает должность, тем строже становится его внутренний цензор. Вы, как редактор, это поняли уже? (По-моему, Лев Ефремович ко всем обращался на вы. — В. Л.). И это правильно. Главное, чтобы вы, прислушиваясь к внутреннему цензору, не дали ему задушить в вас все творческое. Баланс какой-то нужен. И найти его очень сложно.

Не цитата, но мысль передаю стопроцентно точно.

Как редактор, я всю жизнь искал этот баланс. Как?

Мне 39. Первый год моего редакторства. Землячка Валентина Ивановна Стоякина откуда-то привезла отрывки будущей книги Бориса Ельцина «Исповедь на заданную тему». Угораздило же передать их мне!

Собрал коллег посоветоваться. Один аксакал категорически против публикации по политическим мотивам. Не любил Ельцина (как и я) с самого начала. Другой:

— Виктор Алексеевич, подумай о себе: от редакции до райкома КПСС метров 800. Уже появляющийся в редакции молодежь (им до тридцати еще жить да жить) однозначно за. Не то что сторонники Е. Б. Н. Просто нюхом чуют: кайфово будет, если напечатаем! А так — им и на Ельцина начинать, и на меня.

Бессонная ночь. Нет, не писаю. Но страшно как-то. Цензор внутренний против, а душа за. К утру — решение: печатаем!

...Бузы особой не было. Ну, позвонил второй секретарь райкома. Вчера — приятель, а сегодня на вы:

— Виктор Алексеевич, вы у Ельцина разрешение на публикацию спрашивали? — ядовито говорит.

Вечером приглашает Первый. Спокойно так:

— Я тебя понимаю. Газета живет, пока ее читают. Но, может, прекратишь?

Как умею — объясняю, что не могу. Да и осталось текста на пару номеров.

— Хорошо! — как-то нейтрально сказал Первый. Что хорошо — я не понял.

Допечатали. Пошли слухи: а молодой редактор — с характером.

Спустя несколько месяцев уже изданная «Исповедь на заданную тему» спокойно продавалась на развале в здании райкома КПСС. Аккурат перед пленумом. Насколько помню — последним.

...Районная комсомольская отчетно-выборная конференция. От редакции — журналист Юра Каменский.

Написал отлично! Но... разделал конференцию под орех: скука, формализм и т. д. Один заголовок чего стоит: «Когда спящий проснется».

Тихо. Ни звонков, ни наездов. Внутренний цензор почти заснул. А душа ликует. Но и холодок не прошел: а вдруг еще прилетит?

Опять не прилетело. Зато коллеги себя как-то иначе чувствуют. А Юрка Каменский — героем! А я вроде как и ни при чем...

Делаю для себя первые выводы: власть надо трогать аккуратно и по делу. Тогда «красная линия» очень возможно будет тихонько отодвигаться. Главное — себе самому эту линию не придумывать. Пробовать надо!

У многих, кого я знаю, о районках такое впечатление: провластные газеты, которые только и умеют, что районное начальство хвалить. В них — никакой свободы слова! Как вы поняли, уже пытаюсь не соглашаться. Продолжаю.

Начну издаю. По-моему, свобода слова — это просто бессмысленное словосочетание. Химера. В очень широком смысле. Есть СМИ провластные, оппозиционные, проденежные, прозападные и еще не знаю какие — продолжите. Может, ошибаюсь. Но, копнув, у всех, кроме борьбы за светлое будущее народа, начинает проявляться вполне земная меркантильная цель.

Кто-то возразит: а интернет? Иногда пробежишься по какой-нибудь ленте в соцсетях, и охватывает ужас: неужели среди человек большинство дебилы? Потом остынешь и примешь версию: дебилские посты выкладывают те, кто думать не умеет. Ляпнут глупость

и считают себя героями. К тому же весенние и осенние обострения... А те, которые думают, выкладывают свои тексты редко. Во-первых, умные, а во-вторых — некогда: думать надо. Это, наверное, не очень удачная шутка, но в ней, кажется, есть резон.

Кто-нибудь читал районную газету, учредителями которой являются областная и районная власть и которая из номера в номер хлещет эту власть в хвост и в гриву? Вот и я не читал. Но то, что такие районки совсем уж беззубые, — не соглашусь. Читать надо уметь!

Я уже привел пару примеров из личного опыта. Продолжу.

Много лет назад мы поставили перед собой задачу: объехать все малонаселенные хутора района и рассказать, как в них живут люди. Картина получилась грустная. Районная власть попросила нас притормозить, пообещав сделать, что можно. Мы притормозили. Не потому что власть попросила. А потому что после четырех-пяти публикаций оказалось, что писать больше не о чем. Положение на всех хуторах — как две капли воды. Да и власть среагировала: дороги где чуть подсыпали, где прогрейдировали, автолавки пошли... Надолго ли? Честно, не знаю.

Кстати, за серию этих публикаций «СЖ» стала лауреатом областного конкурса в номинации «Глубинка».

Был нашумевший материал о том, как некоторые начальники районного масштаба заделались фермерами — прихватили земли в погибающих колхозах. И силами колхозников и колхозной техники выращивали несколько лет зерновые — их проще возделывать, чем другие культуры. Короче, пенку снимали!

Тему нашли не мы, но... Тиснули же! Шуму было!

Или вот еще пример. Власть собралась «оптимизировать» (читай: ликвидировать) малокомплектную сельскую школу. Собрала сход граждан. И большинство проголосовало за. Власть поставила галочку и отчиталась перед департаментом образования. А мои поехали и поговорили с сельчанами: почему они за? Оказалось, учеников мало, учителя все — пенсионного возраста, молодые не идут. В такой школе детей скоро читать-писать научить не смогут. С другой стороны: прикрыли школу — значит, не за горами каюк и селу. Два зла. Сельчанам показалось, что они выбрали меньшее. Как говорится, со слезами на глазах.

Толку от такой публикации? Одномоментно конкретного и осязаемого — ноль. Только головная боль редактору. Глава района (кстати, мой приятель) сильно обиделся: и чего вы лезете? Ведь единогласно же! А читатели звонили! Одни говорили спасибо за понимание и сочувствие. А в другом селе проанализировали и поняли, что у нынешних первоклассников еще есть маленький шанс закончить свою школу. И отстояли ее! Считали, лет на восемь минимум. Как хотите — понимайте: это критика или нет?

Или вот еще. В поселке назначили встречу жителей с главой района. Пол-аппарата администрации неделю из поселка не вылезали. На встречу пришли... четыре человека. Мы об этом написали, чем вызвали дикое недовольство чиновников, которые встречу готовили. А газета выдвинула две версии: либо предложенная повестка встречи (она была объявлена за-

ранее) не интересна жителям поселка. Либо им, этим жителям, на поселок наплевать.

Случались и курьезы. Главой района была Ирина Леонидовна Кокорева. На каком-то празднике областной начальник вручал ей награду. Ну, и как водится, поцеловал женщину. А мои сфотографировали. И фото получилось... чуть-чуть эротичным, что ли. Опубликовали, предчувствуя последствия.

В восемь утра — звонок (в администрацию района газету рано привозили):

— Виктор Алексеевич, ты что, подставить решил? — Кокорева. — Знаешь ведь, как меня в интернете полощут. Лишний повод дал!

— Ирина, прости пожалуйста! Фото же отличное! (Мы с ней очень давно знакомы. К тому же я — сильно старше. Поэтому тет-а-тет общались в бесконфликтной ситуации по-дружески.)

— Я понял, журналист не всегда руководствуется здравым смыслом. Но прошу тебя: не экспериментировать так больше!

— Договорились!

Но не совсем получилось. Спустя немного времени дали информашку под заголовком: «Глава администрации района готовится к свадьбе». Правда, из текста становилось ясно, что Ирина готовится к свадьбе своей очень близкой родственницы. Возмущения не было.

Еще пара слов попутно про Ирину Кокореву. Наверное, уже мало кто помнит, что капитальный мост и отличная дорога, соединяющая город Семилуки с Курской трассой — во многом ее заслуга. И еще меньше вспоминают о том, что отсутствие перебоев в городе с питьевой водой в жару — к этому она тоже руку (точнее, голову) приложила. И еще много к чему...

Вспомнил! Еще фактик! Один из заметных начальников отборным матом поговорил по телефону с моей коллегой. Она не обиделась, но мне рассказала подробно. Меня это зацепило. И через час заметка с диалогом начальника и моей коллеги уже стояла в полосе. С массой многооточий. Коллега уже и сама пожалела, что рассказала:

— Шеф, снимите заметку. Он же не меня материл, он так разговаривает!

Но, как говорится, Остапа понесло.

Заметка вышла в субботу. В восемь в квартире зазвонил телефон:

— Вас приглашает Иван Иванович Дубовской (в то время — глава района).

Поднимаюсь по лестнице. Настроен довольно агрессивно, убежденный в собственной правоте. Но... Оказывается, Иван Иванович позвал не чтобы чертей подкинуть. Он благородно хотел меня помирить с «героем» заметки. Не очень получилось.

Хотя по делам общались нормально.

Хоть чуть убедил, что районки не так уж беззубы?

***

Случалось, что газета и сама вляпывалась — мы же не гении. И тогда главы измывались надо мной, как могли. Нет, ни один не орал — а я с шестью главным редактором работал. Но юморили жестко. Один даже спросил, намекая на мой почти двухметровый рост:

— Ну почему все большие без гармонии?

А я сидел, бессмысленно скоблил затылок и молчал. Виноват(ы), ну что тут скажешь?

Но случались события и пожестче. В 90-е годы в каждом регионе сидел свой полномочный представитель президента — федеральных округов тогда еще не было. Естественно, в Воронежской области тоже работал — безмерно ярый поклонник Ельцина. Ну и многих гнилых веяний того времени. Из аппарата этого представителя (не называю имя — его нет в живых) шли совершенно гадкие тексты, которые районки были обязаны публиковать. Коротко: тексты эти опорочивали ВСЮ советскую историю нашей страны. Мы, как могли, оттораживались от этой грязи. Рубрику придумали: публикуем по просьбе учредителей. Мол, не виноватые мы, это — они. Однажды пришел текст, от которого я ужаснулся. Коммунисты, участвовавшие в Великой Отечественной войне, — это красно-коричневая... — почти утверждали дерьмократы того времени из аппарата полномочного. Печатать это мы однозначно отказались.

Через три-четыре дня в редакцию приехал засланец от полномочного. Увидев меня, удивился:

— У нас сложилось впечатление, что вам за 60 и вы заматерелый коммунист. (Мне тогда и 45 не было.)

Он посоветовал мне написать по собственному. Тогда подберут работу прямо-таки лучше редакторской. А нет — пеняйте на себя.

— Негосударственную политику ведете, — добавил он. — Да и стихи у вас...

...Простите, не могу удержаться, чтобы не привести здесь полностью длинный опус, опубликованный в 90-х (времена Е. Б. Н.) на страницах нашей районки. Чтобы понятно было, о чем речь.

Разборка

В руки журналистов попал древний свиток. Специалисты определили: где-то 15-й век. Печатаем то, что удалось расшифровать.

Уверяю вас, что это не байка.

Правду чистую одну говорю.

Как-то в августе приперлась вся шайка

Для доклада атаману-царю.

«О, громила наш, великий и правый,

Так ведь можно нам попасть в оборот.

Демократия твоя не по нраву –

Неспокоен и угрюм весь народ.

Знаешь ты, у нас не пусто в кармане.

Не пора ли прекратить нам разбой?

Издваться над людьми перестанем.

Ты в отставку — да и мы за тобой.

Как бы, батюшка, слегка не побили...

Что нам делать, августейший, скажи!»

«Вы мне новость, паханы, сообщили.

Что ль народ-то до сих пор еще жив?»

«Жив, зараза! Он живуч, как пивка.

Мы устали наводить уже шмон.

Слышь, кричит, чтоб уходил ты в отставку.

Обещают вроде дать пенсион.

А намедни... Ну когда ты напился

И охраню от нас был закрыт,

Деревянный вдруг опять обвалился

*И чего-то до сих пор не стоит...»
Но, дохнувши перегаром, в халате,
Атаман рукою грохнул об стол:
«Ну чего вы тут несете мне? Хватит!
Ишь, надумали — в отставку чтоб шел!
Вас сначала прогоню с этой лавки!
Понахалали! Везде вам тепло.
Заявляю: не пойду я в отставку!
Потому что... мне ходить тяжело!
Понажрали вы при мне морды сыты.
Все при галстуках. Не скажешь — шпана.
Прогоню-ка для сначала из свиты
Я непьющего того пацана!
От души скажу: мне с ним — прямо горе.
Ну не пьет мальчишка — лей иль не лей!
Позову-ка я к себе Черномора,
Он ведь — видно без очков — тяжелей.
Верен мне пока. Достоин ли трона —
Посмотрю. Пускай покрутится тут.
И не надо соблазнять пенсионом!
Не надуете — его ж не дают!
Билл намедни был в гостях — вся и радость.
Да и то, нутром я чую, хитрит.
Деревянный не стоит — и не надо.
Мало ль что у нас еще не стоит...»
Как обычно, с паханов снявши стружку
И велевши потихоньку им жить,
Царь хмельного накатил себе кружку,
Думать начал, как народ додушить...
Дальше текст не разобрать — как растаял.
Ну и ладно, я на то не ропщу.
Где случилось все — про то я не знаю.
Но что было так, поверить прошу.
Непьющий пацан — Гайдар. Черномор — Виктор
Степанович Черномырдин...*

...Писать заявление по собственному я не стал. По одной простой причине: кроме журналистики никакой другой профессии не имею. И делать больше того ничего не умею.

А засланцу (даже имени его не помню) налил несколько рюмок чая — одну за другой. Прощаясь, он сказал:

— Витька-а, ты — хороший мужик! Я так и доложу, но тебя все равно выгонят!

Вскоре состоялось какое-то совещание журналистов. Полномочный представитель лично вбивал в наши головы, что учредителем газет является власть. И это значит, что мы обязаны поддерживать Ельцина и демократию. А кто не согласен — он не держит.

Сути не помню, но вскоре под наезд полномочного попал «Воронежский курьер», руководил которым тогда Дмитрий Дьяков. Курьеровцы вроде опубликовали какую-то реплику по этому поводу. Депутат областной Думы Сергей Рудаков обратился в прокуратуру. Припоминается: полномочный тогда публично извинился перед «Воронежским курьером». Типа его не так поняли. А обо мне, провинциале, попросту забыли...

***

Я — везучий. Уже сказал, что за время работы главным редактором газеты сменилось шесть глав админи-

страции района. Со всеми были нормальные отношения (кроме одного, но об этом позже). Все не раз бывали в редакции и приглашали в свой кабинет наш коллектив. В день печати, к примеру. Все понемногу конфликтовали с газетой. Естественно, мне кажется, что чаще по вине глав, реже — по вине газеты и моей. Очень возможно, что ошибаюсь. Конфликты никогда не доходили до горячей фазы. Со всеми тет-а-тет был на «ты».

Вы поняли: я не собираюсь оценивать работу глав. Не буду влезать в политические дрязги. Только о взаимоотношениях власти и редакции, глав района и главного редактора.

Назову всех. Николай Кириллович Шуткин, Виктор Иванович Корчагин (царствие им небесное), Иван Иванович Дубовской, Михаил Петрович Ельчанинов, Ирина Леонидовна Кокорева и господин Кобяшев.

О Кокоревой пару слов сказал. Шуткин помогал газете в самое трудное время — в начале 90-х. Корчагин первым протянул руку помощи, когда узнал о смертельной болезни моей жены. Об Иване Ивановиче Дубовском и господине Кобяшеве подробнее — чуть позже.

***

И снова: я — везучий! Потому что работал с талантливыми ребятами и девушками, которых я люблю по-дружески и сегодня. И наивно считал, что для них я — белый и пушистый. Уже позже, оставив редакторскую должность, узнал: белый-то белый. Но с крапинками как минимум. И не совсем чтобы пушистый.

За время моей работы журналистский коллектив раза три менялся процентов на 70. В основном потому, что ребята делали карьеру. Приходили новые, которые со временем оказывались не менее талантливыми.

Но всегда в редакции действовали неписанные законы. Попробую сформулировать некоторые.

Если вас обматерили или похвалили за ваш материал, соглашаясь или нет с вашей позицией — текст удался. Реакцию читательскую вызвал. Чей-то мозг разбудил.

Если вас отругали за допущенную ошибку, искаженные факты или другой подобный ляп — расстрел.

Если шеф усек в вашем тексте халтуру или явную небрежность — казнь через повешенье. Ну и дальше — в подобном стиле.

Приговоренные были. Всех так или иначе амнистировали. Но предстоял разбор полетов на планерке.

Я в принципе не умею орать. Но с годами выработался немного ироничный, хотя и не злой, стиль общения с себе подобными. На планерках этот стиль помимо воли становился язвительно-саркастичным. В общем, размазывал по стенке. Мне иногда даже дочка говорит:

— Лучше бы ты орал. Иногда от твоего спокойного голоса по потолку бегать хочется.

Мне кажется, это было нечасто. Но... Узнал, что наша звездочка Наташа Фокина, случилось, и слезы проливалась. Пару раз пыталась заявление писать. У кого-то голова начинала болеть. Кому-то напиток хотелось.

Об этом я узнал, уже уйдя с редакторской должности.

Правда, в конечном итоге и меня амнистировали. Та же Наташа сказала, что ужасы слегка преувеличены. (Это они умеют.) Что разбора полетов действительно

побаивались, но... Что заявление писать собиралась, но минут через 15 остывала, понимая, что шеф прав.

Но чаще бывало, когда ошибки и нелепости в текстах молодых мы разбирали тет-а-тет. Правда, и в таких случаях я на автомате слегка издевался. Мне казалось — шучу, а ребят доставало. И потом ночами не спал. Нет, не раскаивался за иронию. Анализировал — поняли меня или не очень?

Оля Просветова как-то сказала, что мне удалось создать отличный коллектив. Она у нас борцом за редакционную демократию была. Так что лапшу на уши вешать не станет.

Володя Стрыгин сказал, что все это было необходимо и эффективно: с первого раза понимали. Не стовариваясь с ним, через некоторое время примерно так сказала и Наташа Фокина...

Короче, ребята признали меня абсолютно белым, но не очень пушистым. И приезжают на мой день рождения, хотя давно работают в Воронеже. Правда, в 2020-м пропустили — пандемия. А в нынешнем были!

Повторюсь: все мои бывшие и нынешние (мои!) — лауреаты различных федеральных и областных конкурсов. А Наташа Фокина просто звезданутая — у нее дипломов и грамот, наверное, больше, чем у меня.

На пути гибели

Губернатором Воронежской области стал Алексей Васильевич Гордеев. А начальником управления областной администрации — со сложным названием, но, по сути, начальницей всех областных государственных СМИ — стала Оксана Владимировна Соколова (не к ночи будь помянута).

Об Алексее Васильевиче несколько слов скажу позже. Мы с ним знакомы. Нет, правда... С нынешним губернатором Александром Викторовичем Гусевым, к примеру, я знаком, а он со мной — вряд ли. Несколько раз мы пересекались, но он об этом наверняка не помнит. Попозже расскажу...

А Алексей Васильевич... Как-то в первый год его работы в Воронеже меня пытались представить губернатору. Он перебил:

— Мы знакомы.

Я поразился: ну и память!..

...Однажды мне позвонили из коридоров областной власти:

— С вами хочет встретиться Оксана Владимировна Соколова.

...В приемной не ждал — практически сразу пригласили к царице.

— Виктор Алексеевич, проходите! Чаю поьем! — радушно пригласила большая начальница. — Я знаю — вы зеленый любите.

Разговор был дружеско-деловым — нормальным, короче. Испугал только один вопрос:

— Виктор Алексеевич, если под публикации о работе Алексея Васильевича займем 40 процентов площади районов — это не мало будет?

Я ужаснулся: тогда районкам придет конец — на реальную жизнь просто места не останется. Но — честно — спорить не решился, промолчал...

А спустя несколько недель редакции районных газет получили квартальные госзадания. В них все

расписано: столько-то полос за квартал должны отдать под культуру, столько-то — под образование и т.д. Под освещение деятельности губернатора — 40 полос! Тогда семилукская районка выходила три раза в неделю на четырех полосах. Но 40 полос! Просто: это целый месяц из трех нужно публиковать материалы только о губернаторе! Ужас!

Мы в Семилуках с коллегами решили: попу рвать не будем! Публикуем только те тексты, что с припиской. Были такие: материал, а к нему приписка: поставить на вторник. Или, к примеру, на четверг.

Чем это грозит? Ну, шефа не выгонят. Я к тому времени был слегка известен и в московских журналистских кругах. Чем рискует коллектив? Лишением премии по итогам квартала. Так и сделали!

Смешно и грустно! Некоторые районки указивку стремились выполнять — госзадание же! И к концу отчетного квартала, не укладываясь, выглядели так: на первой полосе — о губернаторе, на второй — тоже, и на третьей капельку. Это в одном номере!

Квартал кончился — потребовали отчет. Максим Оконь и Володя Стрыгин стали заполнять. Надо же не просто цифры, а еще и заголовки публикаций. Титанический труд! Но по их отчету получалось: мы все выполнили!

Но если будут анализировать — конец! Эти отчеты защищали перед созданной областной властью комиссией.

Председатель комиссии — начальник управления по печати, занявший высокий кабинет после Ивана Щелокова, поступил гениально. Пока члены комиссии листали наш отчет (в нем же и экономика была реальная), поговорил со мной о делах редакции скорбных... Когда экономисты закончили, начальник спросил:

— Все в Семилуках нормально? — и первым среди членов комиссии поставил подпись под нашим отчетом.

Потом так и отчитывались.

И все-таки... Главный редактор «Коммуны» (тогда) Виталий Жихарев в одной из своих публикаций подсчитал: региональная пресса в первые годы работы Алексея Васильевича написала о нем больше, чем обо всех предыдущих губернаторах, вместе взятых. Помнится, так.

Оказалось, это были цветочки. Ягодки — очень поганые — впереди.

Из кабинетов областной администрации кто-то изъял (спер!) служебную записку Оксаны Соколовой губернатору. Копия этого документа где-то валяется в моих домашних архивах. Правда, без резолюции губернатора — в моей копии ее удалили. Но я читал и резолюцию: губернатор в принципе давал добро.

О чем же записка? Коротко. В районах работают бездари, популярность у читателей они (и бездари, и газеты) не пользуются. Разумнее и дешевле угробить их, сделав вкладками либо к «Воронежскому курьеру» или «Молодому коммунару» (тогда «Коммунар» еще был жив и здоров.) Текст, конечно, был заумно глаже: контент, информационная обеспеченность... Но суть я передал стопроцентно точно!

Мы, главные редакторы районок, понимали: наши учредители (власть) имеют право делать с газетами все, что им заблагорассудится. Но ведь предложение было явно... (хочется матернуться, но скажу цивилизованно) некомпетентным. Только один факт: совокупный тираж районок области был примерно 170 тысяч экземпляров — во много раз больше тиража всех газет области, учредителем которых является власть. Вместе с «Коммуной» — она тогда была частной газетой. Но госпоже Соколовой померещилось иначе.

И мы, редакторы, решились на бузу. Родили открытое письмо Алексею Васильевичу Гордееву. Обратились в несколько воронежских газет, в том числе частных. Все, как одна, опубликовать обращение отказались. Чтобы не возвращаться, скажу: победить в этой битве, ставшей известной на всю Россию, нам помогла «Коммуна» и ее главный редактор Виталий Иванович Жихарев. Честно: я знал, что он недолюбливает районки (но не районщиков!). За то, что их материально — в той или иной форме — поддерживает власть. Жихарев тогда лично и не раз выступил в «Коммуне», старейшей и уважаемой газете, однозначно поддерживав нашу позицию.

Что делать? Районную прессу тогда курировал вице-губернатор Юрий Владимирович Агибалов. И коллеги приказали: пробивайся к нему на прием!

Тут самое время объяснить: почему приказали мне? В самом начале девяностых главные редакторы избрали совет редакторов. Председателем (как коллеги говорили — бригадиром) избрали меня. На ближайшие 25 лет.

Честно сказать, должностишка так себе. Юридически ни совет, ни бригадир никак не оформлялись. Просто — неформальный лидер. Ну, в силу того, что стихи пишу, публицистику печатают — иногда в столичных изданиях. А главное — рост 192 см. Наверное, так.

Звание это не жмет (не жало). Раз пять за все годы ребята об этом вспоминали. В предконфликтных и конфликтных ситуациях.

К вице-губернатору на прием пробился на удивление просто. Говорили нормально — по тону и обращению Юрия Владимировича не почувствовал, что разговариваю с представителем областного истеблишмента. К тому же он оказался поклонником моих опусов. Похвалился: даже вырезает из газет.

Но... Первые, наверное, минут пятнадцать он пытал, как к нам попала служебная записка Соколовой. Я крутился, как еж. Он почти по-дружески:

— Ты же не хочешь, чтобы меня уволили. Я не для того, чтобы наказать кого-то. Просто чтобы канал перекрыть — могут же и другие служебные документы пропадать.

Пока он давил, я сориентировался.

— Юрий Владимирович, был на недавнем совещании в администрации области. В перерыве пошел покурить — папку на столе оставил. Вернулся — бумага лежит.

И — язык мой — враг мой:

— Отпечатков пальцев кроме моих нет.

Агибалов посуровел, дружеский тон несколько изменился. Но — на пару минут.

Потом долго говорили о ситуации с районками. Вице-губернатор внимательно слушал, переспрашивал.

— Виктор, напишите с коллегами письмо на имя Алексея Васильевича. Гарантирую одно: к нему на стол оно попадет без проволочек.

Письмо сочинили. Юрий Владимирович слово сдержал.

Чтобы закончить о встречах с вице-губернатором, скажу: он предотвратил и увольнение одного из моих коллег, который почему-то сразу не понравился вновь назначенному главе администрации одного из районов. И еще, ну очень субъективно: в разговорах имя царицы Юрий Владимирович не поминал: показалось, он ее побаивается.

О нашей бузе кипел интернет. Виталий Жихарев (он тогда был еще и руководителем областной журналистской организации) проинформировал и тогдашнего председателя Союза журналистов России Всеволода Леонидовича Богданова (просто похвалюсь: он — автор предисловия к двум моим книжкам).

Вскоре власть пригласила Богданова в Воронеж. Губернатор собрал нас, главных редакторов, на совещание. С самого начала поняли: идея похоронить районки похоронена сама. Но у нас-то кипело!

Выступила тогдашняя редактриса из Репьевки Людья Абрамова. Эмоционально и с болью говорила о районках.

— Я знаю, Людмила Геннадьевна, — пытался остановить ее Гордеев.

— Нет, я скажу до конца! — И Людмила продолжала.

Пришла и моя очередь. Сказал, что в конфликте процентов на 70 виновата власть — ведь с нами даже не поговорили.

— Я понял, Виктор, давайте не будем дивиденды делить.

Иван Щелоков — наш многолетний руководитель управления по печати и коллега (со студенчества — мой товарищ) уже не приглашался ни на какие совещания с журналистами. Не получал никаких указивок от власти. Как-то сказал мне:

— Считай, что я уволен...

Вернусь к совещанию.

— Алексей Васильевич, 17 лет нашим руководителем был Иван Александрович Щелоков. Мы пережили с ним разгул демократии, не потеряв ни одной газеты, не разбежались редакторы. А сегодня Щелоков практически не у дел. Мы не собираемся просить оставить его нашим руководителем — не наш вопрос кадровая политика власти. Но уверен: работу Ивану Александровичу надо помочь найти.

Губернатор кивал, что-то записывая.

Забегая вперед, скажу: через некоторое время Гордеев пригласил Щелокова и предложил ему возглавить редакцию журнала «Подъем».

Не утверждаю, что моя пламенная речь сыграла роль. Может, совпадение, может, звезды сошлись. Но что было — то было.

...Нелирическое отступление. Капельку подтвердилось утверждение Соколовой, что в районках работают и... не очень умные. Один из редакторов на совещании

о судьбе газет вдруг стал говорить, что району нужна новая больница... Кто тебе полномочия давал, придурок? На это глава района есть...

Совещание закончилось без эксцессов. В завершение губернатор сказал:

— Любые стратегические решения, касающиеся районных газет, будут приниматься после согласования с вашим советом редакторов.

Не в смысле, что совет будет добро давать, в смысле — информировать и выслушивать наше мнение — я так понял.

Свое слово Алексей Васильевич НЕ сдержал...

А районки были на пару месяцев — максимум — от гибели. Энергичная женщина — Соколова...

Завершая эту главку, скажу: ситуация была непростая. Бывали случаи, когда нас не очень охотно пускали на самоорганизованные встречи в домжур, мы же смутной пахли. Собирались в Кольцовском сквере — благо, тепло. Чего не было — так это предательства и трусости редакторов. Самодельные совещания организовывал я. Звонил аннинскому редактору Коле Облову, таловскому — Мише Бочарникову, еще кое-кому. Других не называю, среди них еще и действующие есть. А эти ребята — пенсионеры, им не навредить, даже если бы кому-то в голову пришел этот дебилизм. Они обзванивали остальных. И на сходки приезжали минимум 28 редакторов из 32. Оставшиеся либо в отпусках были, либо приболели.

И еще раз — поклон Жихареву: спасибо за поддержку, Виталий!

Под лапой монстра

Чтобы понятно было: монстр — это РИА «Воронеж» — детище хорошо известного в области медиаменеджера (назову красиво) Ильи Анатольевича Сахарова. В начале прошлого десятилетия (не буду искать, в каком точно году — я ленив) липчанин стал заместителем руководителя областного департамента, который курирует государственные СМИ. Воспоминания о Сахарове неоднозначны, хотя региональные интернет-площадки рисовали его почти исключительно негативно.

Мой субъективный портрет Ильи. Энергичный, умеющий определять цели и достигать их — отличный организатор. Не мстителен, по крайней мере — по мелочам. (Крупных взаимонепониманий не было.) Умеет убеждать. Умеет делать вид, что внимательно слушает, но поступает по-своему, не очень озаботившись мнением собеседника. С моей точки зрения, отлично владеет компьютерной техникой. Из личного: очень любит дочку.

Говаривал:

— Не бойтесь критиковать начальников, если аргументировано и по делу — поддержим!

Успел поддержать даже меня, хотя работал с ним не очень долго.

Вот и все, пожалуй.

Начал Илья отлично. Называю по имени не потому, что был с ним на дружеской ноге — далеко нет. Просто человек, заинтересовавшийся этим текстом, попросил: поменьше отчеств — не модно.

Познакомились. Я протянул руку, назвал себя.

— Знаю, — сказал Сахаров. — Лом.

Я не понял: что ли на рост намекает? Мне, дикому провинциалу, тогда не приходилось встречаться с этой, как оказалось, аббревиатурой.

— Лидер общественного мнения — ЛОМ, — пояснил Сахаров.

Началась интенсивная — и по делу — учеба редакторов районков. До сих пор (десять лет прошло точно) помню москвича Дмитрия Сурнина. Это не лекции были — беседы маститого с менее маститыми. Со спорами. Причем не свысока, а на равных. Я на встречи с ним молодяк свой возил — Наташу Фокину, Володю Стрыгина.

А встречи с секретарем Союза журналистов России (похвалюсь — моим давним знакомым) Владимиром Касютиным? Это же почти напрямую руководства к действию.

Потом Сахаров поменял систему оплаты труда в районках. Нашел нужным объяснить мне почему. Логично и по-человечески: районки покрепче экономически ничего не теряли. Те, кто послабее (я уже говорил, в маленьких районах трудно нормально зарабатывать на рекламе), получили возможность гарантированно получать чуть побольше, чем зарабатывали до того.

Он и потом считал нужным объяснять мне свои решения, но постфактум. Наверное, самым тупым считал...

И так далее и тому подобное.

Мы в Семилуках начали применять в работе советы маститых первыми. И получалось, судя по всему! Во всяком случае до моего ухода на пенсию у «Семи-лукской жизни» — единственной районки в области — не было куратора. (О кураторах позже.)

Результаты приветствовались в Воронеже. А наверное, через полгода большинство районков области хотя бы внешне стали похожими на современные газеты. Так что говорить, что Сахаров только и делал, что душил районки, не совсем верно. До создания РИА было неплохо — так, по крайней мере, помню.

...Чуть не забыл! А за это я готов был наградить Илью Сахарова медалью имени Лютова! С его приходом практически пришло к нулю влияние на районки госпожи Соколовой. Канули в Лету госзадания на 10–15 страницах, как и отчеты об их выполнении. Нет, форма — госзадание — осталась. Но суть изменилась. Нам стали присылать готовые тексты по тем или иным проблемам, которые явно могли быть интересны читателям. А наши специалисты (с помощью журналистов районки, естественно) рассказывали, как дела с решением этих вопросов в районе. Это было неплохо!

Последний мой контакт с Ильей Сахаровым был в декабре 2014-го. По телефону. В отделении железнодорожной больницы, которым руководит Леонид Эмильевич Антипко, мне только что сделали операцию на позвоночнике. Привезли в палату, бросили на кровать. И тут звонок. Сахаров:

— Виктор Алексеевич, говорить можете?

— Могу.

— Вам Касютин привет передал. Просил сказать: молодец вы. Из редакторов ушли, но свое место в газете точно нашли. Он читал ваши последние публикации.

Да. Публиковать в районке меня запретили уже при шефине. А тогда я еще вел свои рубрики: «Взгляд из провинции», «Заметки дилетанта».

Фактик маленький. Но Сахаров от души радовался любым успехам районщиков...

...Очень личное. Почему назвал Леонида Эмильевича Антипко? У него репутация великого нейрохирурга. А я добавлю: великолепный Мужик! И очень мужественный. Знаю, что говорю, поскольку знаком с некоторыми — не очень веселыми — моментами его личной жизни — он сам мне рассказывал. Врагу не пожелаешь! О нем можно книжку писать. Мы почти подружились. Я к нему обращался не раз. Операция освободила меня от болей. Но прилично ходить так и не смог...

***

О РИА и писать противно. Но из песни слова не выкинешь.

Вскоре Илья приступил к созданию этого монстра.

Большинство коллег приняли это как солдатки: приказы не обсуждают. Точнее, как солдатки: количество женщин среди редакторов районок стало зашкаливать. Без оценки, как факт.

Два с половиной редактора, в том числе и я, слабо возражали. Но... Сахаров говаривал мне:

— Виктор Алексеевич, вы ничего не понимаете — это же настоящая семья будет.

Как-то предложил: давайте не всех в РИА загонять. Тех, кто экономически посильнее, на свободе оставить.

— Другие обидятся, — лениво сказал шеф.

На что? И потом: такого понятия — обидятся — в экономике вроде нет.

Кстати, в Новосибирской области (наверное, не только там) так и сделали. Сильных оставили на свободе.

Сразу скажу: семьи не получилось. Наверное, еще и потому, что глава семьи оказался уродом. Нет, не Сахарова имею в виду — контору РИА.

«Семилукской жизни» и мне лично чуть повезло: из-за ошибки, допущенной в конторе в регистрационных документах, мы вползли в чрево монстра позже остальных

У нас потихоньку сократили одну штатную единицу журналиста. В других редакциях стали отбирать бухгалтерию, перенося все в контору РИА.

— Это у вас в Семилуках порядок, — объяснял Сахаров. — В некоторых редакциях такой бардак — бухгалтер и редактора сажать надо!

Спаситель, блин! Без него десятилетия жили — никого не посадили. Да в районках и нарушить-то можно на выговор и два дня условно!

Забрали бухгалтерию и у нас — правда, уже после моего ухода. Это у рентабельной газеты!

И контора с первых дней стала грести копейки под себя. Приходили странные приказы: выплатить премии всем сотрудникам, кроме редакторов, в размере окладов. Я обратился тогда к заместителю руководителя департамента по экономике Татьяне Борисовне Солодухе.

Она объяснила четко: вас дурят! Да и такого понятия, как оклад, нет: есть оклад с персональным повышающим коэффициентом. Это почти цитата.

Спасибо за порядочность, Татьяна Борисовна! Надеюсь, не подставляю вас?

Вскоре бухгалтерши РИА и след простыл. Сахаров сообщил мне об этом, явно рассчитывая, что я получу незабываемое наслаждение. За что ее уволили — мне неинтересно.

...Все перечислять — долго и нудно. Илья Сахаров стал руководителем департамента. Директором РИА «Воронеж» назначил шефиню. Думаю, Сахаров быстро понял, что ошибся. Но районки стали для него не главным направлением работы. До сих пор мечтаю: может быть, при нем, отвечавшем, как зам, за районки, хоть что-то получилось бы?

***

... Однажды шефиня приехала в «Семилукскую жизнь» с первым визитом. Ребята со мной работали... демократичные. Нет, если согласны — задания шефа выполнялись как в армии: точно и в срок. А если я не очень прав по их мнению? Тогда раскатывали по полной: с юмором и сарказмом, как сам люблю. Честно: случилось, при всем коллективе перед кем-то из них извинялся.

Не хочется, но скажу: случилось, что они браковали мои материалы! Правда, за все 25 лет редакторства всего три раза — точно помню. А я был писучим редактором.

Вот и с шефиней так: вопросы стали задавать. Не то чтобы очень острые, но не гладкие.

Она ответила жестко:

— Как было при Лютосе — не будет никогда. Те времена прошли. А кто недоволен — с вещами на выход! Незаменимых нет!

...Время показало: ушедшие из нашей районки ребята и девчата до сих пор незаменимы...

Очень подробно ездить по монстру РИА «Воронеж» и шефине не буду. Писал в интернете несколько раз. Кому интересно — заголовки публикаций: «Как угробили «Семилукскую жизнь», «Как угробили «Семилукскую жизнь» — 2», «Пустили Дуньку в Европу»... Это годы, наверное, с 2017-го по 2019-й. В фейсбуке, в ОК, на портале «Четыре пера», вероятно, еще можно найти, кому интересно. Но кое в чем повторюсь.

Всучили новую систему оплаты труда — заработок ребят сократился, по их мнению, процентов на 30. Помоему, приврали: как-то прикинул: процентов на 25 максимум. Припомните: это после кризисной инфляции 15–16-го годов, когда покупательная способность рублика и так бухнулась!

Как-то шефиня приехала к нам с табуном своих коллег-женщин. На совещании я спросил: как умудрились купить фотоаппараты для редакций оптом по цене выше розничной?

— Не дай вам бог узнать, как сложно провести покупки через областное финуправление! — с некоторым презрением ответила одна из дам.

Мы ужаснулись. Эти, с позволения сказать, «менеджеры» даже не представляли, что тендеры и конкурсы проводятся с целью максимально дешево приобрести товары и услуги! Правда, чтобы так получилось — работать надо. Кто-то из моих ребят позже предположил: «наварили», наверное! Подчеркну: это только предположение.

Обещал про принтеры. Повторюсь: купленные еще мной недорогие принтеры, которые были практически у каждого сотрудника редакции, контора отобрала. Привезли новую машину — принтер, сканер и еще чего-то — в одном. Стоимость — под полтинник. Тысяч рублей, разумеется. По слухам — приобрели их с одной целью — бумагу экономить. Они листы считать умеют. Я в оргтехнике ни в зуб ногой. Что-то не прижились они в районках. То ли коллеги с ними не очень вежливо обращались? Позже оказалось: одна заправка картриджа этого принтера стоит почти столько, сколько все у нас отобранные!

Чудо-принтеры приказали привезти в контору. И наши не вернули. Дальнейшая их судьба мне неведома...

И последнее об экономике. Несколько лет назад шефиня «реформировала» нашу газету: выходили дважды в неделю — стали еженедельником. А задание по сбору рекламы осталось прежним. Как так?

Как корректор заявляю. Сверяю заказы на рекламу в оригинале и в полосе. Есть заявки сразу, к примеру, на два месяца. При двухразовом выходе — это 16 публикаций. При еженедельнике — восемь. Как в такой ситуации заработать одну и ту же сумму?

Достаточно, больше не хочу. Немного расскажу о «творческой стороне» деятельности конторы. Уже писал об этом.

По инициативе Ильи Сахарова в чреве РИА «Воронеж» родился многостраничный «Регламент». Указивка — как писать тексты. Видимо, с благородной целью: научить нас, бездарных районщиков, писать более или менее вразумительно. По-моему, этот документ вполне может претендовать на «шнобелевскую» премию. Нет, песчинки здравого в нем все-таки были. Но... На отделении журналистики ВГУ (а я заканчивал еще отделение) нас учили (а потом и личный опыт подтвердил): профессиональный журналистский текст характерен тем, что в нем есть информация (факты), мысли (анализ или хотя бы попытка) и чуть-чуть эмоций. «Регламент» предполагал, что мысли и чувства на фиг не нужны. Уже позже, когда я стал корректором, случилось такое: материал, признанный в нашей редакции лучшим за месяц, напрочь разбивался куратором — не по «Регламенту»! «Жираф большой, ему видней» (Высоцкий). Это при шефине...

Тут уж о себе любимом в лоб: я на этот «Регламент» наплевал! Это, к слову, и о внутреннем цензоре. Никто не учил жить. Куратора у «СЖ» еще не было. Сахаров относился к этому... нормально. Кстати: он ввел ежемесячное подведение итогов работы районок. Определялись лучшие газеты и авторы. «СЖ» довольно часто признавалась лучшей газетой месяца. (Ну не ежемесячно же!) Чтобы не возвращаться — при нем наша районка дважды становилась лучшей газетой (в масштабе РИА) года.

А ребята стали коллекционировать дипломы РИА. По-моему, больше всех получила Наташа Фокина. И за тексты, и за фото — она снимает отлично. Сам Андрей Архипов (известный воронежский фотожурналист) похваливал.

Все эти успехи давали моим ребятам какую-никакую «мазенку» — премии за победы. «Мазенкой» один мой коллега называл денежку.

Сахаров создал институт кураторов. Тоже с благородной целью: в ходе работы учить районщиков писать «еще» лучше. У «СЖ» куратор появился примерно через год после моего ухода с редакторской должности.

Коллеги-редакторы еще года два после моего ухода изредка позванивали. Они сомневались в квалификации некоторых из этих кураторов. Не утверждаю. Расскажу только о том, что знаю сам.

...К слову: звонки коллег давно прекратились.

*Я один постою в сторонке —
Карантин нарушать нельзя.
Забывают враги тихонько,
И гораздо быстрее — друзья.*

Это из моих стихов. Такова жизнь... Дальше стихотворные цитаты — только из меня.

Наш куратор(-ша) реально понимал в русском языке. Ее замечания в основном были вменяемыми: стиль, неверно используемые слова... В общем-то, по делу, но по мелочам.

Позже, самозахватом, ее полномочия стали расширяться. Первым делом — ЦУ: чтобы фамилия Лютова на страницах «СЖ» и близко не светилась!

Молодая коллега написала материал о встрече с войнами-«афганцами» — вы понимаете, о ком речь. По-моему, неплохо написала. В конце текста — мыслешка: побывав на этой встрече, журналистка (молодая — подчеркну) реально поняла, что есть кому защищать Родину... Нет, написано было гораздо красивее и точнее по смыслу. Лень искать цитату.

Окрик кураторши: уберите окончание, молодая еще собственное мнение иметь!

Без комментариев...

Откуда-то появилось право снимать материалы из номера. Была даже попытка влезть в кадровую работу редактора...

Сегодня я — корректор. Читаю информашку в полосе. «В совещании приняли участие директор крупного Землянского предприятия, замдиректора одного из Семилукских заводов»...

— Что за бред? — спрашиваю у редактрисы. (Сегодня уже бывшей.)

— Кураторша сказала, что в данном тексте полное название предприятий и имен их руководителей — реклама. Так юрист объяснил...

—???

Может, я от жизни отстал? Уже почти семь лет не шеф. Может, за это время в законе о рекламе что-то изменилось? Коллеги, читающие этот опус, оцените сами. Я не знаю, раньше такой дичи в законе о рекламе точно не было.

Госзадания. Полоса под заголовком: «Узловой зоб на контроле». Рубрика, кажется, «Ваше здоровье». Читающие меня коллеги! Вы поняли, что без такого текста, в котором спецу разобраться трудно, районка просто не может обойтись?

Или полоса в районках о том, как записать ребенка в детский сад через интернет. Как без нее жили в райцентрах области? В селах-райцентрах до единственного

порой детского сада 15–20 минут ходьбы с любой окраины. И эти проблемы как-то привыкли решать лично. Кстати, в Семилуках — тоже.

Но ведь через интернет круче! Правда, если он есть, если стабильно работает. И, наконец, если его освоили жители райцентра.

Возникает вопрос: где живут несчастные люди-дикари? В районах, в конторе?

По-моему, при шефине институт кураторства превратился в группу охранниц (говорят, большинство — женщины), обеспечивающих на страницах районов личный покой шефины.

Специально использую давние примеры. Чтобы как-то ненароком не подставить нынешнего шефа. Свежих тоже немало. Хотя по слухам, вроде что-то меняется.

Такое «руководство» конторы привело к тому, что из последнего звездного состава «СЖ» остались двое. Ну, если меня не считать. Тираж рухнул. Экономика, естественно, тоже.

Что делать и кто виноват — судите сами. Но то, что мины замедленного действия, по крайней мере, под «СЖ», заложил Илья Сахаров — убежден.

А шефиня... Одно яркое качество, по-моему, у нее точно было: наглость. Впрочем, могу ошибаться — другие, наверное, тоже были. Но не стоит так много о плохом...

Я ушел с должности главного редактора «СЖ» 1 сентября 2014 года. Уточняю: ушел сам. Ну какой главный редактор из мужика, ползающего с тросточкой? Илья Сахаров тогда выразил легкое неудовольствие: мог бы еще немного поработать. Не знаю, от души или из вежливости. Но точно не без его участия я был награжден почетным знаком «Благодарность от земли Воронежской». И вручал его лично Алексей Васильевич Гордеев...

После меня главными редакторами «СЖ» были Максим Оконь, Елена Головань, Инна Щетинина. Сегодня редакцией руководит (насколько позволяет контора: экономики нет, содержание контролируют кураторы) Владимир Стрыгин. Из последнего золотого выводка семилукских журналистов.

Четверо за неполные семь лет.

Чуть подробнее о Лене Головань. Читатели «АН» знают ее — пишет очень! От нее узнал любопытный факт, от которого потянулась ниточка. При ее назначении нашим шефом конторская шефиня настойчиво попросила избавиться от Лютова! Лена говорила об этом в ее присутствии — та даже не пыталась опровергать. Ниточка потянулась. И оказалось: такая просьба была ко всем назначаемым редакторам «СЖ»! Только про Инну Щетинину не знаю.

Удивлен безмерно: неужели шефине было так сложно меня выгнать? По-моему, варианты имелись. Видимо, побаивалась: я же когда-то слегка известным был.

Рассказываю об этом не ради самовозвеличивания. Подчеркнуть хочу: никто из ребят не сдал меня! Из-за этого у них случались неприятности, правда, мелкие. Например, Володя Стрыгин до назначения главным редактором долго-долго был и.о. А ведь каждому из назначаемых редакторов я говорил: утром попросишь

меня уволиться — к вечеру заявление напишу. Почему к вечеру? Написал бы точно, но подумав. Так, для формы.

У читающих этот опус мог возникнуть вопрос: почему фамилию шефины не склоняю по всем падежам? Потому что год назад она ушла из директрис РИА «Воронеж». Или ее «ушли» — кто знает, что творится на этажах власти. Некоторые коллеги считают, что к достижению этого счастья и я руку приложил — своими публикациями. Не знаю. О необходимости вливания новой крови в РИА «Воронеж» наш губернатор говорил еще в конце 2019-го. К тому же образ ее для воронежских журналистов легко узнаваем. А для коллег из других областей какая разница — Таня или Маня? В публикациях прошлых лет в интернете, о которых уже говорил, проходилась по ней и некоторым ее коллегам при полном параде: с именами и должностями. Да и суть не только в ней, хотя она конкретно приложила недобрую руку к «СЖ». И уверен, к воронежским районкам в целом. После нее месяцев десять была другая шефиня — сама уволилась. Месяца два назад назначена следующая...

А Монстр-то жив. И воспитать из него что-то приличное, на мой взгляд, невероятно сложно. Ну, а поскольку, полагаю, жить он будет долго — воспитывать надо.

И районки... То, что из добрых побуждений (надеюсь) пытался внедрять Сахаров, было извращено с точностью до наоборот. Его недоброе расплодилось буйным цветом. Так что сложно отношусь к Илье Анатольевичу...

Но пациенты — районные газеты — все равно скорее живы, чем...

...Недавно прочитал в одном интернет-СМИ информацию о том, что РИА «Воронеж» готовится продать 18 старых автомобилей. При прежней шефине большинство из них просто гнило. Это решение нового руководителя. Провинциально нагло оценю: по-моему, верное!

Искорка света в конце тоннеля?

В списке авто увидел «Фиат Дукато». И снова воспоминание. Несколько таких авто покупались за счет еще самостоятельных районов, чтобы осуществить несбывшуюся мечту Ильи Сахарова: организовать силами РИА доставку газет до районных почтамтов. Мол, дешевле будет, чем почтовое экспедирование. «СЖ» принудительно скинулась — вложила в лопнувшую идею 400 тысяч рублей. Другие — суммы поскромнее...

И совсем уж дикое предположение. Сахаров за светился и на федеральном журналистском уровне. И у него, возможно, появилась мечта о карьере. В Москву, в столицу! Отсюда — гибель «Молодого коммунара» (странной, на мой взгляд, газеты в его годы, но с группой отличных журналистов). Появление «Семерочки» — бесплатной газеты тиражом 90 тысяч экземпляров. Это что, поддержка бедных??? Скорее, исполнение личной идеи Ильи. Современная красивая газета могла привлечь столичных: вот как он умеет! Она и была замечена в столице. Но, мне кажется, второй «Моешки» не получилось, даже бесплатной. Когда-то, при ее рождении, Сахаров мечтал, что через пару лет

«Семерочка» будет самокупаемой. Исполнилась ли эта его розовая мечта — не знаю. Судя по тому, какая инфля и слухи доходят до меня — нет. Но ведь «Воронежский курьер» сегодня, по-моему, тоже отвечает многим современным требованиям к печатной прессе!

Коллеги воронежские, извините за этот бред (предыдущий абзац). Это меня со свиным рылом в калашный ряд занесло! Не моя компетенция. Так, предположения бывшего главного редактора хорошей районки.

...Прочитал написанное. Остало в очередной раз понесло. Сколько еще хочется добавить! Ведь эта работа (что работа — точно) всколыхнула столько воспоминаний! И забугорные командировки (Амстердам, Брюссель, Париж, Прага, Брно, Карловы Вары...). И фестивали «Пресса — вся Россия» в сочинском Дагомысе, на которых я был раз девять и привез оттуда несколько призов — личных. Не могу удержаться, только один момент: на фестивалях тогдашний председатель Союза журналистов России Всеволод Леонидович Богданов давал мне слово. Я со сцены читал стихи (свои) российским коллегам (их в зале было больше тысячи) — слегка поддатым, слегка трезвым и просто трезвым. И становился знаменитым на все время фестиваля! С настоящими великими познакомился и по рюмке чая с ними принимал! Короче: чуть-чуть прикоснулся к настоящей славе! «Какие женщины на нас бросали взоры!» (Окуджава). Поклон, Всеволод Леонидович!

...Очень хочется привести один из опусов, который я читал в сочинском Дагомысе! Если скучно — не читайте!

Всеволоду Богданову

*Лежат на пляже дамы
Во всей своей красе.
И к солнышку задами
Повернутые все.
А я слону глотая,
Во рту моем — ручьи.
Они красой сверкают.
Но жаль, что не мои.
От этой мысли — грустно.
Откуда ни возьмись,
Но в мой кочан капустный
Пришла другая мысль.
Не пропадет Россия
(Слова мои — не лезть),
Когда зады такие
У дам российских есть!
Ах, ересь-то какая!
Стыжусь сказать я всем:
Здесь дамы загорают
Без лифчиков совсем.
Тут велики затраты.
И мой готов ответ:
Наверно, небогаты —
На лифчик денег нет...
А этот факт — обидный.
На пляж из года в год
Не ходит Леонидыч,
Который Всеволод.*

А впрочем — все нормально.

Вам сообщить я рад:

Он — высокоморальный.

Боится — соблазнят.

А в Дагомысе — славно!

Слегка известен тут.

Великие на равных

Мне руку подают.

Хожу тут, горд собою.

Пью водку и вино.

А руки год не мою.

И ноги заодно.

На черноморском берегу

Пришла такая мысль:

Последний раз, коллеги,

Нас принял Дагомыс.

Немного грустно станет:

Ведь здесь не жизнь, а рай!

И все же — до свиданья,

А вовсе не — прощай!

И в трудную минуту,

Храни нас, бог, от бед!

Все. Точка. Виктор Лютов,

Не Байрон, но поэт.

Фестивали продолжились, но уже не в Дагомысе — в «АкваЛоо», в сочинских отелях. Этот был последним, в котором участвовал...

К слову: мои коллеги в наши лучшие времена тоже много где побывали. Только в Сочах на журналистских фестивалях и тусовках были Сергей Елисеев и Лена Старкова (не по разу), Наталья Фокина, Владимир Стрыгин... Не говоря уже о поездках в Москву и других, не очень дальних.

Как? Просто. Говорил уже, что ребята талантливые. Попадали в областные делегации даже по другим ведомствам (к примеру, была командировка по линии областного департамента сельского хозяйства). По линии областного управления по печати. По приглашению. И, наконец, за счет редакции «СЖ». На пару дальних командировок ребят в год у нас денег хватало.

Обращался к начальнику областного управления Ивану Щелокову: можно?

Он отвечал:

— Это твоя компетенция. Только имей в виду: с деньгами просчитаешься — не помогу. Другим редакциям тоже жить надо.

Господи, не нужна помощь! Добро дал — и спасибо! И, как правило, ребята привозили из этих поездок призы. Иногда — личные, чаще — для редакции.

Лирические отступления. Лена Старкова стала лауреатом всероссийского журналистского конкурса за материал об «Атаке мертвецов» — подвиге русских солдат (большинство из них было родом из семилукского села Землянк) в годы первой мировой войны. Ее пригласили на фестиваль «Пресса — вся Россия», состоявшийся уже в сочинском «АкваЛоо». Она получила призы для нашей редакции и личный, в придачу к которому — несколько сотен долларов. Потом, смущаясь, спросила:

— Можно, я их себе оставлю?

Конечно, победа-то личная!

Когда лауреатом становилась редакция, премии на всех ЖУРНАЛИСТОВ делили.

Но самое интересное в другом. В Лоо проводился конкурс журналистов на лучшее «воспевание», что ли, этого комплекса. И Елена умудрилась победить, получив путевку на 10-дневный (бесплатный) отдых! Правда, начиная с октября.

...Иной раз послушаешь ее — сквозняк в голове. Но... увлечется какой-то темой, погрузится в нее и напишет... почти как богиня...

Отступление 2. Наташа Фокина становится лауреатом какого-то всероссийского журналистского конкурса. Ее приглашают в Москву на вручение приза и премии (очень неплохой по размеру!). Мой преемник (я уже не редактор) пишет монстру РИА служебную записку — командуйте Наталью! У нас уже ни своей бухгалтерии к этому времени, ни, естественно, расчетного счета. Речь идет о сумме в пределах 10 тысяч рублей, не больше. Из РИА — окрик: пусть едет за свой счет.

Наташе тогда предложил: давай помогу чуть своими пенсионными. Она отказалась:

— Я и сама не разорюсь, шеф. Я из принципа...

Премию ей просто перечислили на карту.

...И послать их хочется подальше русским нецензурным языком! Надеюсь, ясно, кого.

...Вот с такими ребятами и девушками работал!

По субботам на этом месте...

Эта рубрика родилась в 1993-м и практически еженедельно появлялась в газете до 2006-го. Потом... Из-за полосы трагедий, прошедших по моей жизни, прервалась. Года через два возобновили — правда, не с такой регулярностью. По просьбе земляков. Во времена Соколовой ее утробили окончательно...

А было так. В «Коммуне» тогда почти в каждом номере рисовал свои карикатуры Анатолий Петрович Бавыкин (не так давно ушел в мир иной — коронавирус). И рубрика: «На этом месте рисует А. Бавыкин». С молчаливого согласия «Коммуны» мы ее... взяли и чуть изменили: «По субботам на этом месте рисует Г. Морозова».

...Как-то на планерке ляпнул: могу к каждому субботнему номеру писать вирши на злобу дня! Поспорили...

Затащил в это болото Галину Яковлевну Морозову — она отлично рисует. (В 2015-м я сменил ее в должности корректора.) И понеслось!

Если кто-то из нас — Галина или я — уходили в отпуск — готовили стихи и рисунки впрок. Поверьте, все это было просто жутко сложно! Но мы держались!

...Это было опубликовано (без нашего ведома) в каком-то столичном издании. Рисунок: могилка, снег уже подтаял — видимо, март. На памятнике — дата рождения и ухода человека. У могилки на коленях стоит старушка и говорит: «Вставай, Ваня! Пенсию за январь принесли!» (в девяностых и пенсии, случалось, месяцами задерживали)...

Рубрика имела бешеную популярность. Опусы с рисунками А. Бавыкина стала печатать «Коммуна» под рубрикой «Диалоги от Лютова». Вначале стихи состояли из диалогов Вани с Маней, обсуждавших и бытовые, и политические проблемы запросто!

Об опусах тех времен вы можете судить по двум-трем, приведенным в этом тексте.

Потом Ваня с Маней ушли на покой — появился дед с хутора Красный Солонец. И просто иронические стихи на злобу дня. Из них процентов на 60 состоят мои книжки.

Повторюсь: после того, как Иван Щелоков был уволен с должности начальника областного управления по печати, рубрику утробили...

***

У меня — шесть книжек стихов. Ни одна не издавалась за мой счет (это сейчас запросто). Ни одну не просил напечатать — были предложения. В качестве аргумента: последняя (а, может, крайняя?) книжка «На мир гляжу веселыми глазами» издана в серии «Библиотека журфака» в прошлом году по предложению и усилиями декана факультета журналистики ВГУ Владимира Васильевича Тулупова. Спасибо, профессор!

Честно: заработал на них, вместе взятых, разве что на сигареты: я немного курю до сих пор. Бизнесмен из меня никакой: подарить — запросто, продавать не умею. В этом смысле я начисто отравлен социализмом!

...Приступая к этим заметкам, поставил себе три задачи.

Первая — не касаться политики. Кажется, с этим справился.

Вторая: не слишком выпячивать себя. Не знаю: и не то чтобы да, и не то чтобы нет. Как решат читатели. Аргумент для всех один: жизнь-то моя!

Третья: не очень приукрашивать! Перечитал: кажется, справился! Но... процентов на 90 (самокомплимент).

И — пожелания районкам и любимой «СЖ»: долгой жизни, успехов творческих и личных и зарплаты хотя бы чуть выше нынешней неприлично маленькой.

Монстру РИА «Воронеж»: перевоспитывайся, гадюка! И не забывай: в районных газетах тоже люди работают. И нередко более талантливые, чем в твоей конторе! Во всяком случае, я так думаю!

...Если вы, читатели, решили, что я закончил — глу-у-у-боко ошибаетесь. Еще немного — о встречах, людях... О тех, кто очень заметен в судьбе «СЖ». И в моей судьбе...

Штрихи к портретам

Я был знаком со всеми губернаторами лично, кроме В. Калашникова. О тех, о ком могу сказать пару слов, — скажу. Но не в хронологическом порядке.

С нынешним губернатором Александром Викторовичем Гусевым я знаком. Он со мной — вряд ли. Пересекались несколько раз. Вот два из них.

Оба мы стали лауреатами «Золотого фонда Воронежской области» по итогам 2008 года. В разных номинациях — он тогда, помнится, был руководителем крупного воронежского предприятия. Призы вручали в Воронежском драматическом театре. Я, конечно, читал стихи. Потерял их, но одну мысль помню: поздравил «Золотой фонд» с приобретением сразу центнера золота — столько тогда я весил. Потом, кажется,

уже на фуршетке, лауреаты и гости ходили от стола к столу. Или перед фуршетом? Впрочем, это не имеет значения. Короче, лауреаты поздравляли друг друга. Столкнулся с Александром Викторовичем. Меня ж раз увидишь — не забудешь — 192 сантиметра чистейшего интеллекта! Тогда будущий губернатор сказал что-то типа: у вас отличное чувство юмора, стихи слушал с удовольствием!

Потом уже с вице-губернатором Александром Гусевым мы встречались в кабинете генерального директора Семилукского огнеупорного завода Владимира Исааковича Энтина.

Пара слов об Энтине. Мы дружили. До одной публикации в районке. После которой он меня игнорировал. Потом он уехал на ПМЖ в Москву. Но на свой юбилей, который праздновал в Семилуках, все же пригласил. Я читал стихи, ему посвященные. Подарил памятный адрес с фото. На котором (Володя Стрыгин в фотошопе сечет) Энтин в одежде какого-то заморского графа. Под фото — подпись: картина неизвестного художника 18 века. На другой стороне адреса — стихи, естественно. Энтину и его гостям со всей России понравилось очень. Во всяком случае Владимир Исаакович из-за главного стола подходил ко мне, сидящему в конце зала, обняться...

Почему отвлекся? Об Энтине не могу не сказать. Но он — не герой этого романа, поэтому всего два слова: умница, человек с феноменальной памятью и таким же феноменальным чувством юмора. Так считали все (!) его семилукские товарищи.

...Возвращаюсь. Правительство области пыталось спасти тонущий огнеупорный. И конкретно эту задачу решал вице-губернатор Гусев, как я понял...

Попросил Александра Викторовича об интервью, поговорили несколько минут. Потом собеседник сказал: хорошо бы согласовать, неизвестно, что вы напишете. Я начал сопротивляться: интервью в номер, пока напишу и буду согласовывать... Поклялся: разговор короткий, ни одной детали не перевру!

Вмешался Энтин:

— Александр Викторович, не беспокойтесь. Лютов если и приврет — лыко в строку будет!

Вице-губернатор улыбнулся. И согласился.

Вот и все!!! Но на мой юбилей я получил личную телеграмму от губернатора Гусева...

***

Несколько слов о губернаторе Иване Михайловиче Шабанове. Уверен: не только я знаком с ним, но и он меня помнит.

Команда Шабанова побеждает на выборах губернатора. Через несколько недель узнаю: ликвидировано управление по печати. Ну и Иван Щелоков... Не ликвидирован, конечно, но перестал быть нашим шефом.

Многих моих коллег и меня эта новость повергла в глубокое уныние. Многие, мелкие даже, проблемки стали решаться с трудом. О Щелокове расскажу позже. Пока — два слова — он был доброй и понимающей «крышей» редакторов районки.

Не знаю — может, ликвидация управления по печати (в котором, к слову, работали максимум 11 человек. В монстре — больше сотни!) была просто неразберихой

при формировании новой команды. Мы, редакторы районки, обратились к Ивану Михайловичу. Управление было возрождено дней через 10. Начальником стал Иван Щелоков...

Тогда областная власть была какой-то... двухуровневой. Иван Михайлович Шабанов — губернатор, Александр Митрофанович Сысоев (тоже был знаком с ним) — председатель правительства.

Встречи редакторов с губернатором Шабановым были очень оптимистичными. Суть — все не так уж сложно, планов — громадье. А скоро будет еще лучше — федеральная власть чуть-чуть мешает. Мы же — «красный пояс»!

Пресс-конференции Сысоева были не столь радостными. Наверно, более реально говорили о жизни Воронежской области. И оптимизма не вызывали...

Контраст был настолько разительным, что замечали, по-моему, все журналисты...

***

Повторюсь: я и в мыслях не имею как-то оценивать работу губернаторов, с которыми так или иначе пересекался. У меня для этого ни информации нет, ни мозгов не хватит. Просто поверхностные личные воспоминания...

Вспоминаю губернаторство Александра Яковлевича Ковалева, душа теплеет.

Чуть отвлекусь. Многие — моего возраста и нездорово моложе — помнят, наверно, «Александр-шоу»: его выступления по воронежскому телевидению. Говорят, воронежские улицы в то время пустели: горожане стремились к телекам. В одном выступлении Ковалев мог всей душой поддержать Ельцина и почти обматерить ельцинского и.о. вице-преьера Гайдара. Думаю, немногие современные ток-шоу могут похвалиться такой популярностью у воронежцев, как выступления Александра Яковлевича...

Ковалев практически ежемесячно встречался с главными редакторами районки. Другие губернаторы нас таким вниманием не баловали.

Встречались в главном зале администрации, на шестом этаже. Вначале на столе появлялись пепельница, пачка сигарет и зажигалка: курил губернатор много. Чуть позже как-то сказал: курить бросаю. И бросил!

Проходило совещание примерно так. Руководитель — тогда еще комитета по печати — Иван Щелоков докладывал о нашем тяжелейшем положении. Мы в меру сил поднывали. Губернатору это надоедало. Он перебивал:

— Ничего, голодные злее будете!

Говорили о делах наших скорбных (точно скорбных)...

Дня через три мне звонил Иван Щелоков:

— Вить, еще месяца два протянем — Александр Яковлевич из внебюджетного фонда уже на счет нашего комитета деньги передал!

И так было много раз!

А его знаменитая фраза: «Без районки нет района»? Не знаю, как другие, но мой глава района при встречах говорил:

— Ну куда ж я от тебя денусь? Ковалев сказал — без районки нет района!

Да, в Семилуках фраза точно работала!

С Александром Яковлевичем Ковалевым мы пережили самые тяжкие годы: первую половину девяностых! Точнее, выжили с его помощью.

...Случалось, Ковалев бежал впереди паровоза.

Рождалось так и умершее во младенчестве официальное движение «Наш дом — Россия». Ковалев на каком-то совещании в Москве заявил: ячейки этого движения уже создаются на предприятиях Воронежской области! Телевидение, столичные газеты его процитировали.

Черт меня дернул написать стихи! Их тиснул Виталий Жихарев в «Коммуне». По-моему, я их потерял. Но четыре строчки помню:

Наш губернатор — не копейка.

Серьезен он, как я узнал.

Движенья этого ячейки

По всей он области создал!

Ну, и в таком духе.

Через день — совещание у губернатора.

— Эх, Лютов, Лютов, ведь мы же с тобой в хороших отношениях!

В каких отношениях? Я, естественно, губернатора знаю. Он меня, наверное, идентифицирует — я длинный и иногда что-то на совещаниях говорю.

Сидим за столом вместе со Щелоковым. Ручонки у меня начинают подрагивать. Иван замечает:

— Вить, ты после совещания к Александру Яковлевичу подойди...

Иду на подрагивающих ногах:

— Александр Яковлевич...

— Пишешь свои стишата для развлечения, а не понимаешь ни х... К тебе ж такие силы приклеиться могут! Иди...

Ну вы поняли — туда же...

На следующее совещание иду со страхом. Оно идет к концу, губернатор меня не вспоминает. И вдруг:

— Юрий Андреевич (Савинков — вице-губернатор, курирующий районки. — В. Л.), организуй этим... отдых. Может, Лютов что-то хорошее напишет...

Летом того года редакторы, кто захотел, отдохали в Ялте. Поехали вроде не все: кому-то надо было картошку копать. Ну, ребята, вы даете...

Не думаю, что мой опус вызвал такое решение губернатора. По-моему, он нас, районщиков, понимал и ценил. Но то, что эти стихи в нужное время ткнулись в его слегка необузданный характер, уверен!

Кстати, его полунамеком я понял. И новый опус написал. Поскольку он вошел в мою первую книжку — сохранился. Вот он.

Ода А. Я. Ковалеву

Остались лишь кожа да кости.

Я в муках — а хватит ли сил?

Стихи сочинить ведь непросто.

Но сам губернатор просил!

Во гневе бывает он грозным.

И я б не решился ни в жисть.

Где юмор, а где тут серьезно,

Читатель, ты сам разберись
Известен он сильной натурой.

Я с завистью вам говорю:

Сказал — не курю — и не курит.

А я вот, придурок, курю.

Стремителен часто, как ветер.

Порою — политик большой.

Но — точно я знаю, поверьте —

За область болеет душой.

Давно уже не сквернословит,

Спиртное и в рот не берет.

По телеку мягок и ровен,

И большею частью — не врет.

Известен хозяйской он хваткой.

В решениях четок и лих.

Не худший у нас губернатор —

В России немного таких.

Скажу без прикрас, не в забаву.

Надеюсь, что в пыль не сотрет.

Не делит на левых и правых

Воронежский славный народ.

Подтянут всегда и уверен.

Отглажен и чисто побрит.

Ему однозначно я верю!

...О ценах когда говорит.

Об очередном повышении цен, имеется в виду.

Юрий Андреевич Савинков передал ему этот опус.

При встрече Александр Яковлевич подошел, поздоровался за руку и проворчал (по-моему, довольно):

— Мог бы и получше написать.

Знаю, некоторые мои коллеги сильно его недолюбливали. А я помню таким. Здоровья Вам, Александр Яковлевич!

***

С Владимиром Григорьевичем Кулаковым — тогда руководителем управления ФСБ по Воронежской области — мы бегло познакомились на 50-летию главы Семилукского района (дальше слово «администрация» употреблять не буду — просто глава района) Ивана Ивановича Дубовского. Он, Дубовской, пригласил меня вместе с женой.

Праздновали шумно. Большинство глав районов, весь воронежский истеблишмент. Ну и я затесался. Во-первых, отношения с Дубовским становились похожими на дружеские. Во-вторых, приглашение получил ну как... своеобразный клоун. Дубовской мне задачу поставил:

— Виктор Алексеевич (всегда зовет так), напишешь два стиха. Один обо мне — как хочешь. Второй посвятишь моей маме, Нине, дочке. (Нина Николаевна — его супруга.) Мне не показывай, а то править буду!

Стихи стали гвоздиками на празднике. Спустя много лет, при встрече, Дубовской сказал:

— Просматривал как-то поздравления за многие годы. Лучше тебя никто не смог поздравить!

В перерыве праздника ко мне многие подходили, добрые слова говорили... Виктор Владимирович Шевцов (близкий товарищ Дубовского, тогда глава Лискинского района), Нина Николаевна Дубовская... Смотрю, товарищ генерал Кулаков приближается:

— Здорово, Витя! (С ударением на первом слоге.)
И запомнил меня. Это нетрудно: я ж почти двухметровый.

...Вскоре генерал стал воронежским губернатором, а Дубовской — вице-губернатором по селу.

Звонит как-то вице — я чуть со стула не упал:

— Виктор Алексеевич, губернатор спрашивал: ты не напишешь что-нибудь ко дню работников сельского хозяйства?

И с той поры я несколько лет подряд в этот праздник поднимался на сцену областного драмтеатра, где сие мероприятие проходило, и читал что-то свое. Дальше — традиционно: проходил мимо первого ряда после прохода. И сидевший там Владимир Григорьевич просил передать ему текст опуса...

Однажды я получил самый приятный в жизни гонорар. Прочитал стихи на сельском празднике, получил свою долю овец. Что-то разволновался: праздник продолжается, а я выполз в курилку.

Двое мужчин. Явно не чиновники. В приятных свитерах, без галстуков... Не знаю, как сейчас, тогда на праздники и обычных хлеборобов и животноводов-передовиков приглашали. Стоят, с ноги на ногу переминаются. Один говорит второму, поглядывая на меня:

— Давай позовем его по рюмке водки выпить, стихи-то душевные.

Я просто дико растерялся. Оба смотрят на меня, знают, что слышу, ждут реакцию. А я просто растроган почти до слез. Они постояли-постояли и медленно ушли...

Простите, мужики! Повторюсь: я просто дико растерялся!

Вот отрывок из того опуса. Написан в девяностых, а читал в начале двухтысячных.

Что ли выпала доля такая?

Не уйти от нее никуда.

Ведь беда, если нет урожая.

Если выращен — тоже беда.

Врет жутье, что крестьянин — бездельник.

Нет, он долготерпением свят.

По два года не видели денег,

Ну а хлебушек все же растят.

Пусть реформы оскалились грозно —

Не поникли крестьяне в тоске.

Не беда, что порой нетверезы —

Ведь не пропили ум, как в Москве.

(Две строчки не вспомнил.)

...Низко хочется мне поклониться

Вам за мужество, верность стране.

Верю, снова Россия воспрянет!

Вы ей встать сотни раз помогли!

Вы примите поклон мой, крестьяне,

Низкий-низкий — до самой земли...

...Губернатор Кулаков был большим поклонником моих опусов. Хотя для истеблишмента они иногда были островаты. Знакомые чиновники слегка удивлялись: как он тебя терпит?

Нормально. Просто у губернатора хорошее чувство юмора. И отношение к действительности иногда созвучно с моим. Владимир Григорьевич, случалось, цитировал меня на областных планерках. Однажды сказал:

— Иногда прошу твою газету принести. Отличные у тебя ребята, Вить!

...Приврал, наверное...

Еще один эпизод. Владимир Григорьевич вручал государственные награды. Депутату облдумы Владимиру Ключникову — медаль ордена «За заслуги перед Отечеством». Владимир Иванович — наш семилукский многолетний депутат. Мне — удостоверение и знак «Заслуженный работник культуры РФ»... Ну и многим другим воронежцам.

Читал стихи. Цитировать не буду: честно, они были не шестерящими, но благодными, без остротинки.

А во второй половине дня открывали областной Дом журналистов — 2004-й год. Был и губернатор. Отошли покурить: Владимир Григорьевич тогда еще покуривал.

Слово по слову, и я ляпнул:

— Над зданием редакции кровля плоская, из толя и рубероида. Летом ремонтируем, весной течет...

Через полгода над зданием редакции была скатная шиферная крыша. Хотя нервов потратил — море. Строитель-то я никакой...

На память осталось фото. Слева — Владимир Григорьевич, в центре — моя дочка Танечка, справа — я. С «Золотого фонда Воронежской области».

***

...Как-то написал большой текст под заголовком «Провинция хочет знать». В форме письма президенту В. В. Путину (он второй президентский срок тянул). Цель одна: начать публикацию в середине декабря и продолжить в январе: на подписку точно повлияет. Не буду рассказывать о чем. Приведу только оценку известного воронежского журналиста Владимира Новохатского (он тогда работал в управлении по печати):

— Ну, Америки не открыл. Но написано лихо!

Точнее не скажешь.

Были в опусе и такие слова: у президента глаза замылились... Его овчарка Колли живет несравнимо лучше, чем большинство семилукцев...

По слухам, дама-депутатша областной Думы подняла скандал: что эта сволочь Лютов себе позволяет! Как известно из истории, женщина может и войну спровоцировать: вспомните Елену Прекрасную и Трюю хотя бы.

И понеслось! Наш депутат тогда звонил главе района Виктору Корчагину:

— Ты читаешь, что твоя районка пишет?

Виктор Иванович (еще раз царство небесное!) мне сам рассказывал. Правда, какой смысл вкладывался в эти слова — осуждающий, нейтральный, поддерживающий — не знаю.

Видимо, поцарапали слегка и тогдашнего начальника областного управления по печати Ивана Щелокова. Звонит:

— Вить, ты мне скинь то, что еще не напечатано. Я давить не буду: прочитаю и просто посоветую, что делать дальше.

Скинул. На следующий день — звонок:

— Публикуй до конца.

Вскоре я узнал, что Иван Александрович показал текст курирующему тогда районки вице-губернатору Владимиру Георгиевичу Кобяшеву. И «таможня дала добро».

Я восхитился решением вице-губернатора. Мы и знакомы-то не были: где он, а где я. Так, здоровались издалека.

Позже мне НЕ повезло познакомиться с господином Кобяшевым поближе. Он стал главой нашего района...

Началось все сносно. Даже договор подписали между администрацией и районкой, приятный для газеты. А потом... Господин Кобяшев начал давить одного из руководителей предприятия ЖКХ. Насколько помню, частного. Этот руководитель обратился в газету:

— Можно я материал напишу?

— Ты напиши сначала...

Он написал. Нет, ни слова о конфликте с главой. В целом неяркий текст о работе предприятия. Но просто интересные цифры и факты в нем были...

Но до, видимо, кипения господина Кобяшева довело оплаченное объявление семилукских коммунистов о разрешенном властью митинге к Первому мая. Отчитал (по телефону) он меня довольно вежливо (интеллигент!), но жестко. Через неделю мы объявление повторили: заказчик оплатил две публикации.

И господин Кобяшев поехал в областную власть с челобитной: выгнать меня, тем более что мне чуть за 60 было.

Вскоре я в деталях знал содержание встречи. Нет, не Сахаров рассказал. Он, узнав о сути конфликта, без эмоций посоветовал: работайте спокойно.

Я не вешал подслушивающие устройства в кабинете. Просто собеседники не очень озаботились тет-а-тетностью встречи.

Через недельку в кабинете главы района я рассказал тезисно о его встрече с моим начальством. Боже, это наслаждение: каким растерянным, мне показалось, выглядел этот человек, всю жизнь привыкший повелевать! С минуту он собирался с мыслями, потом выкрутился:

— Вам за 60. Я просто попросил: вдруг соберутся назначать нового редактора, так хотя бы меня в известность поставили...

Вскоре господин Кобяшев был изъят из района. Коллеги на совещаниях в Воронеже спрашивали:

— Чего он так быстро ушел от вас?

Я отвечал:

— Мы не сработались!

И коллеги ржали.

А суть, наверное, в том, что слухи пошли о господине Кобяшеве в районе. И, видимо, в этих слухах была доля...

Знакомые главы районов рассказывали: в перерывах совещаний они, как нормальные, тусуются вместе. А Кобяшев один в сторонке. Ему никто не нужен. Впрочем, он тоже никому, наверное...

Личное впечатление. По-моему, человек ниже его рангом был для господина Кобяшева просто... просто козьявкой. За время его короткого пребывания в Семилуках он ни товарищей не приобрел, ни единомышленников... Впрочем это только мое мнение...

***

Летом 1998-го тогдашний губернатор Иван Михайлович Шабанов привез нам нового претендента на должность главы района: Ивана Ивановича Дубовского. Претендент назначался депутатами райсовета (я тогда вроде еще таковым был). Претендент рассказывал о себе. Скромность так и вылезала из его тела. Короче: ну очень белый, очень пушистый, каких вообще не бывает! Проголосовали.

А через неделю на планерке он уже крыл нас на грани приличия: обрежу все ваши личные связи в Воронеже, заставлю работать!

Потом, когда мы подружились, он объяснял:

— Виктор Алексеевич, я-то думал — меня из Воробьевки на повышение! Но понял: послать в Семилуки можно только с одной целью: чтобы я шею сломал!

Ничего он не обрезал, орать вскоре перестал. Но настроение в среде руководителей стало меняться к лучшему.

Интересный факт. Когда глав района приглашали на отчет в область, аппарат в поту искал положительные сдвиги. Дубовской перед отчетом однажды при мне поручал своему заму:

— Ты срочи побольше собери. Может, чего выпросить получится.

Слово это полулегитимное он очень любил...

...Первые месяцы работы в районе. Идет уборка зерновых. Прошел дождь. Комбайнеры сели в картишки перекинуться, пока подсохнет. Видимо, увлеклись.

Останавливается машина — поле у дороги. Выходит незнакомый мужчина в белой рубашечке. Говорит: не пора ли за дело?

Земледельцы его — матом. Он говорит: тогда и мне сдавайте...

Знаю со слов. Но минут через пять комбайны заурчали в поле...

В Лосеве горит крыша животноводческого помещения. Одним из первых бросается тушить мужик в белой рубашке. Разбрасывает горящие доски. К нему присоединились местные мужики.

Потом, после пожара, стали спрашивать друг друга: кто это в белой рубашечке? И как молния — ответ: глава района Дубовской!

Аппарат администрации настраивал так:

— Не фигу после 11 в кабинетах сидеть! Мечитесь на поиски! Кто трубы найдет, кто металл выпросит — все в районе пригодится!

И получалось! Экономика района медленно, но поступательно поползла вверх.

Он все, что плохо лежит, старался тащить в район. Всеми силами помогал тем, кто везет...

Я обещал не оценивать служебную деятельность моих героев. Но здесь-то все своими глазами видел!

Только две строчки: мне лично однажды так плечо подставил в сложную минуту! А я ведь уже подумывал уходить из Семилук: предложения были. Но это личное...

Иван Иванович Дубовской целой книжки, по-моему, достоин. Не люблю общих оценок, но тут воспользуюсь. Энергии — через край. Внимание к человеку — человеческое, не начальственное. Чувство

юмора — феноменальное. И фантастическое умение заразить своих соратников оптимизмом...

Мозаика получается. Но еще короткий диалог с Дубовским. Под рюмку чая: случалось изредка.

— Виктор Алексеевич, я лет в 16 понял: у меня два пути по жизни. Либо в тюрьму, либо в первые секретари райкома КПСС!

И стал первым в Воробьевке!

Кто-то скажет: пишет, мол, Дубовской — друг! Это не я придумал. Нередко на своих днях рождения он читал мои стихи. Я ему наваял — десятки. Те, что для личного пользования, — поострей. А он на своих личных праздниках доставал их и читал: это мой друг Виктор Лютов написал! Так мне рассказывали. Изредка общаемся до сих пор...

...Привожу стихи, которые читал на его полтиннике. Они все, что сказал, подытоживают.

Врать ни капельки тут я не стану.

Как сейчас, вижу все наяву.

Предложил губернатор Шабанов

По контракту принять нам главу.

Кто такой? И откуда? Каковский?

В зале шум поумерился вмиг.

Он сказал: «Я, друзья, воробьевский,

По характеру — тихий мужик.

Воробьевка — в хорошем полете.

Но и вам ее можно догнать.

Если нынче главой изберете,

Будем вместе район поднимать».

В общем, лил он елей в наши души —

Мы ведь тоже хотели вперед.

Сладко речь было мирную слушать.

И сомненья мы гнали, что врет.

Вроде стал он немножечко виден.

И мыслишка витала одна:

Даже мухи такой не обидит,

И тем более ясно — слона.

Были те, что в сомненье качались:

Мол, ребята, бросает нам кость!

Словом, так иль иначе — избрали!

А на утро уже началось!

Глас его разбивался на брызги!

Мы подумали: парень — нахал!

Посылал он нам — каждому — вызов

И подрезать меня обещал.

Хоть и зло, но без камня в кармане,

Обсуждали мы навеселе:

Поорет-поорет — перестанет.

Ведь район-то почти на нуле.

Только сдвинулась с места телега,

Пусть не быстро — район-то большой.

Мы увидели в нем человека,

Что за дело болеет душой.

Сельский люд от души удивлялся:

По утрам, как болячка в боку,

Неожиданно он появлялся

То на ферме, а то на току.

Земледельцы в калашу садились.

Ведь еще не узнавши, кто он,

Так при нем они матерно крыли

Дубовского, что принял район.

Только время проходит, однако.

Он известен теперь до того,

Что в последней деревне собака

Уж не лает давно на него.

Нет, я лавров делить тут не стану.

Но решили лихие умы:

Предложил-то, конечно, Шабанов.

Но избрали-то все-таки мы!

Что хочу пожелать юбиляру?

Чтоб достатком лелеял семью.

Не прокралась чтоб хитрая старость

В неостывшую душу твою...

Ну, дальше пожелания и поздравления... В стихах, естественно.

В районе он поработал меньше двух лет. На очередных выборах губернатора победил Владимир Григорьевич Кулаков, который и пригласил его в замы.

Мои друзья и знакомые — районные начальники всех рангов — искреннее жалели, что он уходит. Ведь при нем, как уже говорил, даже их настроение стало меняться.

В январе 2000-го в редакции отмечали день печати. Уходящий глава Иван Дубовской был с нами. Шутил, подкалывал, грустил. Я пошел покурить в свой кабинет. Минут через пять пришел он:

— Виктор Алексеевич, ты же честно скажешь: я ведь никому жизнь не поломал?

***

В 2003 году «Семилукская жизнь» стала лауреатом всероссийского конкурса, организованного Союзом журналистов России и РАД. РАД — это Российское аграрное движение, лидером которого тогда был министр сельского хозяйства РФ Алексей Гордеев.

Меня пригласили в Москву за призами. С трудом уговорил поехать со мной начальника областного управления по печати Ивана Щелокова — у него что-то не срасталось. И правильно сделал!

Со сколькими интересными людьми познакомил Иван! Кажется, в Москве он свой человек в каждом журнале! Самое яркое впечатление — мы были в гостях у лауреата Ленинской премии, Героя социалистического труда, известнейшего поэта и земляка Егора Александровича Исаева! (К сожалению, его уже нет среди нас...)

...Держу в руках двухтомник Егора Александровича. На одном томе — «Уроки горизонта» — его дарственная надпись: «Лютовой Татьяне — а у хорошего отца не может не быть такой хорошей дочери. Ей и моя книга со всеми своими горизонтами. Авось пригодится. Ваш дед Егор. 21.10.2009». Это он, будучи в Воронеже, моей дочке подарил. Дед Егор, сегодня я Вам доложил бы: она и правда умница!

Короче, получилось пополам в пользу Щелокова: на вручении призов — он со мной, а в остальном, очень интересном — я при нем...

Вечером во дворце международной торговли — награждение лауреатов, короткий концерт эстрадных звезд. Потом — фуршет с... короче, за главным столом были Алексей Васильевич Гордеев, Юрий Михайлович Лужков...

Щелоков еще в гостинице читал мои стихи к этому событию. И на фуршетке подсуетился: попросил представителя минпечати РФ Ю. Пулю посодействовать: чтобы мне слово дали.

И дали! Коллеги встретили на ура. Минут через пяток ко мне подошел официант:

— Вас просят подойти к главному столу...

Алексей Васильевич Гордеев сказал, что с удовольствием слушал меня, хотя я чуть и по нему проехался.

— Вы текст не подарите?

Подарил, конечно!

В рюмки, размером с ноготь на большом пальце моей руки, плеснули виски. Не видел, как Гордеев, а я проглотил!

...Годы спустя, когда меня пытались представить воронежскому губернатору Гордееву, он сказал:

— Мы знакомы.

Сказать, что я удивился — ничего не сказать.

Были и встречи в Воронеже.

В этом опусе есть утверждение, что губернатор Гордеев НЕ сдержал слово. Напомню: он обещал советоваться с советом (простите, я специально тавтологию запустил) редакторов районок.

При создании монстра РИА «Воронеж» нашим мнением никто не интересовался...

В нулевых «Семилукскую жизнь» включили в российскую ассоциацию аграрных журналистов — есть ли сейчас такая? Нас просто поставили в известность. Сочли, что «СЖ» глубоко и душевно пишет о селе. Пригласили на какой-то съезд. В Рязань, кажется. Послал Сергея Елисеева — он нашим главным аграрием был:

— Без фотографии с Гордеевым (тогда министром РФ) можешь не возвращаться! — поставил я задачу.

Он справился! Стоят вдвоем, мирно беседуют, Вокруг — никого.

Некоторые читатели (мы же опубликовали фото в газете) не поверили: фотошоп!

Это фото удалось подарить Алексею Васильевичу. Не задирай нос, Серега!

***

...1974-й. Студотряд «Каравелла» пашет в Россоши. Об этом золотом времени тепло написал в предисловии к одной из моих книжек Иван Щелоков. Золотом — и в прямом смысле слова. За месяц мы заработали по 500 с гаком рубчиков! Тогда для студента это целое состояние! Вкалывали с шести утра и до глубокой темноты, под фонарями. Там мы с Иваном Щелоковым и познакомились...

О Щелокове — коротко. Потому что могу написать о нем столько, сколько уже написал о всей моей редакторской жизни. Он — мой друг. Не обидится на это наглое заявление. А обидится — бог с ним! Может же у матерого пенсионера Лютлова «крыша протечь»!

С его подачи мои вирши публиковали в альманахе «Москва» (помнишь Леонида Ханбекова, Иван?). Говорю осторожно: поздравления по поводу публикаций получал, а в руках альманах не держал — так нередко случалось.

Щелоков познакомил меня с Юрием Михайловичем Поляковым — известнейшим российским пи-

сателем, членом президентского совета по культуре, тогда — главным редактором, а сейчас, по-моему, президентом «Литературной газеты». К тому времени «Литературка» раз в год меня печатала. А при знакомстве Юрий Михайлович предложил:

— Выйдет ваша очередная книжка — пришлите: отрецензируем.

И отрецензировали! Мне тогда письма пошли — из Питера, Екатеринбурга...

Публиковал Иван меня и в журнале «Подъем». По собственной инициативе — подтверди, друг — я не просил!

Пытался поддерживать Щелокова и я. Как? Иногда привозил в управление пару пачек бумаги для принтеров. У нас спонсоры были, поэтому по мелочи не особенно страдали. А в управлении — каждая копейка на отдельной статье. Щелоков к бюджетным деньгам щепетильно относился. Это шутка. Может, не очень удачная, но реальный факт. Девяностые...

Были и случаи и позначимее — с обеих сторон. Но не в этом суть.

(Не к месту о спонсорах. Нас, наверное, уважали и даже любили в районе. Имею в виду газету и моих ребят. И помогали не только в девяностые. Мы, к примеру, шикарно отмечали 70 лет газете. Больше сотни гостей приглашали. В том числе всех редакторов районок. Начальство областное тоже оосаствливило. Проши? Их понемножечку собирали руководители предприятий района... Да что говорить: по-моему, в редакции до сих пор есть мебель, купленная на деньги наших друзей!)

За 17 лет работы Ивана Щелокова начальником управления, случалось, ссорились. Вусмерть! Приезжаю однажды в управление. Предлагаю Коле Барышеву, заму Щелокова (Николая Сергеевича, увы, нет среди живых):

— Пойдем покурим!

Он что-то цедит сквозь зубы. Не понял. Достал его:

— Вить, Щелоков приказал с тобой не разговаривать!

К вечеру этого же дня помирились...

Точно знаю такой факт. Начальничку средней руки из обладминистрации зачем-то понадобился компромат на Щелокова. Позвал он тогда одного из моих коллег. И начал Ивана «поливать». А коллега сидит и в знак согласия кивает...

Щелоков знал об этом лучше меня. Но никаких телодвижений против этого «коллеги» не предпринимал. Не пытался выгнать, хотя мог бы. Даже не давил. Долго еще работали...

...Потом, когда Иван Щелоков ушел из управления, многие коллеги, в том числе и я, поняли: при нем мы жили почти в коммунизме. Чертей получал за нас — до нас только рябь доходила. За явно неудачные публикации не разносил: терпеливо объяснял, почему плохо. В большинстве случаев понимали его: он же профессионал, и районку, и «Молодой коммунар» прошел. Он никогда не влезал в творческую деятельность редакций грубо. Наши ляпы анализировались, как правильно, постфактум. От него не поступало ЦУ: что-то снять, об этом не писать! Редакторы и коллективы отвечали за свою работу сами! Это уж потом при Соколовой и после того, как Сахаров стал руководителем

департамента (к слову: и после того, как я ушел), в дела районок стали лезть все, кому не лень. Как выразился один мой коллега: держат за дураков, а требуют, как с умных.

...Не получается так, как я хочу. Ведь мы с Иваном Александровичем знаем друг друга больше... сорока лет! Не могу отсортировать факты на значимые и не очень. Наверное, лучше вот так...

Когда-то в одном из столичных изданий был напечатан «Роман без знака препинания» Щелокова. В стихах. Он так «зацепил» меня, что тут же душа откликнулась. В стихах. Вот отрывки. По-моему в них есть штрихи к портрету Ивана.

Автору «Романа без знака препинания»

Экспромт

Едва шевелится сознание.

Зевота раздирает рот.

«Роман без знака препинанья»

Читал всю ночь, как идиот.

Не так. Читал лишь час, быть может –

Он по объему невелик.

Но чем-то душу растревожил

Роман, похожий на дневник.

Неглуп создатель, безусловно.

Талантлив — в том сомненья нет.

По положению — чиновник.

По воле Божией — поэт.

А если не поверит кто-то,

Вот аргумент готов, друзья:

«...И ждут от государства льготы,

Как состраданья от жулья».

Я вывод делаю до срока.

Коль вы со мной согласны — рад.

Родить сумел бы эти строки

Самодовольный бюрократ?

Вопрос не требует ответа.

И вывод не звучит, как лесть:

Блин, и в высоких кабинетах

Еще живые люди есть!

***

Все так. Но главное — не в этом.

Чиновник, я прошу простить.

Читая, понял я: поэтом

Нельзя наполовину быть.

И этот вывод безусловен.

Готов поспорить — вот рука.

Ведь там, где пишешь, что чиновник,

Ты, брат, позируешь слегка.

Я не уверен. Все быть может.

Тут вывод делать не спеши.

Ну, скажем так: чиновник все же

Не состояние души.

Совсем запутался. Печально.

Поставить можешь мне на вид.

Герой и автор — все ж начальник

С машиной цвета антрацит.

Да, стих пульсирует не гладко

И душу трогает мою.

Но, брат, чиновничьи повадки

В романе все же узнаю

Но ведь и боль в нем узнается,

И чувствами пропитан слог.

Прочтешь — и сердце вдруг забьется,

Как скворчик, пойманный в силко...

...И все же чиновник из Ивана Щелокова не получился. Настоящие чиновники — они всегда имеют запасной аэродром. А Иван... Не подошел госпоже Соколовой в качестве начальника управления — и остался не у дел. Довольно долго был без работы. Ни связями не оброс, ни знакомствами выгодными...

***

Вот и все. Пока все. Эта работа подняла на поверхность памяти столько всего! Получился, по сути, каркас, который еще надо чем-то покрывать. Наверняка в тексте много неточностей — дневников не вел, а память в деталях, случается, неточна. Но, перечитав, убедился: принципиальные позиции изложены субъективно точно, как я их понимаю.

А сегодня...

Мы уходим...

Мы уходим со сцены,

Ни о чем не жалея.

Это точный диагноз — не минутный каприз.

Пусть еще в наших душах

Чувства юные тлеют —

Мы уходим со сцены под названием жизнь.

И, поверьте, мне в этом

Признаваться не горько.

Я друзей своих верных ощущаю плечо.

Нас когда-то с почетом

Отведут на галерку.

Очень хочется верить, что не скоро еще.

И ушедшие годы

На висках замерзают.

Говорим мы все чаще: было... был... и была.

И с забытой галерки,

Ни о чем не вздыхая,

Как другие играют, мы посмотрим без зла.

Только рано об этом.

Вы простите, ребята.

Честь для нас, как и прежде,

Есть не лозунг, а смысл.

Мы еще не сыграли –

Торопиться не надо –

Наши роли в спектакле под названием жизнь...

2021 г.

Илья Макаров Дом печали

Перемены

*В мозгу моём застряла мысль иголкой,
Теперь иль выпить, или умереть.
Я бросил пить, и, кажется, надолго.
Как мне в глаза теперь сотрудникам смотреть?
Альфред Стасюконис, «Стансы»*

- Как настроение? — сочувствующе осведомляется у меня Флорид Шакуров из «Вечерки».
- Хуже некуда, — не скрываю я.
- Предчувствие запоя, — с ходу ставит диагноз Флор.
- С чего это ты взял?
- Давно здесь работаю — не Дом печати, а Дом печали.

На настольном календаре — март 1991 года.
Весна.
Птицы поют.
Ручьи журчат.

Помнится, как-то в командировке, я летел в самолете в Белорецк (были, были такие времена, когда самолеты летали из Уфы во все города Башкирии!), пожилой сосед, аксакал-башкир в лисьей шапке в разговоре со мной блеснул знанием поговорок и с иронией, на свой лад, изложил одну из них: «Под лежащий камень вода журчать не будет». И добавил: «Вам, журналистам, не надо сидеть на месте, нужно работать, менять жизнь к лучшему».

Если сравнить наш Дом печати с лежащим камнем, то ручьям к нему не пробиться. И тем не менее, кажется, они подтачивают и это десятиэтажное здание. Во всяком случае, у нас в конторе началось движение. Оно возбуждает, это движение, но не радует. Это, скорее, скандал. Причем большой. С криком, ором, собраниями и с принципиальными выводами. Потому и настроение у меня и у наших журналистов никакое. Тучи ступились над нашим главредом.

Владыкам из «Белого дома» понадобилось убрать нашего редактора — вышел из-под партийного контро-

---

Об авторе: Илья Васильевич Макаров родился в 1956 году. Профессия – журналист. Закончил Актобинский государственный педагогический институт в Казахстане. Начинать работу в Алма-Ате корреспондентом республиканской детской пионерской газеты с ласковым названием «Дружные ребята». Армейскую службу проходил корреспондентом-организатором дивизионной газеты с пламенным названием «Боевое знамя». В разные годы редактировал «Новую экономическую газету» (приложение к республиканской газете «Республика Башкортостан»), газеты «Уфимский меридиан», «Единая Россия-Башкортостан»..

ля. Вот что перестройка сделала! Они, конечно, давно его хотели кончать. Взялись за него еще раньше — когда морозы звенели. Мы шефу, конечно, тоже говорили: Володя (кто имел право на такую фамильярность, а кто не имел — тот по отчеству), Владимир Николаевич, может, не надо лезть на рожон? Может, с ними как-то учтивей, а?

Я, новенький в редакции, сунулся было к нему с подобным советом. Он, глянув на меня с удивлением, послал меня к черту. Был прав. Я ушел. Глубинных причин конфликта я не знал. И, разумеется, дело было не в учтивости, а в более серьезных вещах.

В общем, всех трясет. Только Юра Король из редакционного секретариата, бродяжничавший парень, перекачати-поле, кочующий из одной редакции Дома печати в другую, начисто лишенный страха, чувства самосохранения и музыкального слуха, беспечно ходит по коридору и громко орет фронтovou песню на свой лад: «Сидят и кушают бойцы товарищей своих...»

Какая-то нечистая занесла его к нам на период перестройки. Казалось, только одного его нисколько не волновало происходящее. Чихать он хотел на ежедневные визиты в редакцию обкомовских, как он их называл, засланцев. Все они были, как близнецы-братья, на одно лицо, и каждый из них обязательно в сером пиджачке и непременно с папкой подмышкой. А в той папке — директива, в ней — черным по белому: в связи с неуправляемостью зарвавшегося редактора ведущей газеты республики — убрать.

Король и Ирина

— И уберут, — уверенно говорит мне Король. — А что? Кому позволено в глухомани за тыщу верст от Москвы печатать на страницах партийной газеты пасквили какого-то там сякого Бурбулиса? В партийной печати не должно быть плюрализма, дорогой мой. Это я тебе говорю, как человек, который никогда не состоял — и состоять не будет теперь уже наверняка — в партии не только коммунистической, но и в любой другой.

Народ старается пролетать мимо, не задевая нас и не задерживаясь, а только озираясь.

— Плюрализм в одной голове, — продолжает разглагольствовать Король, — это шизофрения. Так вот, коммунистическая партия, допустившая на страницах своих газет это неприличное слово, поступила как шизофреник. Да, партийные боссы говорили о необходимости гласности и прочей чепухе. Но если бы у них голова варила хоть немножко, они бы этого никогда не допустили. Вся беда, что маразм коснулся не лично этих людей с партбилетами. Нет! Маразматична, выродилась сама эта организация! Вот ты, молодой

и ни в чем не виноватый коммунист, тоже маразматик, потому что ты — с партбилетом. Я тебе сочувствую. А больше, конечно, Володе. Его же свои же одночлены по партии и съедят. Умные разве так поступают?!

Но тут мимо простучала каблучками наша машинистка Ирина, и вся королёвская страсть обрушилась на нее:

— Ирочка, дай я тебя обниму! Мы так давно не делись. Ты избегаешь меня, дорогая, моих материалов не печатаешь. Все норвишь пропустить раньше многосерийную сагу о вспученном вермикулите — тебе не надоел этот Зальцман с его «Химпромом»?

Застигнутая врасплох Ирочка пытается вырваться из внезапных объятий. Но Король держит ее крепко, не выпуская:

— Как ты похудела! Прошлый раз я обнимал тебя, ты была полнее. Да ты не бойся меня! Я уже старый, мне пятьдесят лет. У меня есть внук Иван. И я импотент. Ты вон бойся его, — Король ткнул пальцем в мою сторону. — Эти тихие бабники почему-то вам нравятся. Вслух никому не рассказывают о своих похождениях, а скольким, паразиты, сердца поразбивали.

— Как вам не стыдно, Юрий Филиппович? — вырывается из объятий пунцовая Ирина.

— Почему мне должно быть стыдно? У меня за всю жизнь было две женщины. Одну я любил, да она не вышла за меня замуж — потому что дура была. Другая, наоборот, меня любила, а я, дурак, поддался и женился на ней. Вот и все. Какой тут стыд?

Король и Ирина двинулись по длинному коридору в сторону машбюро и пропали там в грохоте «Роботронов».

Спасение Малозёмова

В нашем отделе информации и репортажей тихо. Завотделом Саша Отмахов говорит с кем-то по телефону. Пока трезвый Стас Малозёмов истоиво строчит на желтой газетной бумаге очередной репортаж, отбрасывая лихорадочно один лист за другим. Редактор газеты любит Стаса за его талант, умение находить горячие факты и темы и прощает ему его редкие, но долгие запои. Завотделом Отмахов терпит его за то же самое — «золотое перо», оно и есть золотое. Хотя самого Малозёмова на дух не переносит. Убить готов.

За соседним столом тихо шуршит наша новенькая сотрудница отдела с внезапным именем Вика Хван. Корейское в ней — только фамилия. Сама же она высокая, голубоглазая блондинка.

В первый день она переступила порог с теннисными ракетками и обручальным кольцом на правой руке.

Представилась:

— Я ваш новый сотрудник.

Малозёмов в это время был пьян. Услышав ее имя, прорычал из дальнего угла:

— У тебя муж, что ли, кореец?

— Я сама корейка, — ответила Вика.

Стас на миг протрезвел и уставился на нее долгим взором:

— Тогда давай выпьем.

— Нет, спасибо, — сухо отрезала голубоглазая корейка.

Она открыла шкаф, намереваясь поставить зачехленные ракетки, но оттуда с грохотом посыпались пустые бутылки.

— А ты еще и буянишь, — прорычал снова Малозёмов. — Шура, ни хрена ей не наливать. Откуда только ты ее откопал на нашу голову? Я уволюсь, если она еще начнет нас здесь воспитывать. Мне моя дома надоела со своими угрозами в больницу сдать и «торпеду» вшить.

— Кончай, Стас, — успокоил его Отмахов. — Вика свой человек. Правда, Вика?

— Правда, — чуть не плача согласилась новенькая. Малозёмов тогда «сидел на кочерге» уже вторую неделю. При всем том бессознании, в котором он пребывал, одно он помнил ясно: к телефону не подходит. И нас просил на все звонки отвечать: он в командировке, в Москве, в Мраково, в Венеции — где угодно, только не в редакции.

Вторую неделю он не ночевал дома. Бедная жена его только по газетным информациям да статьям за его подписью узнавала, что ее муж жив.

— Ребята, я уже провонял общагами, гостиницами и вокзалами, — жаловался он нам. — Надо бы мне отмыться.

— Ага, — соглашался Отмахов, — в церковь сходи, исповедуйся, причастись и ступай к жене, припади к ее ногам, она тебя отмоет как следует и, может быть, простит.

— Не свисти, Шура, — слабо и виновато возражал Стас, роняя голову на стол. — Лучше принесите похмелиться. Чего сидите, обмылки? Выручайте.

— Давай деньги, — ответил я.

— Ишь, какой грамотный стал! А ведь ягненком пришел к нам, — дивился пьяный Стас и переключился на новенькую. — Вика, займи червонец.

Вика полезла в сумочку, но Отмахов остановил ее:

— Отстань от девушки, Стас. Вон, в шкафу, тебе подарочек из Африки.

— Какой?

— Встань, подними зад — увидишь, какой.

Малозёмов приоткрыл дверцу шкафа и ахнул, увидев маленькую, но такую желанную, спасительную бутылочку:

— Ну, Саша, ну, спасибо! Спас ты меня!

Он достал оттуда «мерзавчик», налил и выпил.

И просветлел ликом и подобрел и уже совершенно другим — благодушным голосом — спросил:

— Но почему из Африки?

— Жарко там — сорок градусов, — огрызнулся Отмахов.

Таким было знакомство Вики Хван с редакционной жизнью...

Начинается

В отдел стремительно влетает Миша Модзигон, ответственный секретарь:

— Айда, мужики, на собрание. Опять эти из «Белого дома» приехали, шефа снимать будут.

— Заколебали! — отмахивается Отмахов. — Не пойду. Имею право — дежурю по номеру.

— Я пойду, Шура, — с готовностью откликнулся

благодарный ему за прежнее и потому обязанный Малозёмов. — Вот только стопарик дерну, а то трезвому туда ходить страшно.

— Ты же беспартийный.

— Ну и что. Не человек, что ли? Пойду.

— Ты, если идешь, так заткнись там и ни слова не говори. А то трепнешь что-нибудь, Володе только хуже сделаешь.

— Я попрошу вас! — взъерепенился Стас, ставя опустевший стакан в шкаф.

Собрание

Сегодня встреча с Горбуновым,

Секретарем весьма хреновым.

Судьба, злодейка, виновата,

Что наша партия горбата.

Анатолий Козлов

Собрание проходит в кабинете редактора. Шеф сидит почему-то не на своем месте — пообочь стола. Редакторское кресло — пусто. Селекторский пульт с массой телефонов молчит. В углу, ближе к креслу, под портретом Горбачёва, меченого большим родимым пятном на лысине, расположились гости из республиканского комитета партии. Выделялся секретарь рескома по идеологии Барбарисов — седовласый, важный, добродушный и убедительный. Говорят, прежде он служил на подводном флоте политработником. С флота он ушел, но в душе остался политработником — готовым всех построить по ранжиру... Теперь он руководит идеологией, партийной печатью.

В стране что-то скрежетало, менялось. Республика была уже суверенная, но все еще оставалась социалистической. И мозги партийных чиновников тоже скрежетали зубовым скрежетом, пытаясь поспеть осмыслить происходящее...

Рядом с Барбарисовым, поправляя огромные очки, — Булатов, человек попроще, ростом и рангом пониже. Он менее добродушен, слегка возбужден, глаза его за стеклами очков строги. Еще недавно он был редактором одной из районных газет, но перестроечная планида неожиданно вознесла его из простых смертных журналистов на обкомовский олимп, даровав ему должность в одном из партийных кабинетов. С нами он держится всегда приветливо, демократично, на равных, словно говоря: ребята, я такой же, как и вы, но у меня работа — стружку с вас снимать. Уж не обессудьте, сукины дети!

В Доме печати его знают хорошо. Он всегда находится в свите зачастивших к нам партийных начальников. И когда в Дом печати соизволил прийти Сам, Булатов и его сопровождал. От той встречи ничего не осталось, кроме едкой эпиграммы одного из наших коллег...

Мне сдается, Булатову не в радость его новая должность.

Партийному начальству была дана команда из центра быть ближе к народу, оно и потянулось к нам, к журналистской братии.

— Ну что, товарищи, — начинает Сергей Иванович Эверестов, заведующий редакционным отделом экономики, он же секретарь партийной организации

газеты, — кажется, необходимым кворум есть, можно начинать собрание.

Он считает нас по головам. С укоризной смотрит на беспартийного Короля, с недоумением и опаской — на уже слегка хмельного Малозёмова и с отвращением — на Наташу Мичурину, которая вышла из партии, как только реском начал травить нашего редактора. Сравнил беспартийных с количеством коммунистов в списке и испросил разрешения открыть собрание. Все молча поднимают руки: «за».

— Против, воздержавшихся нет?

— Нет, — одобрительно отзывается в тишине Король и добавляет, подлец: — можно приступать к казни.

Эверестов испепеляет Короля взглядом. Спыхватившись, представляет высоких гостей. Король и тут не удержался:

— Инквизиция на месте.

Эверестов и на этот раз промолчал. Тяжелым было его молчание. Но он понимает, что, связавшись с Королем, он рискует сорвать мероприятие — собрание просто пойдет кувыркком и совершенно в другую сторону.

Начинается обсуждение вопроса — на партийном сленге называется тоскливым словом — прения.

Прения

Но сперва инквизиторы дают слово редактору:

— Владимир Николаевич, может, вы нам расскажете подробнее о ситуации?

— А что мне рассказывать? — улыбается тот.

В белой рубашке, он бледен и одинок, как солдат перед расстрелом. Пиджак его висит на спинке стула.

— Я, честно говоря, не знаю, о чем еще говорить. Мне придется повториться. Сперва было бюро рескома, на котором неожиданно напали на меня. Потом пленум, на котором избили меня и, до кучи, редактора газеты «Кызыл тан». Потом сессия Верховного Совета. И, наконец, недавно, буквально на днях, снова прошло бюро республиканского комитета партии. Решение этого последнего бюро не опубликовано, но на память я могу процитировать его. Оно звучит, примерно, так: «Редактору, как не обеспечившему аргументированного освещения в газете четкой, ярко выраженной позиции рескома КП РСФСР, а также учитывая его устное заявление 16 февраля на бюро рескома, выразить недоверие и решить вопрос об оставлении им поста редактора. Возложить обязанности редактора на его заместителя».

— Какой, какой позиции? — раздается из глубины опять вредный голос Короля. — Насколько я могу судить, у рескома вообще никакой позиции ни по одному важному для республики вопросу нет.

Зеленоглазая красавица Галочка Карпущина, завотделом культуры, хлопает огромными своими ресницами и охает:

— Необъяснимо все это. Нет позиции, а мы отражай ее.

— Да есть она, эта позиция, — поправляет ее собкор газеты «Известия». — Опасность они шкурой чувствуют.

— Тише, товарищи, — просит Эверестов. — Я так понимаю, к редактору имеются вопросы. Задавайте.

— А что за устное заявление? — интересуется кто-то.

— Тогда, в феврале, у нас с товарищем президентом республики вышла перепалочка. Он спросил меня: «Вы где живете?» Я ему ответил: «В России». «Ах, так, — сказал он, — ну, тогда идите в “Российскую газету”». Я ответил, что воспользуюсь его советом. Если он пожелал истолковать эту фразу как устное заявление... А вообще, мое отношение ко всей этой свистопляске вокруг моего имени такое: это позиция твердолобых политиков. Они думают не о партии, они пекутся о своих должностях. Только и всего. Им, по сути, наплевать, напечатали мы там Бурбулиса или Ивана Кузьмича Полозкова. Сегодня они Полозкова поддерживают. Завтра победит Борис Николаевич Ельцин, они запоют аллилуйю ему. А последнее бюро для меня было страшной неожиданностью. Естественно, никакого разговора со мной накануне не было. Никаких контактов реском вообще не поддерживал. Просто через какого чиновника меня отыскали, и с температурой — я находился на лечении, на больничном — я был доставлен в реском.

— Доставлен? Как арестант? — охнул кто-то.

— Слушай, Володя, ну а там, на бюро, вспоминали наш редакционный устав, закон о печати? — прокашлявшись, говорит завсельхозотделом Толя Овчинников.

— Да ничего они не вспоминали.

— А у тебя есть желание работать редактором?

— У меня, в свою очередь, вопрос: у вас было бы желание после того, как вас измордовали сначала на бюро, потом на пленуме, потом на сессии и снова на бюро?

— Да, — Король вздыхает тяжело и уже без всякой иронии в голосе, — они его хорошо там обработали.

Поднялся сутулый Петр Петрович Фрескин, парламентский корреспондент, мягкий, интеллигентный, слегка потугосторонний — в общем, журналист, пишущий отчеты с парламентских заседаний и материалы (для души) о кактусе и инопланетянах. Он чистосердечно признается собранию:

— Я потрясен происходящим. Цвет нашей республики выражает недоверие нашему редактору, не заинтересовавшись мнением коллектива. Поражают некомпетентные действия наших партийных лидеров, их неграмотные решения. Даже в так называемый застой никто не поступал с газетами так, как это делает новый состав республиканского комитета. В прежние времена, что называется, «готовили вопрос»: создавали комиссии, газету изучали, мнением журналистов интересовались. Сейчас видим не руководство, а карикатуру на него. Здесь не просто приверженность старым методам, здесь вообще неразбериха. Мы готовы отстаивать позицию партии, но позицию честную и ясную. Нам не надо раскалываться, на что очень надеются в рескоме. Мы поддерживаем редактора. Коммунисты поддерживают его. Так и надо записать в решении партийного собрания.

Тут поднялся собственный корреспондент «Советской России», глянул ласково из-под бровей на Петра Петровича и устремившись изрек:

— Газета берет крен в сторону антикоммунистических тенденций.

Народ замер — запахло кровью.

— Демократию понимаем однобоко. Вы тут предлагаете поддержать редактора. А я скажу вам: не надо считать, что мнение вашей парторганизации...

— И вашей тоже, Марат Ильясович, — перебивает его Фрескин, — вы ведь входите в ее состав.

— Ну, хорошо, нашей, я оговорился... Так вот, вряд ли оно будет иметь верховенство над решением пленума.

Вслед за собором встает Зина Лилина, корреспондент отдела партийной жизни. Она свалилась нам на голову полтора года назад после окончания высшей партийной школы. Женщина она зрелая. Но своей чрезмерной жизнерадостностью и характером больше походит на старшую пионервожатую. Со всеми общительная и ласковая, она, тем не менее, вызывает некоторое напряжение и даже страх.

Шура Отмахов как-то в туалете, стяхивая последние капли с рук, сказал о ней:

— Бля буду, Зинку редактором сделают — она из этого рескома не вылезит.

Лилина прокашлялась.

— Ну-ка, ну-ка, — заблестели глаза у Короля, — что нам скажет теневой редактор.

— Мы сами знаем свои проколы, — с пионерским задором ответила ему и всему собранию Лилина. — Нам надо было внутри разобраться со своими проблемами. Зачем мы подготовили полосы, отклики читателей в поддержку редактора?

— А вы хотели, чтобы его по старинке придушили, то бишь втихаря? Ну, вы, ребята-коммунисты, даете! — вдруг раздался с места медвежий рык Малоземова. — Я вас тут, в углу, слушаю, слушаю и не понимаю. Вы вообще о чем?! О какой позиции и о какой партии? Которая нас в тупик завела, сухой закон ввела и похмелиться не дает? Как была она у вас, эта партия, «гыр-гыр-гыр — и нет человека», так и остается. Хорошо, что я пришел на ваше собрание и увидел, как вы тут кончаете человека. Тоже мне, строите социализм с человеческим лицом...

С этими словами Стас встал и вышел.

— Публикацией этих откликов, — как ни в чем не бывало, продолжила Лилина, — мы нанесли еще один урон авторитету нашей республиканской партийной организации. Теперь к рескому вся читающая публика будет относиться еще хуже.

По традиции, черту под прениями подводил высокий гость из обкома — убедительный Барбарисов:

— Товарищи, мы пришли к вам с тем, чтобы узнать, как и чем вы живете, какие проблемы у вас есть и, в меру своих возможностей, помочь вам. Нас, конечно, не может не волновать и ситуация, сложившаяся в вашем коллективе. Последние выступление Бурбулиса, Прокушева и других авторов не оставляют сомнений: вы начинаете брать антипартийный уклон. И это не только мое мнение. Вы стали забывать, кто является учредителем газеты. Хочу сразу и откровенно заявить, наша позиция — полозковская. И мы линию товарища Полозкова будем вести неуклонно. Обратите внимание, так называемая демократическая пресса не предоставляет места авторам-коммунистам. Там выступления идут в одни ворота.

Барбарисов остановился, тяжело глянул на бледного Володю:

— Я также полагаю, что редактору не грех задуматься и над тем, почему в последнее время выявился выход некоторых коммунистов из партии.

Тут он бросил еще более тяжелый взгляд в другую сторону — на Наташу Мичурину:

— Если быть логичным до конца, то, думаю, таким товарищам правильной будет подумать и над тем, нужно ли им дальше работать в партийной газете. Знайте, реском не позволит и не допустит потери своего печатного органа. Мы не предадим своей приверженности социалистическим идеалам, завещанным Лениным. Что бы там ни было плохого в прошлом, в истории страны и партии, нельзя забывать и о том положительном и позитивном, что было сделано ею и делается сегодня.

Барбарисов перевел дух и окинул суровым взглядом всех собравшихся:

— У нас немало упреков накопилось к вам. Скажем, почему без согласования с нами вы убрали лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Такие вещи без учредителя не решаются.

И в этот момент открылись двери, в которые несколько минут назад вышел разъяренный Малозёмов, и на пороге возник первый секретарь республиканского комитета партии. С места невольно привстал Эверестов, а и так стоявший Барбарисов вытянулся в струнку.

— Продолжайте, продолжайте, — милостиво разрешил первый секретарь, но Барбарисов ответил:

— Я кончил.

— Ну, тогда я скажу несколько слов, с позволения, — первый секретарь, что называется, взял быка за рога:

— Нам, товарищи коммунисты, во что бы то ни стало надо сегодня, в первую очередь, подумать о будущем, надо сделать выбор: с кем мы, товарищи? Вот многие из вас говорили накануне визита в наши края Бориса Николаевича: «Ельцин, Ельцин!». Да ничего ваш Ельцин нам не даст. Вы посмотрите все последние документы, которые принимает российский парламент. Это же все насквозь антипартийное, антикоммунистическое. Он же ведет нас к капитализму. Если к власти придет Ельцин, Россия покроется кровавыми столбами. Будет гражданская война. А Ельцин станет новым монархом. Предстоящие выборы президента России — это выборы монарха. Да, я вынужден признать, — он оглянулся на Барбарисова, — мы упустили из поля зрения нашу печать. Потеряли районную и городскую. Этот пробел надо ликвидировать. Мы поправим положение. Нам надо решительно разобрататься и избавляться от балласта. К примеру, надо рассмотреть вопрос о пребывании в партии редактора другой газеты — молодежной. По сути, со страниц этой газетенки идет подрывная, предательская агитация. Имеет ли право ее редактор носить партбилет? Ответ, думаю, известен.

И после этих слов, столь же стремительно, как появился, первый секретарь исчезает в тех же дверях, за которыми пропал недавно Стас Малозёмов.

В этом появлении и исчезновении было что-то настолько мистическое, нереальное, что убежденные

материалисты Барбарисов, Эверестов и другие ошеломленно переглянулись: что же это такое было?

Король, тоже слегка ошарашенный, в гробовой тишине прошептал из своего угла:

— Сатана, не иначе...

Собрание завершилось поздно.

Только двое проголосовали против Володи. Остальные его поддержали. Споры нет, у каждого из нас были свои претензии к главному редактору. Но в тот момент, когда на пленуме товарищи коммунисты «покатили бочку» на одинокого нашего шефа, мы, раздираемые внутренними противоречиями, спорами и конфликтами, объединились вокруг него, как пролетарии.

Расходились молча. Кто-то обронил в дверях:

— Уйдет он все равно.

— Его уйдут, — уточнил кто-то.

Контора разбрелась по отделам.

Володя остался в кабинете один.

В белой рубашке, у черного окна.

Отмахов супротив Малозёмова

И было мне после мистического явления другое, уже в нашем отделе информации: в боксерской стойке вставшие друг перед другом Стас Малозёмов и дежурный по номеру Шура Отмахов.

Они сцепились на моих глазах, едва я вошел в отдел. Колхоз свел их в смертельной схватке. Спор шел о коллективных хозяйствах. Малозёмов в своих статьях их громил. Подогрел этот пыл недавний визит в республику одного из братьев Стародубцевых, ратовавшего за их сохранение. Стас сопровождал Стародубцева в его поездках по колхозам республики, написал в газете отчет, в котором, в духе времени, разнес по кочкам колхозы, а заодно и ретрограда Стародубцева.

После малозёмовского отчета в редакцию пришло письмо из района, где когда-то Стас «пахал» в местной газете. В письме находилась вырезка из районной газеты — ода колхозному строю. И подпись под ней — Малозёмов.

Так какому Малозёмову нам больше верить, вопрошал вредный читатель? Прежнему или нынешнему?

Ехидное письмо пришло давно, но Отмахов не торопился ознакомить Малозёмова с его содержанием. Жалел, наверное. Но тот сам нарвался и по другому поводу: развел сыр-бор из-за крошечной информации о бывшем прокуроре одного из башкирских городов. Несчастный приехал на какое-то совещание в Уфу и... повесился в туалете Минсельхоза. Что толкнуло его на этот шаг, неизвестно.

Убойную информацию — в обкоме партии называли такую «жареные факты» — Отмахов никогда не задерживал. Но в этот раз тормознул.

— Ты чего, Шура? — не понял его Малозёмов. — Подписывай — и в номер.

— Стас, давай не будем. Жалко мужика: семье какой удар — да еще мы добавим.

— А мне это как-то по барабану! — заорал Малозёмов. — Я где работаю? В бюро добрых услуг или в газете? Я репортер. Мужик полез в петлю — я пишу об этом. А что там будут испытывать его жена и близкие — не мое дело. Об этом он должен был сам думать, когда

веревку намывливал. Это надо разобраться, кто больше ударил по близким — он сам или моя информация. Проститутки вы все тут. И ты, Шура, первая проститутка. С партбилетом.

— Вот что, ты, праведник Станислав Альбертович! — сдерживая бешенство, почти шепотом четко, членораздельно произнес Отмахов, и гусарские усы на побледневшем лице стали еще чернее. — У меня есть грехи — не святой. Кроме одного: я не плевал в колодцы, из которых пил.

И бросил на стол Малозёмову письмо ехидного читателя о колхозах:

— На, читай, узник совести...

Додали, гады

Время, тем временем, шло своим чередом. Отзвене- ла капель с крыш, откипела сирень в садах, отшумели дебаты в конторе. Редакционная жизнь продолжалась. Газета выходила. Какие-то процессы, тайные, подковы- рные происходили, мы не видели их, но чувствовали, понимали: они идут. Быть не может, чтобы этакая махина остановилась. Тем не менее, произошло то, чего никто не ожидал — ни эти носороги из «Белого дома», ни наш редактор, на которого они навалились всем скопом, ни мы сами. Они там, наверху, наверняка были убеждены, что внутри коллектива начнется раз- лад и раздрай и что мы изнутри сами своего редактора догрызем.

Но этого не произошло. И сколько нас ни тягали на различные приватные, интимные беседы, сколько ни скликали на партийные и беспартийные сборища, мы шефа не сдавали, стояли на своем: редактору до- веряем.

Мы полагали, с нашей поддержкой и он должен стоять до конца. Но на исходе июня девяносто первого года редактор подал заявление об увольнении. И это заявление удовлетворили.

— Додали, гады, Володю, — заметил безапел- ляционно Король. — Но он-то тоже хорош, мог бы нас предупредить. Не всех, но хотя бы самых беззаветных и глупых, которые за него бросились очертя голову.

Мы были в командировке в каком-то районе. Как говорил завсельхозотделом Толя Овчинников, у нас на ботинках еще говно коровье после ферм не обсохло и сено щекотало ноздри, когда в половине восьмого утра в радиообзоре республиканской прессы мы услы- хали, что очередной пленум республиканского коми- тета коммунистической партии РСФСР удовлетворил просьбу главного редактора республиканской газеты «Советская Башкирия».

Я чуть с гостиничной койки не свалился.

А каково было Наталье Мичуриной, которая в это время находилась в другом конце страны — в Москве, ища защиту нашему редактору в российском парламенте.

На второй день после рескомовского решения она, оглушенная, возвратилась в редакцию. В редакторском кресле восседал уже заместитель Володи — Расстегаев.

В конторе уже торжествовала атмосфера нового назначения. Расстегаев, увидав возвратившуюся Ми- чурину, скрипучим голосом громко, на весь коридор, спросил:

— Кто разрешил и по какому праву на редакцион- ные деньги госпожа Мичурина мотается по столицам!?

Свидетелем этого крика и Наташиного ответного молчания была вся контора. Промолчали все. Кроме, естественно, Короля — тот с прямокой самоубийцы заявил, подойдя вплотную к Расстегаеву, глядя в глаза и тоже на весь коридор:

— Володя, конечно, паразит, — нас не предупредил. Но, Слава, и с тобой я работать не буду. Я не принимаю твою политику.

И начались в конторе новые начинания. Рассте- гаев вызывал к себе сотрудников на собеседование по одному.

Первой оказалась Вика Хван. Вернее, она сама зашла в кабинет согласовать свой материал. Вышла оттуда бледная и взволнованная, забыв, зачем туда вошла. На наши вопросы не откликнулась, пока Шура Отмахов не поинтересовался бледностью ее лица. Тогда она ответила:

— Ребята, теперь каждому из нас зададут вопрос, с кем вы, мастера пера и культуры?

— Ну, и с кем ты? — спросил ее Отмахов.

— Я беспартийная, как Малозёмов.

Беспартийный и трезвый, как стеклышко, Стас с нескрываемым любопытством посмотрел на нее. Потом уточнил:

— А я — с Володей. И я уйду из этого Дома печали.

— Я с вами, — не раздумывая, поддержала она Малозёмова.

Вместо послесловия

Дом печати в Уфе на улице 50-летия Октября, 13 некогда был центром, который привлекал поэтов, воль- нодумцев, бунтарей и душевнобольных. Они несли сюда свои стихи, рассказы, заметки, шли, наивные, сюда за правдой и справедливостью. Сегодня старожилы называют его Домом печали. Он производит грустное впечатление. Во всяком случае, на меня. Я не виноват, но это так.

Есть желающие вдохнуть в этот Дом новую жизнь. Говорят, нашли способ — в духе времени, это десятиз- тажное здание намереваются акционировать.

Во мне такие перспективы радости не вызывают. Вообще, никаких чувств, кроме грусти и разочарования, что естественно для человека, стоящего на обочине жизни.

Дом печати — свидетель и участник того, как медленно и мучительно умирал социализм и как на- храписто и уверенно, на всех парах, на смену ему пер- капитализм. И он пришел. И теперь, тридцать лет спу- стя, видно, кто был прав тогда и кто победил сегодня...

г. Уфа, XX век год 1991 — XXI век год 2021

ПРАВИЛА

для авторов научно-практического альманаха «Акценты. Новое в массовой коммуникации»

Альманах принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Альманах выпускается в восьми номерах (4 ежеквартальных выпуска).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром издания, поэтому им рекомендуется скачивать PDF-версии с сайта факультета (<http://jour.vsu.ru/izdaniya-zhurnaly-i-prodolzhayushchiesya-izdaniya/almanah-akcenty>).

Статьи принимаются в электронном виде. Они должны быть сжато написаны, аккуратно оформлены и тщательно отредактированы.

Текст статьи должен быть набран через полтора интервала, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr).

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы в бумажном и электронном виде (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru):

- 1) текст статьи, подписанный всеми авторами, таблицы, иллюстрации и подписи к ним;
- 2) название статьи, аннотацию, ключевые слова, инициалы и фамилию авторов, место работы — **на русском и английском языках**;
- 3) сведения об авторах: их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (**на русском и английском языках**);
- 4) цветное фото автора.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через запятую дается указание на страницы — [1, с. 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, с. 5; 2, с. 75]).

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать сноски.

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавляется **ЛИТЕРАТУРА (прописные буквы)**. Список оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 Библиографическая запись. **Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.**

Редколлегия